

АРХЕОЛОГИЯ ВЛАДИМИРО- СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

АРХЕОЛОГИЯ ВЛАДИМИРО- СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО СЕМИНАРА

Выпуск 15

Москва 2025

УДК 902/903
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Редакционная коллегия:
Н. А. Макаров (ответственный редактор)
С. В. Шполянский (составитель), *И. Е. Зайцева*

Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 15 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. – М.: ИА РАН, 2025. – 220 с.

Очередной выпуск сборника составлен на основе материалов 15-го научно-практического семинара «Археология Владимиро-Суздальской земли», прошедшего 2–3 декабря 2024 г. в г. Владимире.

В публикациях представлены результаты новейших археологических работ в историческом центре Северо-Восточной Руси, а также материалы исследований средневековых памятников верхнего Поволжья. Освещаются исследования территорий исторических городов, архитектурных памятников, средневековых сельских поселений и погребальных древностей, ряд общих вопросов изучения материальной и духовной культуры населения исторического ядра Владимиро-Суздальской земли.

Archaeology of Vladimir-Suzdal land. The next issue of the edition is based on the materials of the 15th scientific and practical seminar «Archeology of Vladimir-Suzdal land», held on December 2–3, 2024 in Vladimir.

The results of the latest archaeological works in the historical center of North-Eastern Russia, as well as the research materials of a number of medieval sites of the upper Volga region are presented in the publications. The research of territories of historical cities, architectural monuments, medieval rural settlements and funerary antiquities, a number of the general questions studying of material and spiritual culture of the population of a historical core of Vladimir-Suzdal land covered in the materials of the seminar.

ISSN 2686-6919
ISBN 978-5-94375-488-3
DOI: 10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-488-3

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2025
© Государственный историко-архитектурный и художественный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2025
© Авторы статей, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

Макаров Н. А., Красникова А. М.

Гнездилово: погребение со всадническим снаряжением и инструментами
для взвешиваний из раскопок 2024 г. 7

Щапова К. А.

Коллекция из раскопок Подболотьевского могильника 1910 г.
в собрании Государственного Владимиро-Суздальского
музея-заповедника 22

Каретников А. Л., Каретникова В. А., Карпов В. Г., Верин А. В.

Распаханный могильник IX–XI вв. у села Шулец
в окрестностях Ростова Великого (по материалам разведок 2024 г.) 37

Елкина И. И.

Текстиль из грунтового могильника селища Павловское 2
(раскопки 2023 г.) 47

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

Бергер А. О., Фатьков А. М., Федонин Р. А., Макаров Н. А.

Суздальский кремль: лазерное сканирование по технологии LiDAR 59

Бейлекчи В. В., Бейлекчи Вал. В.

Комплексы и находки из раскопок 2019 и 2023 гг. в кремле Муроме 69

Данилов О. В., Захарова Н. М., Абрамов Д. В., Быкова В. А.

Монгольские осадные снаряды, найденные
при исследовании Золотых ворот 86

Щербаков В. Л.

Археологические исследования посада города Костромы в 2023 г.:
предварительные итоги раскопок на ул. Щемилровке, 13 96

Лазарев А. С., Щербаков В. Л.

Нумизматические материалы XIV – начала XVIII в.
Из раскопа в г. Костроме на ул. Щемилровке, 13, в 2023 г. 109

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Тимофеева Т. П.

К вопросу о погребальных аркосолиях
в церкви Бориса и Глеба в Кидекше 123

Баранов Н. А.

Средневековые монетные весы из кости и плотного рога
из исследований в г. Суздаль 133

Томсинский С. В.

Угличские смальты 140

Шполянский С. В., Несмиян О. А., Несмиян В. Г.

Металлические и костяные накладки из раскопок Плесской крепости:
к изучению материальной культуры населения русского Поволжья
в позднем средневековье 150

Турова Е. А.

Археологические исследования 1999 г. Успенской (Дивной) церкви
угличского Алексеевского монастыря в контексте изучения
символики храма времени его создания 178

Несмиян О. А., Несмиян В. Г.

Гидротехнические сооружения Плеса по данным раскопок 2024 г. 211

Список сокращений 217

Правила подачи статей в сборник 218

CONTENTS

RURAL SETTLEMENTS AND CULTURAL LANDSCAPES

Makarov N. A., Krasnikova A. M.

Gnezdilovo: burial with horseback riding equipment
and weighing tools from the excavations of 2024 7

Shchapova K. A.

A collection from the excavations of the Podbolotyevsky Burial Ground
in 1910 in the collection of the State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve 22

Karetnikov A. L., Karetnikova V. A., Karpov V. G., Verin A. V.

A plowed burial site of the 9th–11th centuries near the village Shulets
in the vicinity of Rostov the Veliky (based on the materials
of archaeological exploration in 2024) 37

Elkina I. I.

Textiles from the ground necropolis of the Pavlovskoye 2 settlement
(excavations 2023) 47

ARCHEOLOGY AND HISTORICAL TOPOGRAPHY OF MEDIEVAL CITIES

Berger A. O., Fatkov A. M., Fedonin R. A., Makarov N. A.

Suzdal Kremlin: LiDAR laser scanning 59

Beylekchi V. V., Beylekchi Val. V.

Complexes and finds from excavations in 2019 and 2023
in the Murom Kremlin 69

Danilov O. V., Zakharova N. M., Abramov D. V., Bykova V. A.

Mongolian siege projectiles from excavations at the Golden gate 86

Shcherbakov V. L.

Archaeological research of the Kostroma city settlement in 2023:
preliminary results of excavations at Shchemilovka st., 13 96

Lazarev A. S., Shcherbakov V. L.

Numismatic materials of the 14th – early 18th century from the excavation site
in Kostroma at Shchemilovka st., 13 in 2023 109

MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE

Timofeeva T. P.

To the question of funerary arcosolia in the church of Boris and Gleb
in Kideksha 123

Baranov N. A.

Medieval coin scales made of bone and dense horn
from the researches in Suzdal 133

Tomsinsky S. V.

Uglich smalts 140

Shpolyansky S. V., Nesmiyan O. A., Nesmiyan V. G.

Metal and bone linings from the excavations of the Ples fortress:
to the study of the material culture of the population
of the Russian Volga region in the late Middle Ages 150

Turova E. A.

Archaeological research in 1999. The Assumption (Divnaya) Church
of the Alekseevsky Monastery in Uglich in the context of studying
the symbolism of the church at the time of its construction 178

Nesmiyan O. A., Nesmiyan V. G.

Hydraulic structures of Plyos according to excavations in 2024 211

List of Abbreviations 217

Guidelines for Manuscript Submission 218

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

Н. А. Макаров, А. М. Красникова

ГНЕЗДИЛОВО: ПОГРЕБЕНИЕ СО ВСАДНИЧЕСКИМ СНАРЯЖЕНИЕМ И ИНСТРУМЕНТАМИ ДЛЯ ВЗВЕШИВАНИЙ ИЗ РАСКОПОК 2024 г.

Резюме. Исследования могильника Гнездилово 12, входившего в круг памятников, известных в литературе как «Владимирские курганы», проводятся Суздальской экспедицией ИА РАН и ГИМ уже пятый сезон. В данной публикации рассматриваются материалы из двух мужских погребений, открытых на окруженной кольцевидной канавкой курганной площадке. Одно из них было совершено в центре в большой яме размером 3,7 × 1,6 м, сопровождалось набором всаднических вещей, боевым топором и весами для малых взвешиваний и было близко по общему составу инвентаря «первому гнездиловскому всаднику». Другая ингумация, совершенная на той же площадке позже, оформлена гораздо аскетичнее, что позволяет говорить о различном социальном статусе погребенных.

Выявление в Гнездилово уже второго погребения со всадническим снаряжением открывает Суздальское Ополье как одно из мест концентрации военной элиты и формирования воинской культуры Северо-Восточной Руси первой половины XI в.

Ключевые слова: средневековая Русь, погребальный обряд, элитные погребения, Суздальское Ополье, курганы, боевые топоры, всадническое снаряжение.

Могильник Гнездилово 12 (далее – Гнездилово) – один из четырех суздальских некрополей X–XI вв., «потерянных» после раскопок А. С. Уварова – надолго выпавших из поля зрения археологии и вновь открытых в последние десятилетия. Масштабные неинвазивные исследования всей площадки могильника и новые раскопки, начатые в 2020 г., показали, что вопреки первоначальным ожиданиям большая часть некрополя осталась не затронута полевыми работами середины XIX в. Стало очевидно, что могильник перспективен для изучения широкими площадями как большой погребальный памятник, сохранивший отчетливо выраженную и доступную для выявления и документирования пространственную структуру и многочисленные и разнообразные по своему облику непотревоженные погребальные комплексы. Особое значение имеет присутствие среди них захоронений со сложными погребальными конструкциями и престижным погребальным инвентарем. За пять полевых сезонов в Гнездилово на площади около 1700 кв. м исследованы 69 целых и нарушенных

Рис. 1. Могильник Гнездилово 12: ортофотография погребения 49 на уровне расчистки

ной элиты (Макаров, Красникова, 2022). Раскопками 2024 г. в Гнездилово открыто еще одно погребение с набором всаднических вещей, боевым топором и весами для малых взвешиваний (рис. 1–7), близкое по общему составу сопровождающего инвентаря «первому гнездиловскому всаднику». Этот яркий погребальный комплекс заслуживает отдельной публикации.

Второе погребение со всадническим снаряжением (погребение 49) было обнаружено в северо-восточной части могильника, в раскопе 3. Этот участок представляет собой нижнюю часть склона возвышенности, на которой располагается некрополь. В 2022–2023 гг. в раскопе 3 на площади около 400 кв. м было исследовано 15 целых или нарушенных распашкой погребений по обряду ингумации, 5 из которых изначально находились под курганными насыпями, а 10 – в грунтовых ямах, не отмеченных курганами. Раскоп 3 2024 г. площадью 180 кв. м прилегал к ранее исследованному участку с запада и был заложен с таким расчетом, чтобы охватить одну из выявленных электротомографической разведкой аномалий, которая, предположительно,

погребений по обряду ингумации и остатки разрушенных кремаций, залегающие в пахотном слое и в заполнении могильных ям. Раскопы были заложены в различных частях могильника – так, чтобы обеспечить широту пространственного охвата его территории, с выбором для исследования участков с геофизическими аномалиями, на месте которых можно было прогнозировать наличие курганных площадок или могильных ям. С продолжением раскопок Гнездилово приобретает значение одного из опорных памятников для изучения культурной ситуации X–XI вв. в центре Суздальской земли.

Общая характеристика некрополя и основные наблюдения о его пространственной организации, погребальном обряде, хронологии и культурном облике представлены в публикациях, подготовленных по итогам первых трех лет полевых работ (Макаров и др., 2021а; 2021б; 2023б; 2023в; Макаров, Красникова, 2023). Предметом особого внимания стали погребения, сопровождавшиеся боевыми топорами, редкие в суздальских могильниках, и открытое в 2021 г. необычное для Северо-Восточной Руси погребение со всадническим снаряжением и оружием, указывающими на принадлежность умершего к кругу военно-административ-

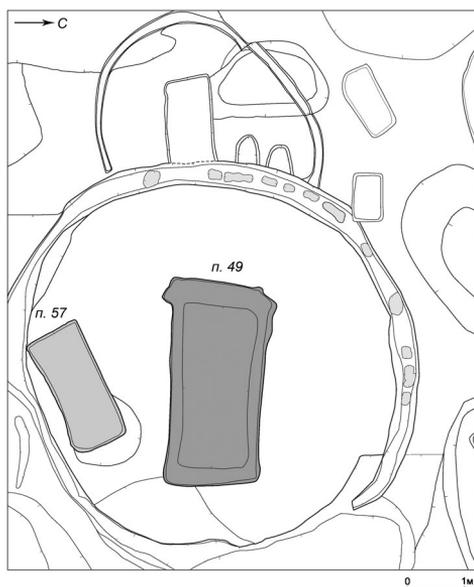

Рис. 2. Могильник Гнездилово 12: план погребений 49 и 57 на уровне зачистки материковой поверхности

ми (погребение 49). Вторая яма (погребение 57) занимала южный край площадки и имела сильное (25°) отклонение к югу.

Погребение 49 (рис. 1–7) находилось в могильной яме размером $3,7 \times 1,6$ м, заглубленной в материк на 0,5 м (рис. 1–3). Заполнение ямы в разных частях было сложено темно-серым гумусированным суглинком и переотложенным материковым грунтом. В заполнении ямы прослежены следы прямоугольной конструкции типа клетки шириной 106–123 см и максимальной длиной 360 см (рис. 3). Вероятно, следами этой конструкции являются врезанные на 2–4 см в западный борт ямы «ушки», оставшиеся от относительно тонких плашек или досок. В западной части ямы прослежены элементы конструкции в виде поперечной «стенки», сложенной из бревен (?), забитых в материковые борта ямы и образующих «ушки», выступающие на север и юг. Очевидно, внутримогильное сооружение представляло собой стационарную конструкцию с перерубами на углах, собранную без использования железных гвоздей.

Костяк мужчины 25–30¹ лет лежал вытянуто на спине со слегка согнутыми в локтях, немного отведенными, но покоящимися вдоль тела руками. Череп лежал на боку, лицевыми костями на юг. Кости пальцев левой руки располагались сверху на тазу. В области таза расчищены бронзовая лировидная пряжка с фрагментами ткани и четыре ременных разделительных кольца, три железных и одно бронзовое с насечкой (рис. 3; 5: 10–14). Слева у таза находились длинный железный нож с остатками

была интерпретирована как курганная площадка. В раскопе исследовано 7 погребений.

В юго-восточной части раскопа под слоем пахоты была выявлена округлая в плане площадка – материковый останец диаметром 6,4–6,5 м, окруженный кольцевой канавкой шириной от 26 до 55 см и глубиной от 24 до 80 см (рис. 2). По дну канавки в ее северо-западной четверти были прослежены углубления округлой и овальной форм, возможные следы столбовых или иных конструкций. С востока, юго-востока, юго-запада и севера площадку окружал прерывистый ровик, состоящий из отдельных ям глубиной до 50 см, часть из которых могла быть общими для открытых в пределах раскопа курганов. На площадке в границах кольцевой канавки выявлены контуры двух могильных ям. Одна из них занимала ее центр, была ориентирована строго по оси запад – восток и выделялась крупными размерами

¹ Здесь и далее определение выполнено м. н. с. лаборатории контекстуальной антропологии ИА РАН А. Д. Буряк.

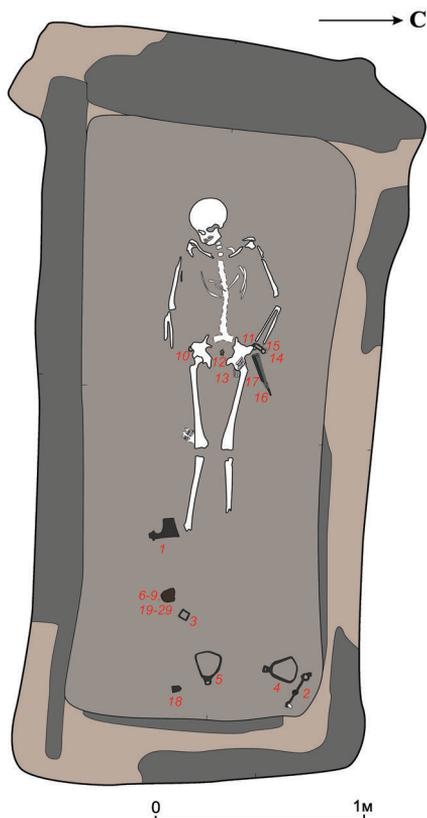

Рис. 3. Могильник Гнездилово 12: план погребения 49 (номера находок на плане соответствуют номерам на рис. 4–6)

ре из которых лежали перпендикулярно оси погребения шляпками к стенкам ямы. Исходя из расположения гвоздей, можно полагать, что в могилу был помещен гроб длиной около 180 см и шириной около 50 см. На дне ямы расчищен костяк мужчины 30–50 лет плохой сохранности, находившийся на спине в вытянутом положении. Череп был обращен лицом на юго-восток, нижняя челюсть лежала отдельно восточнее. Длинные кости ног располагались в анатомическом порядке. У бедра справа расчищен лежавший вдоль тела острием к ногам железный нож (рис. 9: 3), в области колена справа – бронзовое ременное кольцо с фрагментами кожи (рис. 9: 2), ниже в области ног – железное острие с кольцом (рис. 9: 4) и бронзовая ливовидная пряжка с фрагментами кожи (рис. 9: 1).

Судя по взаиморасположению и несовпадающей ориентировке центрального на курганный площадке погребения 49 и погребения 57, последнее было подзахоронено на ограниченную кольцевой канавкой площадку позже.

костяной (?) рукояти и ножен, скрепленных пластинчатой обоймицей из цветного металла, овальное кресало (рис. 5: 15–17; 7), у колена справа – челюсть мелкого рогатого скота, у правой берцовой кости – топор с отпечатками ткани, повернутый лезвием к стопе (рис. 4: 1). В ногах у правой стопы расчищены находившиеся в кожаном футляре и покрытые берестой две вложенные друг в друга чашечки весов и коромысло весов (рис. 5: 9). Внутри чашечек находились 11 фрагментов дирхамов (рис. 6), 3 весовые гири (рис. 5: 6–8), 2 – бочонковидные и 1 четырнадцатигранная, и лесной орех – скорлупа и карбонизированное ядро. Далее в ногах, в восточной части ямы расчищена железная подпружинная пряжка (рис. 4: 3), а ближе к восточной стенке – два железных стремена, подножками в разном направлении, железные удила (рис. 4: 2, 4, 5) и железный навесной замок (рис. 5: 18).

Погребение 57 (рис. 2; 8; 9) находилось в яме прямоугольной формы размером 220 × 95 см на глубине 40–50 см от уровня поверхности площадки. Заполнение ямы представляло собой переложенный материковый грунт с включениями темно-серого суглинка. В придонной части ямы по углам расчищено пять железных гвоздей (рис. 9: 5–9), четы-

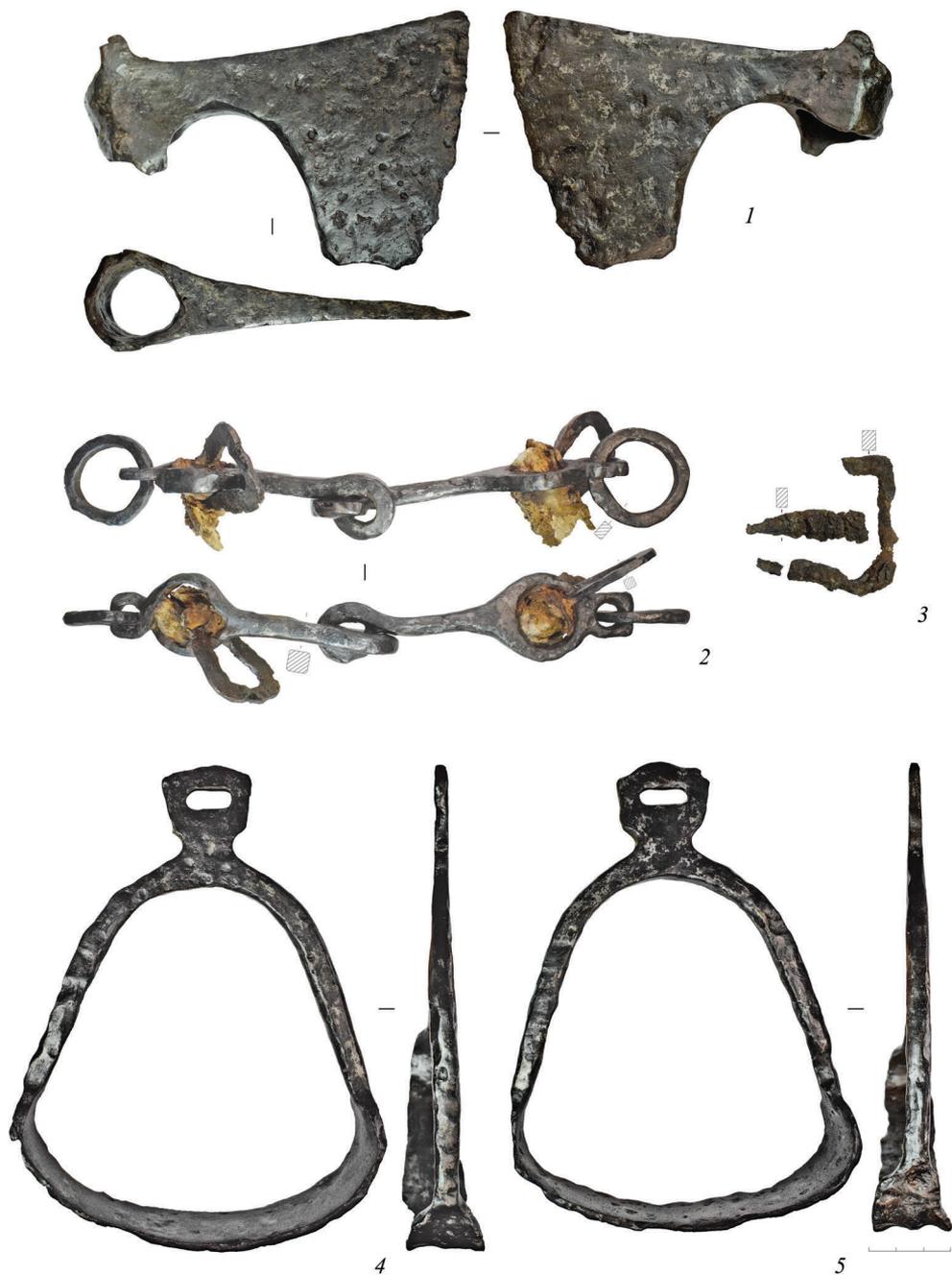

Рис. 4. Могильник Гнездилово 12: инвентарь погребения 49. № 1–5 (номера находок соответствуют номерам на плане, рис. 3)

Рис. 5. Могильник Гнездилово 12: инвентарь погребения 49. № 6–18 (номера находок соответствуют номерам на плане, рис. 3)

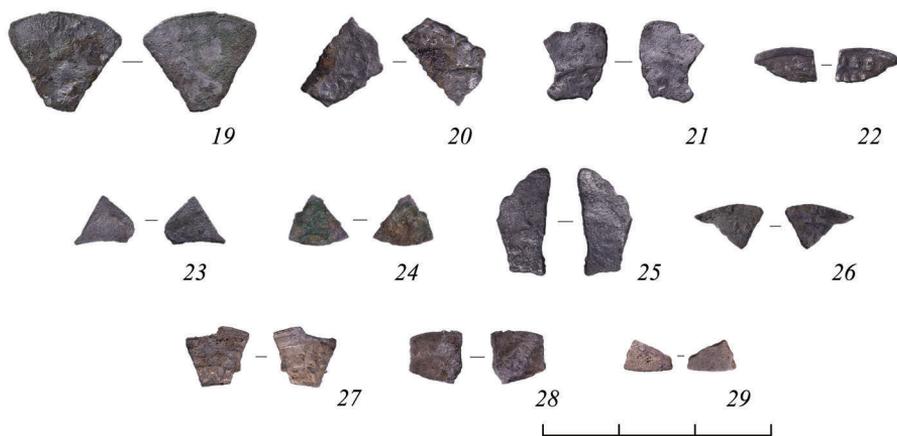

Рис. 6. Могильник Гнездилово 12: инвентарь погребения 49. № 19–29 (номера находок соответствуют номерам на плане, рис. 3)

Рис. 7. Могильник Гнездилово 12: расчистка ножен в погребении 49

Рис. 8. Могильник Гнездилово 12: план погребения 57 (номера находок на плане соответствуют номерам на рис. 9)

Taf. 28; 60: 1). Ближайшая аналогия гнездиловским находкам – стремена из камерного погребения в кургане 100 в Тимеревском могильнике (Фехнер, Недошивина, 1987. Рис. 2). Удила – с роговыми псалиями, вставленными в специальные отверстия в звеньях удил, кольцами для оголовья, закрепленными на концах грызла, и поводными кольцами, сопряженными с псалиями (рис. 4: 2). А. Н. Кирпичников выделил удила такой конструкции с роговыми псалиями в отдельный тип Ib и указал на их связь с древнерусской воинской средой X в. (Кирпичников, 1973. С. 12–14). Замок – навесной призматический, высотой около 4 см, с Т-образной прорезью для ключа и дужкой с пружинным устройством, погруженным в корпус (рис. 5: 18). Замки этого типа появились на Руси в X в. под североевропейским влиянием и оставались в употреблении вплоть до середины XIII в. (Кудрявцев, 2014. С. 14). Небольшие размеры и особенности оформления замка из погребения 49 сближают его с предметами из раннегородских поселений и могильников X в. Нож с узким клиновидным лезвием и овальное кресало сильно разрушены коррозией. Весы имеют плохую сохранность, диаметр металлических чашечек – около 60 мм, чашечки не орнаментированы.

Фрагменты 6 монет (рис. 6) по типу и палеографии надписей определены А. А. Гомзиным как дирхамы X в., 3 из них определены как монеты чекана Саманидов середины – второй половины X в., один обломок – чекан Мансур б. Нух (350–366 гг. х. / 961–976 гг.). Ниже приводятся определения монет:

Коротко рассмотрим инвентарь погребения 49. Топор, сопровождавший погребенного, – с полукруглой выемкой в основании и вырезным обухом (рис. 4: 1). Этот тип боевых топоров был наиболее распространенным на Руси в XI – первой половине XII в. Топор из погребения 49 более массивный, чем большинство ранее найденных в Гнездилово, его вес – 330 г. Стремена с арочным корпусом, изогнутой подножкой с тремя валиками, придававшими изделию дополнительную прочность, и пластинчатым ушком с прорезью для ремня (рис. 4: 4, 5; тип 1, по А. Н. Кирпичникову) имели широкое бытование в степях на юге Восточной Европы, от Венгрии до Южного Приуралья в IX–XI вв., а с X в. вошли в обиход на Руси (Кирпичников, 1973. С. 47; Красильников, 2012. С. 364–366. Рис. 3: 1–12; Кравченко, 2020. С. 203. Рис. 4: 1, 3). Отдельные их находки известны в погребениях эпохи викингов в Балтийском регионе (Jann, Ibsen, 2024. Band 1. S. 327, 340–341. Band 2.

Рис. 9. Могильник Гнездилово 12: инвентарь погребения 57. № 1–9 (номера находок соответствуют номерам на плане, рис. 8)

1. Подражание (?) куфической монете, X (?) в. На одной из сторон различим небольшой фрагмент имитационной надписи (рис. 6: 19).

2. Саманиды, Мансур б. Нух (350–366 гг. х. / 961–976 гг.), выпускные сведения утрачены (рис. 6: 20).

3. Династия и эмитент не установлены, выпускные сведения утрачены, по палеографии – X в. (рис. 6: 21).

4. Саманиды, имена амира, аббасидского халифа и выпускные сведения утрачены, по типу и палеографии – вторая – третья четверти X в. (рис. 6: 22).

5. Династия и эмитент не установлены, выпускные сведения утрачены, по типу и палеографии – не ранее второй четверти X в. (рис. 6: 24).

6. Саманиды, имена амира, аббасидского халифа и выпускные сведения утрачены, по типу и палеографии – вторая половина X в. (рис. 6: 27).

Присутствие в погребении стремян с изогнутой подножкой и пластинчатым ушком с прорезью для ремня, весов с небольшими размерами чашечек, четырнадцатигранной гирьки и фрагментов дирхамов (при отсутствии денариев) позволяет полагать, что верхняя хронологическая граница комплекса не выходит за рамки середины XI в. Лировидные пряжки нехарактерны для мужских поясов X в. Исходя из этого, погребение может быть датировано в интервале между рубежом X–XI вв. и серединой XI в., с наибольшей вероятностью – началом XI в.

Инвентарь погребения 57 включает сильно корродированное железное острие с кольцом, железный нож с узким клиновидным лезвием, бронзовую лировидную пряжку с железным язычком и бронзовое поясное кольцо с остатками кожаного ремня (рис. 9: 1–4). Этот набор вещей не дает возможности для датирования захоронения в узких хронологических рамках. Как уже отмечено, местоположение погребения 57 на краю площадки указывает на его более позднюю относительно погребения 49 датировку. В пользу этого же свидетельствует характер внутримогильного сооружения, скрепленного железными гвоздями. В погребениях начала XI в. в Гнездилово конструкции такого типа не выявлены, наиболее ранние зафиксированы в могилах середины XI в. Различия в размерах могильной ямы и внутримогильных конструкций и в наборе инвентаря двух мужских погребений на одной площадке в данном случае уместно интерпретировать как отражение различного социального статуса погребенных.

Погребение с близким набором сопровождающих вещей и сходным обустройством, частично задетое распашкой, было открыто в Гнездилово в 2021 г. Это погребение 19 – первый гнездиловский всадник. Оба погребения объединяют большие размеры могильных ям (практически идентичные: в погребении 19 – $3,3 \times 1,6$ м) со сложными стационарными деревянными конструкциями, отсутствие гробов, скрепленных гвоздями, присутствие в могилах металлических деталей пояса, сочетание в наборе сопровождающих вещей боевых топоров, стремян, удила, подпружных пряжек и весов для малых взвешиваний, отсутствие в захоронении или рядом с ним останков коня, которые были бы ожидаемы в сочетании со стремянами и удилами. Различие заключалось в том, что в погребении 19 стремяна, удила, весы и топор были положены не в ноги, а сбоку от погребенного, справа. К сожалению, проследить их точное расположение в этом случае не удалось. Обрезок дирхема был помещен отдельно от весов, у плеча, в ногах находился лепной сосуд, отсутствовавший у второго всадника. Необычный элемент в наборе сопровождающего инвентаря

погребения 49 – запертый сундучный замок. Замки присутствуют в некоторых погребальных комплексах X в. на Руси (в том числе в Гнездове, Тимереве и Усть-Рыбежне) и в Скандинавии, но такие погребения составляют небольшую группу (*Кудрявцев*, 2016. С. 117–118). Эти различия деталей не затрагивают общности основных элементов и композиции обряда двух гнездиловских погребений.

Публикуя материалы первого погребения со всадническим снаряжением и весами, мы уже отмечали редкость комплексов с наборами подобных предметов (да и с отдельными категориями, такими как стремяна и весы) в погребальных памятниках Руси. Открытие в Гнездилово второго погребения со всадническим снаряжением, сходного с первым по оформлению захоронения и составу погребального инвентаря, показывает, что мы имеем дело не с особыми индивидуальными формами обустройства могил, а с устойчивой, хотя и редкой, разновидностью погребального обряда, вероятно, связанной с погребением лиц определенной социальной группы. Как соотносятся погребения гнездиловских всадников с другими формами престижного погребального обряда X–XI вв.?

Кажется очевидной их связь с камерными погребениями. Их сближают значительные размеры погребальных сооружений, наличие стационарных деревянных конструкций и присутствие в составе погребального инвентаря одних и тех же предметов, имевших значение для репрезентации статуса, – стремян и весов. По подсчетам К. А. Михайлова, находки стремян зафиксированы в 15 камерных погребениях, что составляет чуть более 20 % могил с одиночными или парными мужскими погребениями. Наиболее многочисленны находки стремян в камерных погребениях Шестовицкого некрополя. Однако, как правило, стремяна помещались в камерную могилу вместе с лошадьё. Весы присутствуют в шести камерных погребениях (*Михайлов*, 2016. С. 109, 122, 138). При общности самой идеи помещения умершего в просторное подземное сооружение и близость ряда элементов погребального обряда между камерными погребениями и гнездиловскими захоронениями в больших могильных ямах заметны существенные различия. Они касаются как конструкций внутримогильных сооружений, так и положения погребенного в могиле и состава погребального инвентаря.

Погребения в больших могильных ямах вытянутых пропорций со стационарными погребальными конструкциями в конце X – XI в. получили распространение на Руси и на территориях Южной Балтики, но подробно документированы лишь в нескольких могильниках и до последнего времени не рассматривались как отдельное явление в погребальной обрядности. Размеры могильных ям погребений этой группы заметно превышают размеры тела умерших индивидов, ориентировка западная, сопровождающий инвентарь в погребениях, как правило, скудный или вовсе отсутствует. Эта разновидность погребального обряда стала предметом внимания после раскопок могильников с погребениями в больших ямах вытянутых пропорций в Польше, Германии и в Суздальском Ополье (*Janovsky*, 2011; *Müller-Wille*, 2015; *Макаров*, *Красникова*, 2023. С. 21). Она практиковалась и в Новгороде. Погребения XI в. в больших могильных ямах с деревянными конструкциями в виде срубов, внутри которых находились гробы из досок, были выявлены на ул. Обороны, на окраине средневекового Людина конца (*Исаев и др.*, 2018. С. 124–130). Очевидно, гнездиловские всадники, несмотря на обилие сопровождающих вещей, близки этой группе погребений.

Для характеристики обоих гнездиловских погребений с престижным погребальным инвентарем принципиальное значение имеет сочетание в его составе оружия, всаднического снаряжения и весов для малых взвешиваний. Повторяемость этого сочетания в целом ряде погребальных комплексов X–XI вв. (в том числе в нескольких камерных погребениях, включая погребение в кургане 100 в Тимереве) была отмечена М. О. Жуковским, справедливо указавшим, что она может характеризовать погребенных как представителей элиты, связанных с осуществлением административно-фискальных функций, приемом серебра в качестве податей (Жуковский, 2021. С. 144–164). Можно добавить, что это сочетание зафиксировано не только в погребальных комплексах Руси и Скандинавии, но и в некрополях Южной Балтики, в Польше и на Самбийском полуострове. Среди наиболее выразительных комплексов с подобным набором – погребение 43 в могильнике Цепле с инкрустированными стременами и шпорами, близкое по времени погребениям из Гнездилова (Sieple..., 2019. Р. 151–152, 155), и погребение ТПП17 в могильнике Поваровка со стременами, шпорами и наконечниками копий второй половины XII – первой половины XIII в. (Пронин и др., 2006. С. 87–88, 293–304. Рис. 222–233). Таким образом, символический смысл этого сочетания, использовавшегося для репрезентации знати, был понятен на широких территориях в разных этнических общностях в течение длительного времени.

Находки стремян обычны для кочевнических погребений степной и лесостепной полосы, широко представлены в финских могильниках Поволжья и Прикамья, прусских могильниках на Самбийском полуострове, но необычны для древнерусских некрополей. Уместен вопрос об общем числе таких погребений, исследованных на территории Северо-Восточной Руси. По публикациям, отчетным материалам и музейным коллекциям собраны данные о 13 таких погребальных комплексах (Макаров, Красникова, 2022. С. 113). Два из них – погребения в ярославских могильниках (курган 100 в Тимереве – Фехнер, Недошивина, 1987. С. 71, 73. Рис. 2; курган 34 в Михайловском могильнике – ГК РФ № 45399304²), остальные – погребения, исследованные экспедицией А. С. Уварова в 1851–1854 гг. (Макаров и др., 2022. С. 166; Уваров, 1872. С. 173, 174, 213, 215 – 7 экз.). Дневники А. С. Уварова часто не позволяют точно восстановить облик погребений и полный состав погребальных комплексов, но сам факт присутствия в них стремян, предметов, функциональная принадлежность которых была понятна участникам раскопок середины XIX в., устанавливается надежно.

Семь погребений со стременами исследованы в могильниках Суздальского Ополя, четыре – в могильниках на Плещеевом озере, по одному – в Тимереве и Михайловском в Ярославском Поволжье. Как мы видим, серия погребений из суздальских могильников наиболее многочисленна. Среди погребений в Гнездилове, затронутых раскопками 1851 г., захоронений со стременами нет. Они выявлены в трех других суздальских некрополях – в Василькове, Сельце и Шекшове. Новейшими исследованиями установлено, что все эти могильники, как и могильники Вельского и Городище на Плещеевом озере, – некрополи «больших поселений», памятников особого типа, выделявшихся своими размерами, благосостоянием и являвшихся важными узлами властных отношений на Северо-Востоке Руси в X–XI вв. (Макаров,

² <https://www.goskatalog.ru/portal/#/collections?id=45643660>

Федорина, 2023). Таким образом, все погребения с находками стремян связаны с поселениями одного социального облика.

«Второй гнездиловский всадник» – одно из немногих полностью сохранившихся древнерусских элитных погребений с престижными вещами первой половины XI в., исследованных в новейшее время с использованием современных полевых методов и технических средств, способных с необходимой полнотой зафиксировать его общий характер и детали. Погребение самоценно как инсталляция, характеризующая культурные нормы своей эпохи, своеобразный символический язык, использовавшийся для репрезентации идентичности и социального статуса при переходе от язычества к христианству. Подобные погребения не выявлены пока в других древнерусских центрах, где культурные процессы имели сходный характер и динамику, в том числе на Северо-Западе Руси. Очевидно, такие погребальные комплексы изначально составляли небольшую группу в некрополях конца X – XI в., поскольку значительная часть древнерусской элиты восприняла практику совершать погребения без сопровождающих вещей уже в первые десятилетия XI в.

Погребения со всадническим снаряжением в Гнездилово вместе с находками из других ранее исследованных курганных могильников, пространственное положение которых ранее специально не рассматривалось и не комментировалось, по новому открывают Суздальское Ополье как одно из мест концентрации военной элиты первой половины XI в. и формирования воинской культуры Северо-Восточной Руси. С появлением этих комплексов археологический облик Суздаля XI в., в котором ранее был замечен некоторый дефицит материалов, связанных с дружиной и воинской средой, более соответствует статусу одного из властных центров, значимого в политическом пространстве Руси.

Литература

- Жуковский М. О., 2021. Инструменты и практика малых взвешиваний в Древней Руси: IX–XIII вв. М.: Наука. 476 с.
- Исаев А. А., Гайдуков П. Г., Олейников О. М., 2018. Великий Новгород. Софийская сторона (ул. Обороны, д. 2) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 года. М.: ИА РАН. С. 124–130. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 25.)
- Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. 140 с. (САИ; вып. Е1–36.)
- Кравченко Э. Е., 2020. Предметы вооружения и конского снаряжения хазарского времени (среднее течение Северского Донца) // Археология евразийских степей. № 6. С. 198–223.
- Красильников П. В., 2012. К вопросу о типологии стремян с памятников раннеболгарского времени // Труды КАЭЭК. Вып. 8. Пермь. С. 360–367.
- Кудрявцев А. А., 2014. Замки и ключи в материальной культуре средневекового Новгорода: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 28 с.
- Кудрявцев А. А., 2016. О появлении замков и ключей в Древней Руси // РА. № 1. С. 114–122.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., 2022. Суздальская знать: погребение с оружием и всадническим снаряжением в могильнике Гнездилово // РА. № 4. С. 110–120.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., 2023. Суздальские могильники X–XII вв. в современной археологической картине средневековой Руси // Археологические вести. Вып. 40. С. 108–125.

- Макаров Н. А., Красникова А. М., Ерохин С. А., 2021а. Первые результаты новых исследований могильника Гнездилово под Суздалем // КСИА. Вып. 264. С. 7–29.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., 2023а. Погребальный обряд, хронология, пространственная организация // Археология Суздальской земли. Т. 2. Культура, общество, идентичность / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 9–26.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Ибраилова А. Г., Челтанова Д. А., 2023б. Исследование могильника Гнездилово 12 под Суздалем // АО за 2021. М.: ИА РАН. С. 156–160.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Узулава Н. Д., 2021б. Первые результаты раскопок могильника Гнездилово под Суздалем // АВСЗ. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 7–20.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Шевченко В. А., 2022. Могильник Сельцо: потерянный некрополь X–XI вв. под Суздалем // КСИА. Вып. 269. С. 162–179.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Шевченко В. А., 2023в. Средневековый могильник Гнездилово: находки из пахотного слоя и пространственная организация некрополя // КСИА. Вып. 273. С. 47–64.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н., 2023. «Большие поселения» и особенности организации расселения и социально-экономического устройства X–XI вв. // Археология Суздальской земли. Т. 2. Культура, общество, идентичность / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 287–304.
- Михайлов К. А., 2016. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX – начала XI века в контексте североευропейских аналогий. СПб.: Бранко. 272 с.
- Пронин Г. Н., Смирнова М. Е., Мишина Т. Н., Новиков В. В., 2006. Могильник Поваровка X–XIII вв. (Калининградская область). М.: Таус. 384 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 8.)
- Уваров А. С., 1872. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М.: Синод. тип. 217 с.
- Фехнер М. В., Недошивина Н. Г., 1987. Этнокультурная характеристика Тимереvского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. № 2. С. 70–89.
- Cieple. An elite early medieval cemetery in Eastern Pomerania / Ed. S. Wadyl. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku, 2019. 574 p.
- Jahn Chr., Ibsen T., 2024. Wiskiauten/Mochovoe. Das wikingerzeitliche Gräberfeld: Funde und Befunde der Ausgrabungen 1865–1939. Baden-Baden: Georg Olms Verlag. 720 S. (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete; 22.)
- Janovsky A., 2011. Early medieval chamber graves on the south coast of the Baltic Sea // Der Wandel um 1000: Beiträge der Sektion zur Slawischen Frühgeschichteder 18. Jahrestagung des Mittel – und Ostdeutschen Verbandes für Altertumsforschungin Greifswald, 23. bis 27. März 2009. Langenweissbach. S. 257–267. (Sonderdruck aus Beiträge zur Ur – und Frühgeschichte Mitteleuropas; 60.)
- Müller-Wille M., 2015. The Cemetery in Bodzia in a Broader European Context // Bodzia. A Late-Viking-Age Elite Cemetery in Central Poland / Ed. Andrzej Buko. Leiden; Boston: Brill. P. 479–510.

Сведения об авторах

Макаров Николай Андреевич, ИА РАН;
e-mail: nmakarov10@yandex.ru;

Красникова Анна Михайловна, ФГБУК «Государственный исторический музей»;
e-mail: krasnikova.an@yandex.ru

N. A. Makarov, A. M. Krasnikova

GNEZDILOVO: BURIAL WITH HORSEBACK RIDING EQUIPMENT AND WEIGHING TOOLS FROM THE EXCAVATIONS OF 2024

Summary. Studies of the burial cemetery Gnezdilovo 12 are being carried out by the Suzdal expedition of the Institute of Archaeology (Russian Academy of Science) and the State Historical Museum from the 2020. This barrow cemetery was known as one of the necropolises among “Vladimirskie kurgany” which was excavated overseen by A. S. Uvarov in 1851–1854.

This publication considers materials from two male burials opened on a barrow platform surrounded by a ring-shaped groove. One of them was in the center in a large pit measuring $3,7 \times 1,6$ m. He was accompanied by a set of horseman’s belongings, a battle ax and scale and was close in overall inventory to the “first horseman from Gnezdilovo”.

Another burial, committed on the same site later, is much more ascetic, which allows us to talk about the different social status of these persons.

The discovery in Gnezdilovo of the second burial with horseback riding equipment opens the Suzdal Opolye as one of the places of concentration of the military elite and the formation of the military culture of North-Eastern Russia in the Late Viking Age (the first half of the 11th century).

Keywords: medieval Rus, burial rite, elite burials, Suzdal Opolye, mounds, battle axes, riding gear.

К. А. Шапова

КОЛЛЕКЦИЯ ИЗ РАСКОПОК ПОДБОЛОТЬЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА 1910 г. В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Резюме. В фондах археологии Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника хранится небольшая коллекция, происходящая из раскопок Подболотьевского могильника в 1910 г. Коллекция насчитывает 50 предметов и может быть разделена на три группы – предметы женского костюма, инвентарь мужских погребений и глиняная посуда. Предметы представляют собой типичные для муромских могильников находки. Основная часть коллекции хронологически может быть отнесена к развитому периоду муромской культуры – VIII–X вв. Отдельные предметы соотносятся с более поздним периодом X–XI вв. Археологические находки из владимирского музея остались вне поля зрения исследователей, и данная работа ставит своей целью введение в научный оборот этих материалов.

Ключевые слова: ГВСМЗ, коллекция, мурома, Подболотьевский могильник, женский костюм, мужской инвентарь, глиняная посуда.

В фондах археологии Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника (ГВСМЗ) хранится небольшая коллекция, происходящая из раскопок Подболотьевского могильника в 1910 г. Спасательные археологические работы на памятнике перед строительством дороги из г. Муром в г. Меленки были проведены В. А. Городцовым. Вся коллекция, полученная при раскопках археологом, в настоящее время хранится в фондах Государственного исторического музея.

Коллекция¹ ГВСМЗ представляет собой старые поступления в музейное собрание (до 1949 г.) и, кроме коллекционной описи, не имеет при себе документов, указывающих на источник поступления. Поэтому нами была предпринята попытка выяснить, каким образом коллекция Подболотья поступила в фонды музея. В трудах Владимирской ученой архивной комиссии удалось обнаружить информацию

¹ Номер коллекции по Главной инвентарной книге: В-52. При описании предметов шифр (например, В-52/1) обозначает номер предмета согласно коллекционной описи.

о том, что вся коллекция, полученная В. А. Городцовым во время археологических работ, была отослана в Московское археологическое общество. Но «часть таких же вещей, отобранная муромской полицией у скупщиков и крестьян, представлена во Владимирскую Губернскую Ученую Архивную Комиссию (ВУАК). Кроме сего... действительный член Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, художник И. С. Куликов, заявил, что он пожертвует в Музей Комиссии несколько экземпляров находок из своей коллекции» (*Травчетов*, 1910. С. 4). И. С. Куликов принимал участие в раскопках В. А. Городцова, а также по поручению графини П. С. Уваровой выкупал у крестьян находки с территории могильника (*Тюрина*, 2014. С. 208). В отчете Владимирской архивной комиссии за 1910 г. имеется упоминание о поступлении в музей предметов, «добытых путем раскопок, главным образом в упомянутом выше Подболотском могильнике; все присланные и отчасти приобретенные из Муромы предметы размещены в витринах музея» (*Смирнов, Трегубов*, 1910. С. 8). В отчете не содержалось подробного списка предметов и указаний на источник поступления. Впоследствии коллекция музея ВУАК стала частью собрания Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Относительно поступления в музей можно высказать предположение, что предметы из Подболотья могут являться частью конфискованных полицией у муромских крестьян вещей. Возможно, дальнейшая работа с архивами поможет уточнить эту информацию.

Первоначально коллекция из владимирского собрания насчитывала 52 предмета. Два фрагмента боковых ремней были списаны в 1980 г. как истлевшие. В настоящее время коллекцию составляют 50 предметов. Согласно коллекционной описи² предметы датируются в рамках существования памятника – VII–XI вв. Археологические находки из владимирского музея остались вне поля зрения исследователей, и данная работа ставит своей целью введение в научный оборот этих материалов³.

Предметы коллекции можно разделить на три группы – предметы женского костюма, инвентарь мужских погребений и глиняная посуда.

Предметы женского костюма

Украшения головы

Фрагменты головных жгутов представлены тремя экземплярами. Головной жгут – элемент головного убора в виде пучка нитей или конского волоса, обернутых полосой кожи и украшенных спиралями из бронзовой проволоки. В погребениях жгуты по одному или в паре фиксируются вокруг головы в виде нимба (*Городцов*, 1914. С. 76, 78. Рис. 41–43). В нашей коллекции сохранились лишь фрагменты спиралей из проволоки треугольного сечения, украшавших жгуты: В-52/1 (рис. 1: 1), 2, 8. Цв. мет., диаметр от 3 до 3,7 см.

Головные жгуты – этноопределяющая деталь муромского костюма, не встречающаяся у других племен поволжских финнов (*Тухтина*, 1997. С. 117) и относящаяся к развитой стадии муромской культуры, когда формируется «классический» облик женского костюма. Датировка этого элемента головного убора может быть определена в пределах VIII–IX вв. К X в. этот элемент костюма исчезает (*Зеленцова, Сапрыкина*, 2018. С. 230–231).

² Коллекционная опись ОФ № 15 от 24.11.1949 г.

³ Автор выражает благодарность О. В. Зеленцовой за консультативную помощь при написании данной работы.

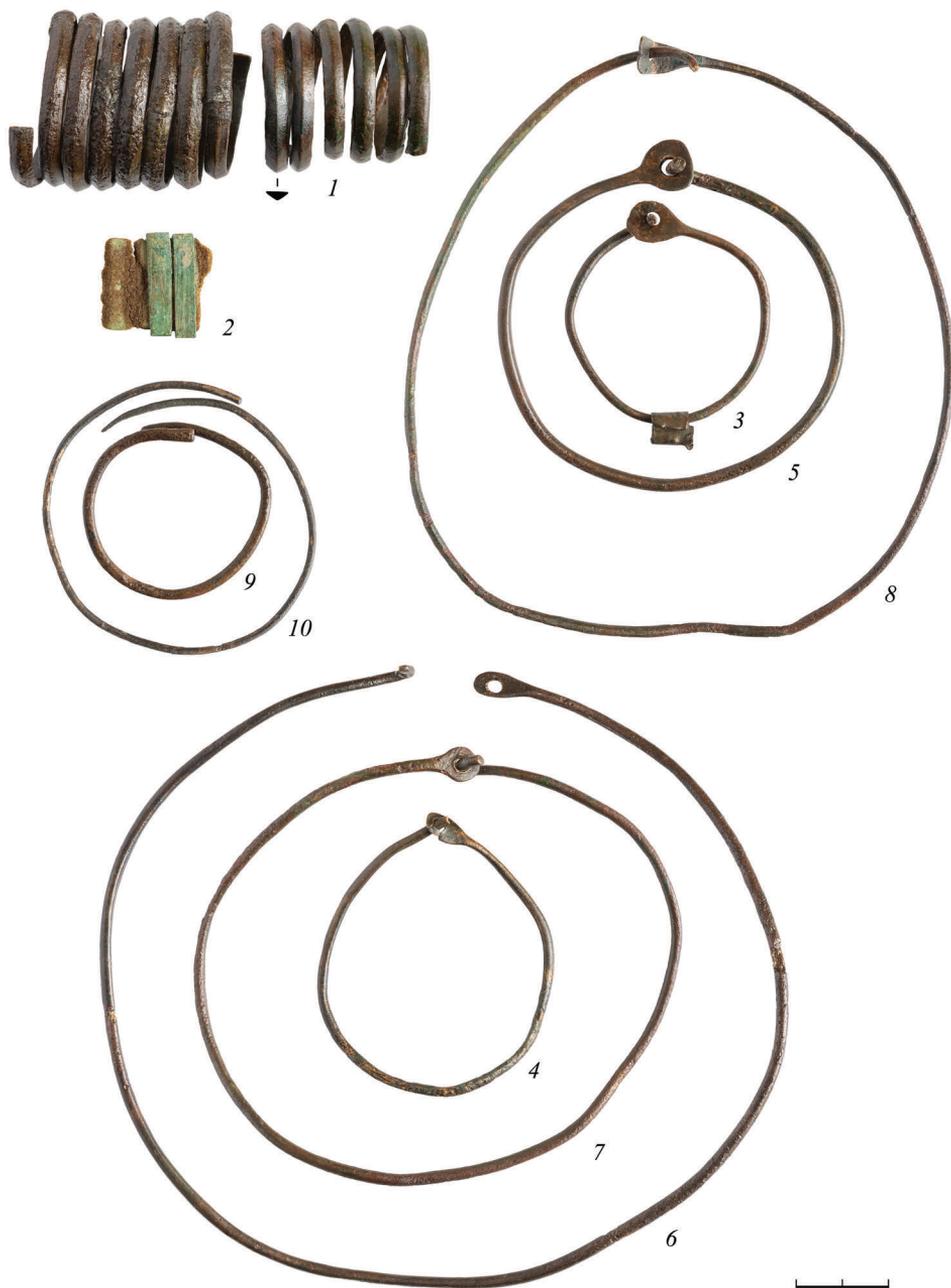

Рис. 1. Головные украшения. 1 – фрагменты головного жгута (В-52/1); 2 – фрагмент на-
лобного венчика (В-52/22); 3–8 – височные кольца муромского типа (В-52/12, 14-16, 45, 46);
9, 10 – височные кольца с заходящими концами (В-52/7, 13). 1, 3–10 – цветной металл; 2 – ко-
жа, цветной металл

Венчик налобный представлен фрагментом кожаного ремня шириной 2,3 см, украшенного по лицевой части тонкими прямоугольными обоймицами из цветного металла: В-52/22 (рис. 1: 2). Широкое распространение данные венчики получают в VIII–IX вв., но продолжают бытовать и в X в. (*Тухтина*, 1997. С. 115; *Бейлекчи*, 2017а. С. 272. Ил. 1: 3, 4).

Одиннадцать *височных колец*. Цв. мет. Девять из них – проволочные кольца муромского типа с замком в виде щитка и крючка. Подобные кольца традиционно считаются маркером муромской культуры конца VII – X в. Однако встречаются они и на территориях мерянских и мордовских памятников (*Розенфельдт*, 1982. С. 15, 16. Рис. 1: 16; *Бейлекчи*, 2017а. С. 284, 285. Ил. 2). Шесть височных колец в коллекции среднего диаметра (от 4,4 до 7,5 см) со щитком правильной округлой формы: В-52/9, 11, 14 (рис. 1: 3), 15 (рис. 1: 4), 16 (рис. 1: 5), 44. На одном из колец закреплен фрагмент бронзовой пластины в качестве привески. Височные кольца подобного облика характерны для VIII–IX вв. (*Зеленцова, Милованов*, 2021. С. 19. Рис. 4: 4). К X в. диаметр височных колец увеличивается, а щиток становится менее выраженным (*Рябинин*, 1997. С. 204; *Голубева*, 1987. С. 88). В коллекции ГВСМЗ всего три кольца большого диаметра (от 10,3 до 14,6 см) со слабо выраженным щитком неправильной формы: В-52/12, 45, 46 (рис. 1: 6–8).

Помимо височных колец муромского типа в коллекции представлены два проволочных браслетовидных кольца с заходящими друг за друга концами: В-52/7, 13 (рис. 1: 9, 10). Цв. мет. Данные височные кольца являются распространенным и долгобытующим типом украшений в поволжско-финской среде (*Тухтина*, 1997. С. 116. Рис. 2: 3).

Украшения шеи

Гривны глазовского типа. Две круглодротовые гривны в виде обруча с замком в виде петли и крючка с многогранной головкой. Концы гривен украшены спиральной нарезкой, имитирующей перекручивание: В-52/5, 17 (рис. 2: 1, 2). Цв. мет., размеры 25,7 × 19,7 и 24 × 19 см соответственно. У муромы гривны глазовского типа бытуют с конца VII по XI в. Поскольку массивность граненой головки является хроноиндикатором, то гривны из владимирского собрания, имеющие уплощенную головку, могут быть отнесены к позднему варианту и датированы в пределах X–XI вв. (*Зеленцова*, 2018. С. 320. Рис. 5: 1, 2).

Пластинчатая гривна с трубчатými привесками представляет собой широкую изогнутую пластину, украшенную по верхнему краю двойным рядом выпуклого пунсона. По нижнему краю в пластине пробиты круглые отверстия, в которых на проволочных колечках закреплены привески. Привески украшены выпуклым линейным орнаментом. Один из концов пластины свернут в трубочку: В-52/27 (рис. 3). Цв. мет., размеры: 18 × 16 см, ширина пластины – 1,8 см. Аналогичные гривны обнаружены в Пустошенском и Заколпском могильниках⁴. Н. Е. Макаренко предлагал интерпретировать предмет из Заколпья как головной венчик (*Макаренко*, 1908. С. 41. Рис. 13). Гривны подобного облика Е. А. Рябинин относит к позднему варианту серповидных гривен, характерных для культуры мордвы IX–X вв. (*Рябинин*, 1997. С. 227).

⁴ ГВСМЗ В-51/29, В-54/97.

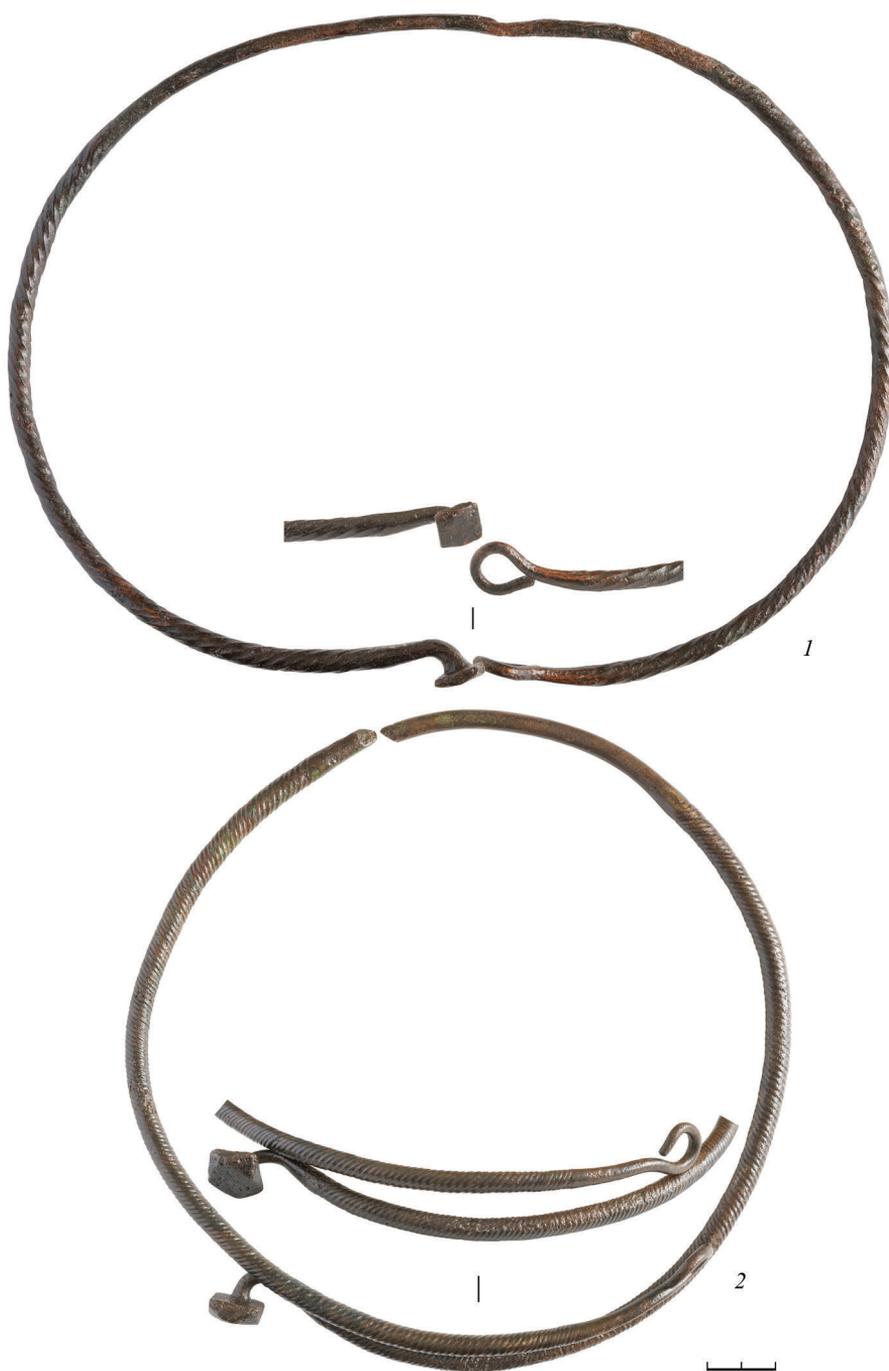

Рис. 2. Гривны глазовского типа. 1 – В-52/5; 2 – В-52/17. Цветной металл

Рис. 3. Пластинчатая гривна с трубчатыми привесками. В-52/27. Цветной металл

Рис. 59: 10). Опираясь на представленные аналогии, датировка гривны может быть определена в пределах XI в. (Иванов, 1925. С. 12, 17. Табл. III: 6).

Нагрудные украшения

Нагрудная бляха с дверцей. Украшение в виде пластинчатого диска с круглым отверстием в центре, прикрытым пластинчатой подвижной крышкой. Корпус бляхи украшен тремя рядами мелких выпуклин по краю, а также 4 крупными выпуклинами ближе к отверстию. Крышка также украшена двойным пояском из мелких выпуклин по краю и 5 крупными выпуклинами в центре, расположенными в виде креста. На корпусе и крышке также имеется процарапанный зубчатый орнамент: В-52/3 (рис. 4: 1). Белый металл, диаметр – 13,4 см. Тип 8Д5, по типологии В. И. Вихляева (Вихляев и др., 2008. С. 31. Рис. 48: 2). Нагрудные бляхи с крышечкой являлись исключительно украшением, не выполняя какой-либо утилитарной функции. Считаются редкой находкой для муромских могильников. В мордовских и муромских древностях бляхи подобного облика появляются в VIII в. и с различными вариациями декора доживают до XI в. (Зеленцова, 2020. С. 68, 69).

Поясные украшения

Фрагмент бокового ремня. Пластинчатая обоймица, украшенная двойными рядами мелких выпуклин по длинным сторонам: В-52/25 (рис. 4: 2). Цв. мет., размеры – 3,8 × 2,1 см. Боковой ремень представляет собой кожаную ленту с трапециевидным пластинчатым наконечником. Часто ремни украшались прямоугольными пластинчатыми обоймицами. В погребениях подобные предметы встречаются уложенными вдоль ноги погребенной и закрепленными на поясе. Боковые ремни являются обязательным элементом женского костюма с головными жгутами, налобными венчиками и височными кольцами муромского типа и хронологически относятся к VIII–IX вв. (Зеленцова, 2018. С. 232).

Украшения рук и ног

Семь разомкнутых браслетов из четырехгранного дрота с прямообрезанными, слегка расширяющимися концами: В-52/18, 19, 20, 21 (рис. 4: 3), 38, 40 (рис. 4: 4), 42. Концы одного браслета орнаментированы пирамидками из круглого пунсона. Цв. мет., диаметр от 5,1 до 7,7 см. Бытовали в VIII–XI вв. (Вихляев и др., 2008. С. 35; Бейлекчи, Бейлекчи, 2021. С. 233. Рис. 3: 28).

Два разомкнутых браслета из многогранного в сечении дрота с прямообрезанными расширяющимися концами: В-52/10, 41 (рис. 4: 5, 6). Концы одного браслета орнаментированы круглым пунсоном в три ряда. Цв. мет., диаметр – 7,3 и 6,6 см соответственно. VIII–X вв. (Вихляев и др., 2008. С. 37).

Браслет разомкнутый из четырехгранного дрота с прямообрезанными концами: В-52/37 (рис. 4: 7). Тип 1Б1, по типологии В. И. Вихляева. Цв. мет., диаметр – 6,4 см. Может быть отнесен к X в. (Вихляев и др., 2008. С. 35. Рис. 58: 1; Бейлекчи, 2014. С. 221. Ил. 3: 4).

Дротовый браслет ромбического сечения с разомкнутыми, слегка заходящими друг за друга суживающимися концами: В-52/39 (рис. 4: 8). Цв. мет. Судя по небольшому размеру (диаметр – 4,7 см), может считаться детским украшением. Дротовые

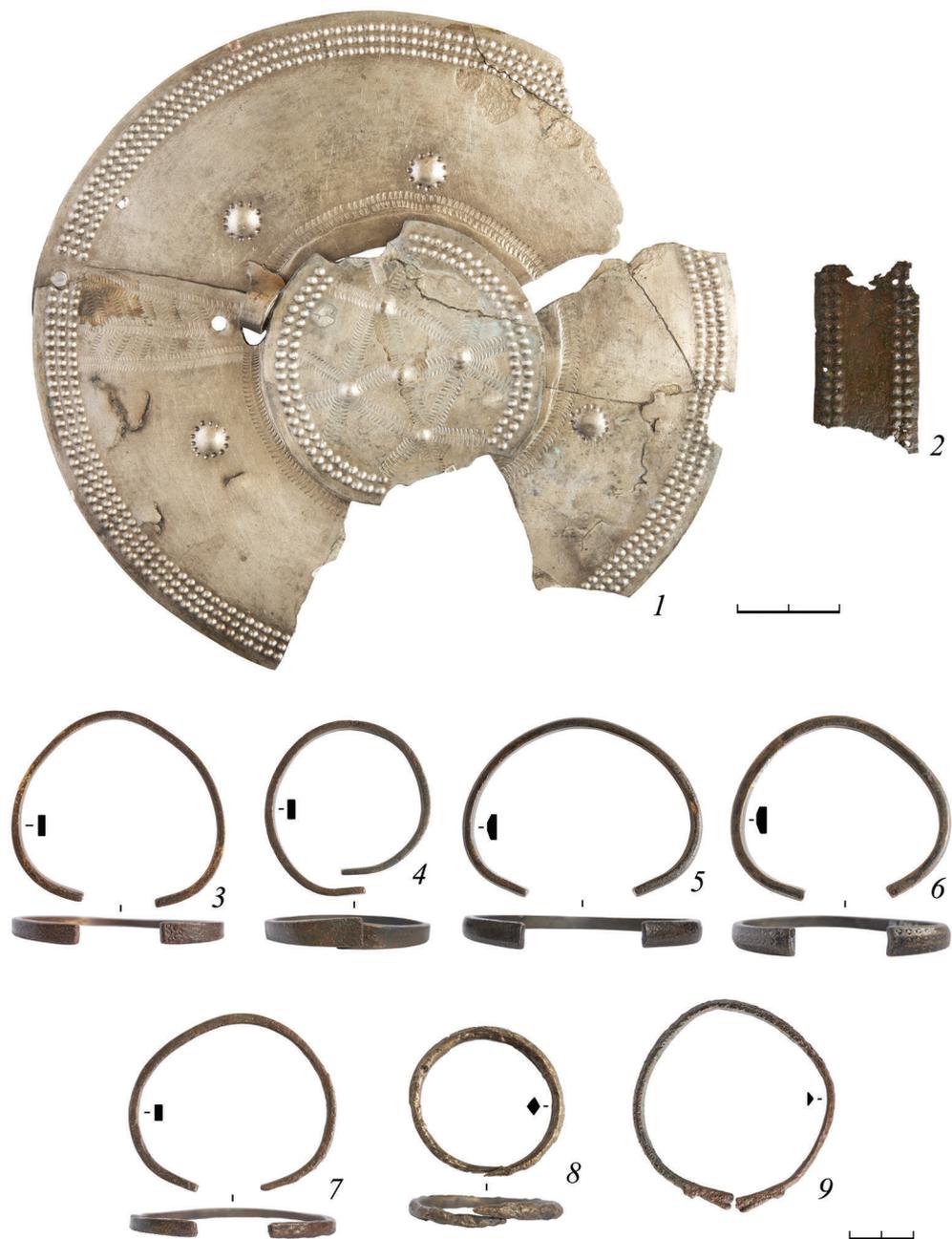

Рис. 4. Нагрудные, поясные украшения. Браслеты. 1 – нагрудная бляха с дверцей (В-52/3); 2 – фрагмент бокового ремня (В-52/25); 3–8 – дровые браслеты (В-52/10, 21, 37, 39, 40, 41); 9 – звериноголовый браслет (В-52/43). 1 – белый металл; 2–9 – цветной металл

Рис. 5. Украшения ног и шумящие украшения. 1 – фрагменты обор (В-52/28); 2 – бубенчик (В-52/4); 3 – колечко с привесками-бубенчиками (В-52/6); 4 – подвеска-лунница (В-52/26). 1 – кожа, цветной металл; 2–4 – цветной металл

браслеты различного сечения бытовали в поволжско-финской среде с VII по X в. (Розенфельдт, 1982. С. 87. Рис. 19: 8).

Звериноголовый браслет. Разомкнутый, треугольного сечения со стилизованными звериными головами на концах: В-52/43 (рис. 4: 9). Цв. мет., диаметр – 6,7 см. Звериноголовые браслеты появляются в финской среде в X в. Основное время их бытования – XI – начало XII в. (Седова, 1981. С. 112. Рис. 42: 19–22).

Фрагменты обор. Узкие кожаные ремешки, украшенные бронзовыми пластинчатыми прямоугольными обоймицами: В-52/28 (рис. 5: 1), 29, 47, 48. Длина фрагментов – от 5,5 до 21 см. Оборы обматывались от щиколотки вокруг голеней плотными рядами на высоту 10–13 см и выполняли утилитарную функцию, закрепляя на ноге онучи (Городцов, 1914. С. 56, 57. Рис. 26–28). В муромских могильниках оборы являются достаточно редкой находкой. Время наибольшего распространения обор у муромы – 2-я половина VIII – IX в. (Смирнова и др., 2021. С. 144).

Шумящие украшения

Массивный *бубенчик* грушевидной формы с линейной прорезью и двудольным ушком: В-52/4 (рис. 5: 2). Цв. мет., размеры – 4,5 × 2,3 см. Бубенчики подобной формы бытовали в муромской среде с VIII по X в. (Бейлекчи, 2005. С. 56. Рис. 27: 25).

Вероятно, височным украшением или фрагментом ожерелья могло являться перстнеобразное *проволочное колечко с тремя бубенчиками в качестве привесок*:

В-52/6 (рис. 5: 3). Цв. мет., размеры $4,2 \times 4$ см. Судя по разновидностям бубенчиков – грушевидному с крестовидной прорезью и двум шаровидным линейнопрорезным бубенчикам с рельефным пояском – украшение может быть датировано X–XI вв. (Седова, 1981. С. 156. Рис. 62: 1–8). К этому периоду может быть отнесена и *подвеска-лунница*, выполненная из цветного металла в технике литья по восковой модели: В-52/26 (рис. 5: 4). Корпус подвески украшен пояском-косоплеткой, по внешнему краю проходит петельчатый пояс с округлым двудольным ушком в центре. На внутренней стороне подвески расположены три гладких ушка с привесками-бубенчиками. Размеры – 4×3 см. Аналогичные подвески были обнаружены при раскопках Подболотьевского могильника в 2012–2014 гг. в комплексах X – начала XI в., а также в составе ожерелья в погребении 24 Максимовского могильника (Зеленцова, Милованов, 2021. Рис. 8: 19; Спицын, 1901. С. 46. Табл. XXVII: 2).

Мужской инвентарь

Топоры. Два проушных узколезвийных топора с боковыми щековицами: В-52/30, 34 (рис. 6: 1). Тип VIII, по А. Н. Кирпичникову, подтип 8.1, по Вал. В. Бейлекчи. Черный металл, размеры – $18,5 \times 8$ и $20,2 \times 9,8$ см соответственно. Наиболее распространенный тип топоров как для Подболотьевского могильника, так и в целом для финно-угорского населения. Бытовали в поволжско-финской среде с VIII по XI в., наибольшее распространение пришлось на IX–X вв. (Кирпичников, 1966. С. 39, 40. Рис. 6; Бейлекчи, 2017б. С. 365–368. Рис. 6: 2).

Пешня. Массивный инструмент с клиновидным рабочим концом и круглой втулкой: В-52/32 (рис. 6: 2). Черный металл, размеры – $19 \times 3,8$ см. По мнению Г. Н. Белорыбкина, пешни с круглой втулкой имели распространение на муромских памятниках с VII по X в. (Белорыбкин, 2003. С. 48).

Наконечники копий представлены двумя экземплярами. Наконечник копья с пером удлинненно-треугольной формы, приподнятыми плечиками с выраженной гранью на пере и расширяющейся книзу втулкой: В-52/31 (рис. 6: 3). Черный металл, размеры – $26,4 \times 3,6$ см, диаметр втулки – 3,2 см. По типологии А. Н. Кирпичникова, относится к типу IIIA, к типу 3A.1 – по типологии Вал. В. Бейлекчи. Наиболее распространенный тип наконечников копий в поволжско-финской среде. По назначению наконечники типа IIIA относятся к универсальному вооружению, использовавшемуся как на охоте, так и в бою. У муромы рамки бытования подобных наконечников охватывают период VII–XI вв. (Кирпичников, 1966. С. 12, 13. Рис. 1; Бейлекчи, 2021. С. 103, 104. Рис. 5).

Наконечник копья (гарпун) с двушипным пером и расширяющейся книзу втулкой: В-52/33 (рис. 6: 4). Черный металл, размеры – $18,7 \times 3$ см, диаметр втулки – 3,1 см. Исходя из размеров может считаться наконечником сулицы. Тип VII, по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1966. С. 17. Рис. 1). Подобные наконечники – распространенная находка в муромских могильниках, относящаяся к охотничьему вооружению. У муромы бытование подобного оружия определяется VII–XI вв. В погребениях наконечники типа VII довольно часто обнаруживаются в паре с наконечниками типа IIIA (Бейлекчи, 2021. С. 110. Рис. 8: 3, 4).

Рис. 6. Инвентарь мужских погребений. 1 – топор (В-52/34); 2 – пешня (В-52/32); 3 – наконечник копья (В-52/31); 4 – наконечник копья (гарпун) (В-52/33). Черный металл

Рис. 7. Глиняные сосуды. 1 – бокал (B-52/35); 2 – горшок (B-52/36); 3, 4 – миски (B-52/49, 50); 5 – фрагмент миниатюрного сосуда (B-52/51)

Глиняные сосуды

Бокаловидный сосуд средних пропорций со стянутым устьем. Тулово усеченно-сферокопической формы. Поверхность бугристая, серо-коричневого цвета. В тесте прослеживается примесь дресвы: В-52/35 (рис. 7: 1). Размеры – 7,8 × 10,4 см. Тип Д41е, по типологии В. В. Гришакова. Исследователь отмечает, что подобный тип сосудов был характерен для керамических комплексов IX – 1-й половины X в. (Гришаков, 1993. С. 56, 97, 98. Рис. 14.1: 20).

Стройный *горшок* высоких пропорций. Тулово усеченно-яйцевидной формы со слабовыпуклым плечиком, плавно переходящим в блоковидное горло. Поверхность серого цвета, бугристая, небрежно заглажена. Тесто с примесью шамота: В-52/36 (рис. 7: 2). Размеры – 11,4 × 13,8 см. Вероятно, может быть отнесен к типу А5б и датирован в широких пределах IX–XI вв. (Гришаков, Зеленева, 1999. С. 116. Рис. 8: 15).

Мисковидный сосуд хорошо профилированных плавных форм. Тулово усеченно-сферокопической формы с выпуклым округлым плечиком, плавно переходящим в блоковидное горло. Поверхность серого цвета тщательно заглажена. Тесто с примесью дресвы и песка: В-52/49 (рис. 7: 3). Размеры – 10,5 × 15,2 см. Тип Г22с. Относится к одному из ведущих типов муромской посуды VIII – 1-й половины X в. (Гришаков, 1993. С. 51, 96, 97. Рис. 14.3: 16).

Мисковидный сосуд с туловом усеченно-сферокопической формы с выпуклым округлым плечиком, резко переходящим в блоковидное горло и профилированной придонной частью. Поверхность серо-коричневого цвета, тщательно заглажена. Тесто с примесью дресвы: В-52/50 (рис. 7: 4). Размеры – 8,2 × 1,5 см. Тип Г32и. По хронологии В. В. Гришакова подобные сосуды относятся к периоду IX – 1-й половине X в. (Гришаков, 1993. С. 54, 98. Рис. 14.3: 26).

Фрагмент *миниатюрного сосуда* плавных форм. Часть тулова с выпуклым округлым плечиком, резко переходящим в блоковидное горло. Тесто серого цвета с примесью шамота и дресвы: В-52/51 (рис. 7: 5). Размеры – 7,4 × 8,3 см.

Таким образом, коллекция из раскопок Подболотьевского могильника в 1910 г. из собрания ГВСМЗ состоит из предметов, типичных для муромских могильников. Основная часть коллекции хронологически может быть отнесена к развитому периоду муромской культуры – VIII–X вв. Отдельные предметы соотносятся с более поздним периодом – X–XI вв. Публикация коллекции из собрания ГВСМЗ расширит и дополнит круг инвентаря муромской культуры.

Литература

- Бейлекчи В. В., 2005. Древности летописной муромы (Погребальный обряд и поселения): учебное пособие. Муром: Московский психолого-социальный ин-т. 278 с.
- Бейлекчи В. В., Бейлекчи Вал. В., 2021. Новые сведения о муромском могильнике у села Борисоглеб // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н. э.: материалы науч. семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований» / Ред.-сост. О. В. Зеленцова. М.: ИА РАН. С. 228–241.
- Бейлекчи Вал. В., 2014. Шумящие украшения, украшения рук и поясная гарнитура в коллекции из грабительских раскопок 1910 г. Подболотьевского могильника муромы // Уваровские чтения – IX: Досуг в столице и провинции: материалы Всерос. науч. конф. / Науч. ред. Ю. М. Смирнов. Владимир: ВИТ-принт. С. 218–239.

- Бейлекчи Вал. В.*, 2017а. Головные и нагрудные украшения, предметы быта и производства в коллекции из грабительских раскопок 1910 г. на Подболотьевском могильнике муромы // Уваровский чтения – X: Физиогномика города: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Науч. ред. Ю. М. Смирнов. Владимир: ВИТ-принт. С. 272–290.
- Бейлекчи Вал. В.*, 2017б. Топоры муромы // КСИА. Вып. 247. С. 355–372.
- Бейлекчи Вал. В.*, 2021. Наконечники копий и сулиц муромы // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н. э.: материалы науч. семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований» / Ред.-сост. О. В. Зеленцова. М.: ИА РАН. С. 96–116.
- Белорыбкин Г. Н.*, 2003. Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд-во Пензенского гос. пед. ун-та. 199 с.
- Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н.*, 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск. 352 с.
- Голубева Л. А.*, 1987. Муромы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука. С. 81–92. (Археология СССР.)
- Городцов В. А.*, 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Муромы в 1910 г. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко. 178 с.
- Гришаков В. В.*, 1993. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху средневековья. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та. 204 с.
- Гришаков В. В., Зеленев Ю. А.*, 1999. Муромы // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы Уральского отд-ния РАН. С. 100–113.
- Зеленцова О. В.*, 2018. О ранней дате и месте гривен глазовского типа в древностях поволжских финнов // Земли родной минувшая судьба...: к юбилею А. Е. Леонтьева / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: ИА РАН. С. 314–323.
- Зеленцова О. В.*, 2020. О времени появления дисковидных блях с круглой крышечкой в могильниках мордвы и муромы // Археология Волго-Окского региона: сб. тез. к юбилею И. В. Белоцерковской / Ред.-сост. Н. А. Биркина. М. С. 68–75.
- Зеленцова О. В., Милованов С. И.*, 2021. О планировке Подболотьевского могильника // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н. э.: материалы науч. семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований» / Ред.-сост. О. В. Зеленцова. М.: ИА РАН. С. 12–29.
- Зеленцова О. В., Сапрыкина И. А.*, 2018. К вопросу о женском костюме муромы по материалам погребения 57 Подболотьевского могильника // Поволжская археология. № 1 (23). С. 220–240.
- Иванов А. И.*, 1925. Пустошенский могильник: Раскопки в С. Пустоши, Судогодского уезда, Владимирской губ. Владимир: Призыв. 56 с. (Тр. Гос. обл. музея; вып. 1.)
- Кирпичников А. Н.*, 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. Л.: Наука. 147 с., 34 с. ил. (САИ; вып. Е1-36.)
- Макаренко Н. Е.*, 1908. Новленский и Заколпский могильники Владимирской губернии и археологическая поездка по Владимирскому, Судогодскому, Муромскому и Меленковскому уездам // Труды ВУАК. Кн. X. Владимир: Тип. Губ. Правл. Раздел «Сообщения». С. 1–63.
- Розенфельдт И. Г.*, 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука. 177 с.
- Рябинин Е. А.*, 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. 260 с.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 195 с.

- Смирнов А. В., Трегубов М. И.*, 1910. Отчет от деятельности Владимирской ученой архивной комиссии за двенадцатый год ее существования (1910 г.) // Труды ВУАК. Кн. XII. Владимир: Тип. Губ. Правл. Раздел «Приложения». С. 1–32.
- Смирнова Л. С., Мамонова А. А., Зеленцова О. В.*, 2021. Опыт комплексных исследований в процессе реставрации обор из женского погребения Подболотьевского могильника // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н. э.: материалы науч. семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований» / Ред.-сост. О. В. Зеленцова. М.: ИА РАН. С. 133–146.
- Спицын А. А.*, 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы. СПб.: Изд-во Имп. Археолог. комис. 120 с., 30 с. табл., ил. (Материалы по археологии России; № 25.)
- Травченко Н. А.*, 1910. Подболотский могильник близ г. Муром // Труды ВУАК. Кн. XII. Владимир: Тип. Губ. Правл. Раздел «Сообщения». С. 1–10.
- Тухтина Н. В.*, 1997. Женский головной убор (по материалам Подболотьевского могильника) // Археологический сборник. Погребальный обряд / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М.: ГИМ. С. 109–121. (Тр. ГИМ; вып. 93.)
- Тюрин Е. К.*, 2014. Из истории комплектования коллекции археологических предметов Подболотьевского могильника // Уваровские чтения – IX: Досуг в столице и провинции: материалы конф. Владимир. С. 207–217.

Сведения об авторе

Щапова Ксения Александровна, ФГБУК ГВСМЗ;
e-mail: shchapova_ksenia@mail.ru

К. А. Shchapova

A COLLECTION FROM THE EXCAVATIONS OF THE PODBOLOTYEVSKY BURIAL GROUND IN 1910 IN THE COLLECTION OF THE STATE VLADIMIR-SUZDAL MUSEUM-RESERVE

Summary. The State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve's archaeological collections include a small collection from the excavation of the Podbolotyevsky Burial Ground in 1910. The collection consists of 50 items and can be divided into three groups – items of women's costume, inventory of men's burials and pottery. The artifacts are characteristic of the Murom burial sites. The main part of the collection dates back to the developed period of the Murom culture, which spans the 8th to 10th centuries. Individual objects are correlated with the later period of the 10th–11th centuries. Archaeological finds from the Vladimir Museum have remained outside the field of vision of researchers, and this work aims to bring these materials into scientific circulation.

Keywords: GVSМZ, collection, the Muroma, Podbolotyevsky Burial Ground, female costume, men's inventory, pottery.

А. Л. Каретников, В. А. Каретникова, В. Г. Карпов, А. В. Верин

РАСПАХАННЫЙ МОГИЛЬНИК IX–XI вв. У СЕЛА ШУЛЕЦ В ОКРЕСТНОСТЯХ РОСТОВА ВЕЛИКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ РАЗВЕДОК 2024 г.)

Резюме. В статье рассматриваются данные, полученные в ходе археологических разведок 2024 г. у с. Шулец Ростовского района Ярославской области. Специфический набор предметов, отсутствие культурного слоя (в т. ч. очажных камней и керамики), расположение скопления находок на возвышенности рядом с древнерусским селищем позволяют интерпретировать материал как остатки распаханного могильника. Часть погребений была совершена по обряду кремации, на что указывает значительное количество оплавленных украшений. Исследованный памятник отождествляется с местностью «Панова горка», в которой П. С. Савельев в 1854 г. раскопал один курган. Наиболее вероятная датировка могильника – 2-я половина (?) IX – XI в., не исключено наличие остатков распаханых курганов XII – начала XIII в.

Ключевые слова: раннее средневековье, Северо-Восточная Русь, Ростов, П. С. Савельев, волжские финны, меря, селище, могильник, курган, кремация, дирхам.

Работы Суздальской экспедиции ИА РАН под руководством Н. А. Макарова в Суздальском Ополье показали высокий научный потенциал распаханых могильников при изучении их с использованием современных методик (Макаров, Красникова, 2023). В исторической округе Ростова могильники X в. изучались лишь однажды – 170 лет назад в ходе масштабных работ П. С. Савельева, если не считать экстренные работы по фиксации могильника рядом с Сарским городищем в 1930 г. (Леонтьев, 1996. С. 90–99; Каретников, Каретникова, 2020. С. 363–364).

В 2023 г. в Археологический сектор музея-заповедника «Ростовский кремль» вместе с коллекцией предметов из 11 единиц (№ 134–144) поступили сведения о несанкционированных работах в Ростовском районе у с. Шулец, в 11 км к северо-западу от исторического центра г. Ростова. К моменту экспедиционного выезда в 2024 г. было известно, что вблизи этого села находятся остатки древнерусского селища, выявленного в 1926 г. М. В. Талицким (Каретников, Каретникова, 2014. С. 21), а в 1970-е гг. – А. Е. Леонтьевым (Леонтьев, 1996. С. 274; АКР, 2005. С. 231. № 405).

Кроме того, в 1854 г. к северу от села П. С. Савельев раскопал один курган. Сведения о нем приведены К. И. Комаровым в разделе «Утраченные памятники» (АКР, 2005. С. 333. № 145).

Обследованная территория – возвышенность на правом берегу р. Шулы в 0,89 км к северу от с. Шулец, в 260 м к юго-востоку от р. Шулы, в 140 м к юго-востоку от окраины селища – представляет собой участок старого поля, которое с 1990-х гг. не распахивалось и поэтому заросло деревьями и кустарником. В ходе осмотра местности на значительной площади выявлены многочисленные (не менее 100) разрытия в виде ямок, оставшиеся от выкапывания металлических предметов на месте сигнала металлоискателя. Топо съемка проведена геодезистом В. В. Петровым с помощью тахеометра. Высотные отметки могильника – от 118 до 122,5 м. При этом наиболее высокие участки селища находятся в пределах 114–116 м, а уровень обрыва реки и поймы – 109–110,5 м (рис. 1).

В ходе обследования объекта археологического наследия заложено три шурфа размерами 1 × 1 м. Площадь шурфа 1 впоследствии увеличена в два раза. Он располагается в юго-восточной части памятника на месте находки украшения обуви (рис. 3: 26), характерного для поволжских финнов. В ходе работ выявлен слой пахоты (около 30 см), под которым находится материк – песок с включением мелкого гравия. В средней части шурфа ниже слоя распахки зафиксирован слой легкого суглинка с включением угольков, уходящий ниже уровня дна шурфа. По всей видимости, обнаружен ровик кургана. Выборочная промывка грунта из шурфа показала наличие двух мелких кальцинированных костей. Яма не выбиралась. Шурф

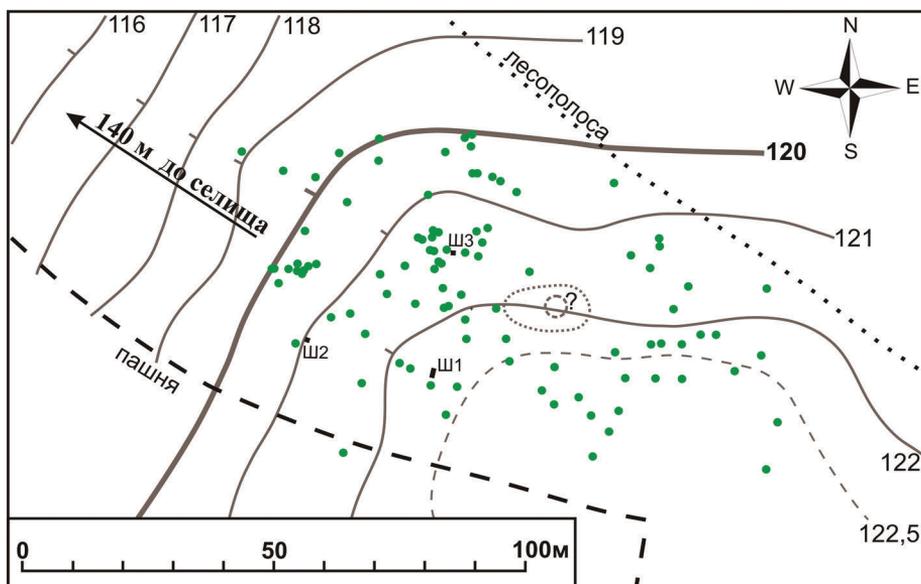

Рис. 1. Топографический план могильника у с. Шулец с нанесением шурфов (Ш1–Ш3) и подъемного материала, связанного со временем функционирования некрополя (топосъемка В. В. Петрова)

законсервирован для дальнейших исследований широкой площадью. Шурф 2 заложен в 25 м от шурфа 1 на месте находки фрагмента пряжки (№ 11), выполненной в технике литья по восковой модели. В шурфе выявлен слой пахоты (около 30 см) с мелкими угольками, под которым находится материк – песок с включением мелкого гравия. Шурф 3 заложен в 25 м к северу от шурфа 1 на месте обнаружения ножа с уступом при переходе от клинка к черешку. В шурфе выявлен лишь слой пахоты (около 30 см). Шурфы 2 и 3, по всей видимости, попали на межмогильное/межкурганное пространство. Все шурфы показали отсутствие культурного слоя на исследуемом участке. Такие его индикаторы, как фрагменты глиняных сосудов и очажные камни, в шурфах не обнаружены.

Наиболее точные сведения о площади и специфике памятника дал сбор и картографирование подъемного материала при обследовании слоя пахоты с металлоискателями. На площади около 0,7 га собрана представительная коллекция индивидуальных предметов из 134 единиц. Вместе с находками из несанкционированных работ – 145 единиц. Из-за учета фрагментов предметов как отдельных единиц, принятого в музейной практике, общее их число несколько меньше – 140. Из них атрибуция 8 предметов неясна. Не менее 19 предметов связано с распашкой территории в XVI–XX вв. Это полущка 1730-х гг., 1 копейка серебром 1840-х гг., ½ цента Нидерландов 1880-х гг., 2 копейки 1912 г., 2 копейки 1961 г., свинцовая пломба, три пуговицы-гирьки, ключ от замка, ключ гаечный 1-й половины XX в., подковный гвоздь, фрагмент удил, элементы конской упряжи из медного сплава (6 ед.). Длительная распашка сказалась на сохранности погребального инвентаря. Сильно погнуты три ножа и фитильная трубка. Погнута и поцарапана подвеска из дирхама (рис. 3: 2). Нашивное украшение из медного сплава было сильно погнуто и при извлечении разломилось на две части (рис. 3: 3б).

Основная часть коллекции относится к периоду функционирования могильника. Железные кованые гвозди представлены девятью единицами. Точную их датировку установить невозможно. Фитильных трубок – 3 ед. Найден фрагмент удил (рис. 2: 5) и кольцо от удил. Ножей – 9 ед. Среди них – один нож с прямой спинкой. Остальные имеют уступ при переходе от клинка к черешку, правда, на ряде экземпляров он выражен слабо (рис. 2: 1–4). В слое пахоты найден ромбовидный наконечник стрелы (рис. 2: 6) «новгородского типа» с расширением пера в нижней трети типа 46, по А. Ф. Медведеву (*Медведев*, 1966. С. 67–68). Его вес – 19 г. Подобные снаряды составляют 42 % в погребениях муромы (*Бейлекчи*, 2021. С. 123, 125). Рядом с наконечником находился частично истлевший фрагмент диафиза правой большой берцовой кости человека (12,5 × 2,2 × 1,5 см, определение Д. В. Пежемского). Эта находка указывает на наличие нарушенного погребения по обряду ингумации.

Найдены дирхам и подвеска из дирхама. Находка первого, по мнению В. С. Кулешова, может указывать на функционирование могильника в IX в. По его определению, монета отчеканена в 168 г. х. (784/785 г.) при Муххамеде ибн Абдуллах аль-Махди из династии Аббасидов в аль-Мухаммадийа (рис. 3: 1). Подвеска (рис. 3: 2) – при ал-Му‘таид ‘ала-ллах из династии Аббасидов в Арминия в 267 г. х. (880/881 г.). Кроме того, в коллекции из несанкционированных работ имеются два мелких фрагмента куфических монет (рис. 3: 3), один из которых, по заключению В. С. Кулешова, по характеру эпиграфики относится к чеканке династии Саманидов или является подражанием ей (конец IX – 1-я четверть X в.).

Рис. 2. Могильник у с. Шулец. Подъемный материал. Предметы из железа. 1–4 – ножи; 5 – фрагмент удил; 6 – наконечник стрелы

Ременные накладки представлены 8 экземплярами. Среди них – как массовые для своего времени изделия, так и редкие (*Мурашева и др.*, 2022). Одна из накладок сильно оплавлена (рис. 3: 8). Три накладки – две сердцевидные и одна прямоугольная – могли принадлежать одному поясу (рис. 3: 5, 6). Ближайшим комплексом, где найдены подобные накладки, является курган 190 с погребением по обряду кремации Тимеревского могильника (Ярославское Поволжье..., 1963. С. 67. Рис. 39: 1; С. 109). Две накладки из несанкционированных работ, по словам нашедшего, обнаружены в одной ямке. Одна из них – с изображением свернувшегося в кольцо зверя – слегка оплавлена (рис. 3: 10, 10a). На другой имеется изображение человека между двумя птицами (рис. 3: 9, 9a), но оно значительно отличается от рисунка серии подвесок с сюжетом, трактуемым как «Один и вороны» (*Корзухина*, 1977. С. 156–162). Фрагментов пряжек три, два из них оплавлены (рис. 3: 12, 13). Третий фрагмент (рис. 3: 11) выполнен в технике литья по восковой модели и имеет рамку в виде плетеной веревочки. Подобная этой целая пряжка из «владимирских курганов» была в свое время опубликована А. А. Спицыным (*Спицын*, 1905. С. 112. Рис. 117).

Браслеты представлены 9 фрагментами. Такая фрагментация не может быть только результатом распашки (рис. 3: 14–22). По всей видимости, их ломали целенаправленно.

Рис. 3. Могильник у с. Шулец. Подъемный материал. Предметы из цветного металла. 1–3 – дирхамы и фрагменты дирхамов; 4–10 – поясные накладки; 11–13 – фрагменты пряжек; 14–22 – фрагменты браслетов; 23–25, 29 – умбовидные украшения; 26–28 – двуспиральные украшения обуви; 30–33 – бутылчатые пронизки; 34, 35 – ажурные нашивные украшения; 36 – крестопорезной бубенчик (два фрагмента) и шарик из его внутренней полости

Умбоновидных подвесок 4 единицы (рис. 3: 23–25, 29). Одна из них оплавлена, к ее лицевой стороне прилип мелкий фрагмент кальцинированной кости (рис. 3: 24). Двуспиральные подвески, по всей видимости, составлявшие пару с умбоновидными подвесками при украшении обуви, представлены двумя экземплярами (рис. 3: 27, 28) (Зайцева, 2024. С. 174–176) и одной подвеской из шурфа 1, схожей с ними по конструкции, но оформленной более просто (рис. 3: 26).

Бутылковидные пронизки представлены 5 экземплярами (рис. 3: 30–33). Одна пронизка (рис. 3: 30) имеет диаметр 1,3 см при высоте 2,5 см, остальные крупнее. Все они подвергались воздействию огня. В заполнении одной из них (рис. 3: 32) находилось два мелких уголька и фрагмент кальцинированной косточки. Подобные пронизки обнаружены в погребении № 14 могильника Сарского городища (Леонтьев, 1996. С. 97–98. Рис. 37), которое А. Е. Леонтьев датирует периодом 2-й половины VII – началом VIII в. Аналогичные пронизки выявлены на селищах Суздальского Ополья и в могильнике Шекшово 9 (Зайцева, 2023. С. 216–217).

Обнаружено 2 нашивных (?) ажурных украшения прямоугольной формы (рис. 3: 34, 35). Они выполнены в стиле щитков шумящих подвесок, но при этом не предполагали привесок. Длинные стороны этих накладок снабжены бортиками с отверстиями. В накладке (рис. 3: 35) эти отверстия с одной из сторон заполнены стеклянной массой красного цвета. По всей видимости, это стекло бусины, расплавившейся в процессе кремации.

Среди шумящих подвесок преобладают полутрубчатые (рис. 4: 1–5). В трех случаях они снабжены привесками, близкими по форме к треугольнику, одна – объемной привеской (сохранился только ее верх, рис. 4: 4). Основы шумящих подвесок представлены тремя предметами и несколькими мелкими фрагментами (рис. 4: 14–17). Привески представлены шестью вариантами: подтреугольными с ушком, в виде бубенчика, бутылчатыми (3 ед.), в виде утиной лапки (рис. 4: 6–12). Подвеска-бубенчик имела внутри бесформенный комочек из медного сплава (рис. 4: 12). Имеется трапециевидная пластинчатая привеска с отверстием, выполненная в техникековки (рис. 4: 13). Такие привески среди местных памятников найдены на Сарском городище и на памятнике X в. в его ближайших окрестностях – Сарское II (Теханово) (Леонтьев, 1996. С. 102. Рис. 40: 5; С. 174. Рис. 73: 9–11). У жившей по соседству с мерей муромы в погребении 1-й половины X в. зафиксировано их использование для украшения подола верхней одежды (Смирнова и др., 2021. С. 138. Рис. 4: 3; С. 143).

В единственных экземплярах представлены следующие изделия из медного сплава: крестопорезной бубенчик с комочком цветного металла внутри (рис. 3: 36), ушко от котла (рис. 4: 20), фрагмент височного кольца с имитацией трех напускных бусин (рис. 4: 21), фрагмент спирального венчика (№ 23), фрагмент крученой гривны (?) (рис. 4: 24), щиток перстня в виде спиральных фигур (рис. 4: 25), копоушка (рис. 4: 26). Подобные копоушки датируют обычно широким периодом. Не исключено, что она связана с посещением могильника или его распашкой, а не с погребальным инвентарем. Перстень, похожий на наш, опубликован А. А. Спицыным как происходящий из курганного могильника у д. Кустерь в округе Ростова (Спицын, 1905. С. 127. Рис. 422). Из серебра выполнен усатый перстень (рис. 4: 22). Обнаружен лишь один фрагмент лепного сосуда (рис. 4: 27).

На разных участках могильника найдено 11 бесформенных оплавков цветного металла. Оплавленные предметы также найдены в различных местах. По всей

Рис. 4. Могильник у с. Шулец. Подъемный материал. Предметы из цветного металла и фрагменты стенки сосуда. 1–5 – полутрубчатые пронизки; 6–11 – привески к шумящим украшениям; 12 – привеска-бубенчик и шарик из его внутренней полости; 13 – трапециевидная привеска; 14–17 – фрагменты шумящих подвесок; 18 – фрагмент пластины с отверстием; 19 – фрагмент пластины с орнаментом; 20 – ушко котла; 21 – височное кольцо; 22 – усатый перстень; 23 – фрагмент спирального венчика; 24 – фрагмент браслета или гривны; 25 – щиток перстня; 26 – копоушка; 27 – фрагмент стенки керамического сосуда

видимости, на территории могильника существовала практика кремации с погребениями в неглубоких ямках, которые впоследствии были разрушены распашкой. Заметную долю коллекции составляют украшения волжско-финского типа: шумящие подвески, крупные бутылковидные пронизки, характерные украшения обуви – двухспиральные украшения и умбоновидные подвески, и др.

Исходя из имеющихся материалов, наиболее вероятная датировка могильника – 2-я половина (?) IX – XI в. Однако не исключено, что на той же территории или поблизости могут находиться остатки распаханных курганов XII – начала XIII в., погребальный инвентарь которых не «отразился» в коллекции подъемного материала из-за специфики погребального обряда. Собранная коллекция является существенным дополнением к синхронным по времени материалам Сарского городища и тяготевших к нему селищ. Она позволяет поставить вопрос о времени возникновения селища у с. Шулец, которое считалось древнерусским. Не исключено, что поселение появилось еще в мерянскую эпоху, до начала древнерусской колонизации. Дальнейшие раскопки, надеемся, дадут ответ на этот вопрос.

Исследованное место соотносится со сведениями о раскопках кургана П. С. Савельевым в 1854 г. у с. Шулец. Безынвентарное (?) погребение в кургане было обнаружено им на глубине 1,2 м. Под ним был слой угля на подсыпке 17 см (АКР, 2005. С. 333. № 145). Обозначение места раскопок на карте 1854 г., при всей ее схематичности (Леонтьев, 2003. С. 165), соответствует выявленному могильнику. По всей видимости, основная часть могильника к 1854 г. была распахана, поэтому П. С. Савельев раскопал только один оставшийся – самый крупный – курган. На это косвенно указывает очередность раскопок курганов под Ростовом (Комаров, 2010. С. 130). Сначала был раскопан могильник у с. Шурскол из 102 курганов (№ 585–686), затем 7 курганов у с. Богослов (№ 687–693), далее курган у с. Пужбол (№ 694), затем курган у с. Ивановское (№ 695), две группы по 7 курганов у с. Шугорь (№ 696–709), курган у с. Шулец (№ 710), 16 курганов у д. Подъивье (№ 711–726), 214 курганов в двух группах у д. Кустерь (№ 727–940). Соотносится обследованное нами место и с названием «Панова горка». Местность действительно представляет собой горку. Первая часть названия, несомненно, связана со словом «паны». Это одно из характерных названий могильников на исторических мерянских землях, заимствованное древнерусским населением у мери. На это обратил внимание еще А. И. Кельсиев (Кельсиев, 1879. С. 11).

Крестьяне с. Шулец начали распахивать могильник, видимо, довольно давно. На картах конца XVIII – XIX в. на его месте показана пашня. Писцовая книга Ростовского уезда 1629–1630 гг. фиксирует высокий уровень дворности с. Шулец и относившихся к нему деревень, располагавшихся в 1,5–3,5 км от села: с. Шулец – 36, Григоркова – 20, Савгуново – 8, Иевлева – 16, Дунилово – 15 дворов (Писцовые материалы..., 2012. С. 121–123). Представляет интерес информация о том, что к с. Шулец «припущена в пашню истари пустошь Егоболов, Головино тож» (Там же. С. 121). Присоединение угодий запустевшей деревни означает, что она находилась поблизости от пашни самого села – по крайней мере, ближе, чем указанные выше деревни. Название по структуре похоже на финно-угорские субстратные ойконимы, заканчивающиеся на -бол (Шилов, 2001. С. 17–23). Не называлось ли так поселение, известное нам как селище у с. Шулец?

К. И. Комаров, изучавший материалы раскопок П. С. Савельева в Ростовском и Переславском уездах (Комаров, 1995), предположил, что относительно малое число раскопанных насыпей в округе Ростова (356) по сравнению с побережьем Плещеева озера (более 2200) связано с «неполной сохранностью ростовских могильников, пострадавших в результате интенсивного освоения территории под

сельскохозяйственные угодья» (Комаров, 2020. С. 140). Это догадка подтверждается информацией об их последующей судьбе: из семи раскопанных могильников в округе Ростова сохранился только один – у д. Кустерь, причем из 110 раскопанных курганов осталась лишь 51 насыпь (АКР, 2005. С. 215. № 330). В лесистой части Ростовского уезда на левобережье р. Нерли Клязьминской остатки могильников сохранились лучше: пять из девяти, еще два были разрушены в результате добычи песка и камня, а не сельхозработ. П. С. Савельев раскопал здесь значительно больше курганов, чем в окрестностях Ростова – 584 (Там же. С. 325–332).

Авторы выражают искреннюю благодарность всем, кто принимал участие в полевых исследованиях или обработке материалов: геодезисту В. В. Петрову, историку и нумизмату В. С. Кулешову, антропологу Д. В. Пежемскому, лаборанту Археологического сектора С. А. Григорьеву, М. А. Поповой, студентам ЯрГУ им. П. Г. Демидова Н. М. Смирнову и А. В. Соловьеву.

Литература

- АКР – Археологическая карта России: Ярославская область / Сост. К. И. Комаров. М.: ИА РАН, 2005. 408 с.
- Бейлекчи Вал. В.*, 2021. Наконечники стрел муромы и некоторые вопросы технологии их изготовления // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н. э.: материалы науч. семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований». М.: ИА РАН. С. 116–132.
- Зайцева И. Е.*, 2023. Шумящие украшения // Археология Суздальской земли. Т. 2. М.; Вологда: Древности Севера. С. 208–228.
- Зайцева И. Е.*, 2024. Металлические украшения обуви из Суздальского Ополья (X–XI вв.) // Новгород земли Низовской. М.: ИА РАН. С. 170–180.
- Каретников А. Л., Каретникова В. А.*, 2014. Новый документ по истории Археологического отдела Ростовского музея в 1920-е гг. // История и культура Ростовской земли. 2013. Ростов: ГМЗРК. С. 18–24.
- Каретников А. Л., Каретникова В. А.*, 2020. Документы об уничтожении Сарского городища в собрании музея-заповедника «Ростовский кремль» // История и культура Ростовской земли. 2019. Ростов: ГМЗРК. С. 348–374.
- Кельсиев А. И.*, 1879. Раскопки произведенные в Ярославской и Тверской губернии летом 1878 года. Отд. 2. М. 16 с.
- Комаров К. И.*, 1995. К истории населения Побережья Плещеева озера в X–XIII вв. // Сообщения Ростовского музея. Вып. 8. Ярославль: ГМЗРК. С. 137–172.
- Комаров К. И.*, 2010. Курганы ростовской округи по раскопкам П. С. Савельева // Археология: история и перспективы: Четвертая межрегион. конф. Ярославль: Ярославский музей-заповедник. С. 129–143.
- Корзухина Г. Ф.*, 1977. Об Одине и кресалах Прикамья // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки / Под ред. Н. Л. Членовой. М.: Наука. С. 156–162.
- Леонтьев А. Е.*, 1996. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко. 340 с.
- Леонтьев А. Е.*, 2003. Забытые карты раскопок 1854 г. // Археология: история и перспективы: Первая межрегион. конф. Ярославль: Ярославский музей-заповедник. С. 165–168.
- Макаров Н. А., Красникова А. М.*, 2023. Суздальские могильники X–XII вв. в современной археологической картине средневековой Руси // Археологические вести. № 40. С. 108–125.

- Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М. 184 с. (САИ; вып. Е1–36.)
- Мурашева В. В., Зайцева И. Е., Соболев В. Ю., 2022. Металлические ременные наборные украшения в Древней Руси (очерк) // Мир Средневековья. Проблемы вещеведения: материалы науч. конф. к 70-летию отдела средневековой археологии. М.: ИА РАН. С. 134–160.
- Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. 1629–1631 гг. 2012 / Сост. В. А. Кадик. М.: Древлехранилище. 856 с.
- Смирнова Л. С., Мамонова А. А., Зеленцова О. В., 2021. Опыт комплексных исследований в процессе реставрации обор из женского погребения Подболотьевского могильника // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н. э.: материалы науч. семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований» М.: ИА РАН. С. 133–145.
- Спицын А. А., 1905. Владимирские курганы // Известия Археологической комиссии. Вып. 15. СПб. С. 84–172.
- Шилов А. Л., 2001. О мерянских топонимических индикаторах (голос в дискуссии) // Вопросы языкознания. № 6. С. 13–27.
- Ярославское Поволжье X–XI вв. По материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Под ред. А. П. Смирнова. М.: ГИМ, 1963. 144 с.

Сведения об авторах

- Каретников Алексей Леонидович, ГМЗРК;
e-mail: ak_rostovvelikii@mail.ru;
- Каретникова Вера Александровна, ГМЗРК;
e-mail: karetnikova_va@mail.ru;
- Карпов Валерий Геннадьевич, Археологический клуб ГМЗРК;
e-mail: valeriy_Karpov_1961@mail.ru;
- Верин Александр Владимирович, Археологический клуб ГМЗРК;
e-mail: a.v.verin@yandex.ru

A. L. Karetnikov, V. A. Karetnikova, V. G. Karpov, A. V. Verin

A PLOWED BURIAL SITE OF THE 9th–11th CENTURIES NEAR THE VILLAGE SHULETS IN THE VICINITY OF ROSTOV THE VELIKY (BASED ON THE MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL EXPLORATION IN 2024)

Summary. The article examines the materials obtained during archaeological investigations in 2024 near the village Shulets in Rostov District of Yaroslavl Region. A specific set of objects, the absence of a cultural layer (including hearth stones and ceramics), and the location of the cluster of finds on a hill next to an old Russian settlement allow to interpret the material as the remains of a plowed burial ground. Some of the burials were cremated, as indicated by a significant number of melted jewelry. The studied cemetery is identified with the area of “Panova Gorka”, where P. S. Savelyev excavated one burial mound in 1854. The most probable dating of the burial ground is the second half (?) of the 9th century – 11th century, possibly the presence of plowed burial mounds of the 12th century – early 13th century.

Keywords: early Middle Ages, North-Eastern Rus’, Rostov, Volga Finns, Merya, P. S. Savel’ev, settlement, burial ground, burial mound, cremation, dirham.

И. И. Елкина

ТЕКСТИЛЬ ИЗ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА СЕЛИЩА ПАВЛОВСКОЕ 2 (РАСКОПКИ 2023 г.)

Резюме. В научный оборот вводятся остатки текстильных изделий из трех захоронений могильника селища Павловское, обнаруженных в 2023 г. Фрагменты двух изделий являются остатками шелковых воротников-стоек от истлевших одежд, атрибуция третьей находки затруднительна ввиду ее неудовлетворительной сохранности. Используемые материалы, орнаментация и техника исполнения вышивок обнаруженных деталей одежд позволяют отнести захоронения к домонгольскому периоду.

Ключевые слова: Древняя Русь, XII–XIII вв., археологический текстиль, одежда, воротник, золотное шитье.

Текстильные находки из древнерусских захоронений XII–XIII вв. на территории Центральной России достаточно редки и сильно фрагментированы, но они вызывают большой интерес у исследователей, так как комплексно изучая их, мы значительно пополняем знания о древнерусском костюме в целом. Многовековое пребывание в агрессивных почвах пагубно влияет на предметы одежд, они истлевают почти полностью, оставляя лишь иногда небольшие остатки от декоративного оформления воротников, манжет, очелей головных уборов, фрагменты платков. Причиной этому, в первую очередь, является природа текстильных волокон: лен и другие растительные волокна практически полностью истлевают, а шерсть и окрашенный шелк доходят до наших дней в разной степени сохранности. Большое влияние на состояние текстиля оказывает наличие металла, окислы которого проникают в волокна и их армируют. По этим причинам фрагментарно сохраняется шелковый декор с вышивкой золотными нитями и золототканые ленты. Не исключена также локальная сохранность фрагментов одежд погребенного под металлическими украшениями. Вынутые из земли текстильные находки обычно сильно загрязнены и деформированы, а их первоначальные яркие цвета изменены на тусклые, совершенно невзрачных коричневых оттенков.

Текстиль из грунтового могильника селища Павловское 2 (Владимирская область, Суздальский район) был получен при проведении археологических работ в 2023 г. Небольшие фрагменты происходят из трех грунтовых захоронений (погребения № 5, 31, 34).

Рис. 1. Остатки воротника из погребения № 5 после изъятия из грунта

Перед исследованием с каждым текстильным фрагментом были проведены следующие реставрационные мероприятия: фрагменты освобождены от остатков грунта, очищены кистями различной жесткости, пластифицированы раствором ПЭГ-400, расправлены. Дальнейшее комплексное изучение дало возможность атрибутировать находки. Все найденные текстильные фрагменты являются остатками декоративного оформления одежды и относятся к домонгольскому периоду. При исследовании остатков определялись виды использованных материалов, выявлялась природа волокон каждого текстильного вида, анализировались структура и техники изготовления (ткачество, шитье, вышивка).

Погребение № 5. Воротник

Два небольших текстильных фрагмента обнаружены в грунтовом погребении № 5 (женщина 20–35 лет) в области шеи, под нижней челюстью (рис. 1). После очистки от частиц грунта и пластификации стало ясно, что текстильные остатки представляют собой часть декоративной полосы шелковой ткани с золотным шитьем и отрезок золототканой ленты. Эти фрагменты соединяются между собой и являются частями деталей единого предмета декоративного оформления одежды – лицевой

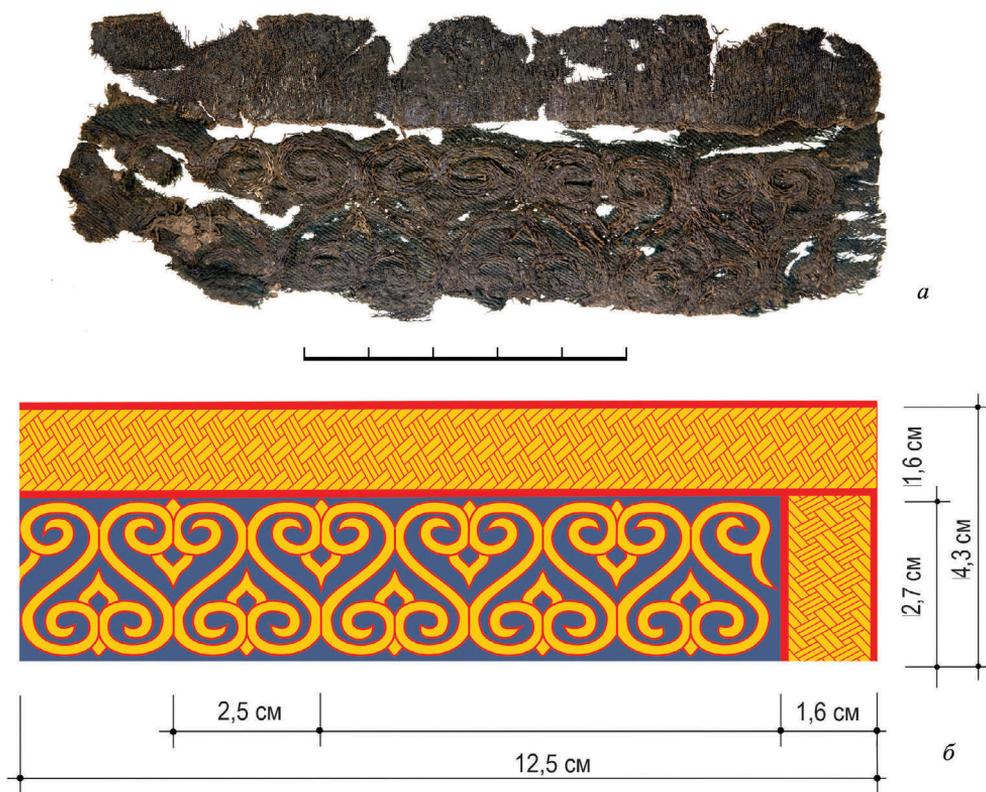

Рис. 2. Воротник из погребения № 5. *а* – правая часть декоративного оформления воротника после проведения консервационных мероприятий; *б* – реконструкция правой части декоративного оформления воротника

стороны воротника-стойки шириной 4,3 см, сохранившегося на длину 12,5 см (рис. 2). Зафиксированные на ткани и ленте еле заметные линии проколов от иглы возле вышивки указывают на место их соединения.

Ткань

Для лицевой стороны воротника была взята полоса довольно качественной монокромной шелковой ткани сложного переплетения самит шириной около 4 см. Ткань насыщенного темно-синего цвета, скорее всего, была окрашена с использованием экстрактов листьев индигоферы красильной (*Indigofera tinctoria*). В отличие от вайды красильной (*Isatis tinctoria*), которую также использовали для крашения тканей в синий цвет, индигофера дает наиболее глубокий и насыщенный оттенок синего. Структура ткани характеризуется наличием двух систем основ – внутренней и связующей. Соотношение внутренней основы к связующей – 1:1. Внутренняя основа переплетается с утком саржей $\frac{1}{2}$, образуя на поверхности ткани фактурный рисунок саржи в S-направлении.

Для внутренней и связующей основы использованы нити слабой Z-крутки толщиной 0,1–0,2 мм. Нити утка крутки не имеют. Их толщина – 0,18–0,2 мм. Плотность нитей по основе составляет 80(40+40) н/см, плотность нитей по утку – 56 н/см.

Вышивка

По темно-синей шелковой ткани самит проходит вышивка золотными и цветными шелковыми нитями. Она представляет собой непрерывную полосу растительно-геометрического орнамента с завитками, образующими сердцевидные фигуры с крином внутри. Орнаментальные элементы зеркально чередуются между собой. Размер раппорта вышивки – 2,5 × 2,5 см. В качестве основной техники вышивки в исполнении орнамента применено золотное шитье «на проем» по форме. Линии стежков длиной 3–4 мм прилегают друг к другу плотными рядами (4–5 рядов), образуя широкие линии сплошного золотого орнамента. (рис. 3: а–з). Для придания дополнительного художественного эффекта золотые орнаментальные элементы обведены тонким контуром сдвоенной красной шелковой нитью в технике стебельчатого шва.

Вышивка исполнялась пряженными золотными нитями толщиной 0,2 мм, полученными путем обмотки шелковой нити-сердечника полосками позолоченного серебра в S-направлении, а также слабокрученными красными шелковыми нитями толщиной 0,2 мм, предположительно, окрашенными экстрактом корней марены красильной (*Rubia tinctorum*).

Золототканая лента

Золототканая лента с орнаментом «плетенка» шириной 16 мм изготовлена из красных шелковых и золотных пряденых нитей. По обеим сторонам от центральной узорной части проходят кромки шириной 1,0 мм (рис. 3: д, е).

Для ткачества ленты использованы одна система нитей основы и две системы нитей утка – фоновый и узоробразующий. Шелковые нити основы и фонового утка образуют саржевое переплетение, по которому проходит узоробразующий уток золотных нитей, создающий орнамент. Золотные нити располагаются от кромки до кромки ленты, не участвуя в ее формировании. Они полностью застилают центральную часть ленты. Золотную нить закрепляют нити основы, образуя крепежами на поверхности ленты узор «плетенка». Всего в ткачестве задействованы 78 нитей основы, из которых 10 нитей (по 5 с каждой стороны) являются кромочными. Раппорт орнамента ленты составляют 18 рядов утка на высоту 4,2 мм.

Нити основы представляют собой шелковые нити крутки 2ZS толщиной 0,25–0,3 мм. Плотность нитей основы составляет 50 н/см. Нити фонового утка – шелковые нити слабой Z-крутки толщиной 0,1 мм. Плотность нитей утка – 45 н/см. Шелковые нити основы и фонового утка окрашены в красный цвет, предположительно, корнями марены красильной *Rubia tinctorum*. Нити узоробразующего утка – пряденые золотные нити, полученные путем обмотки тонких полосок позолоченного серебра вокруг шелкового сердечника в S-направлении. Толщина полоски – около 0,2 мм. В качестве сердечника использована шелковая нить S-крутки толщиной 0,2 мм. Золотные нити ленты сохранились не везде, а на уцелевших нитях практически полностью утрачена полоса позолоченной обмотки.

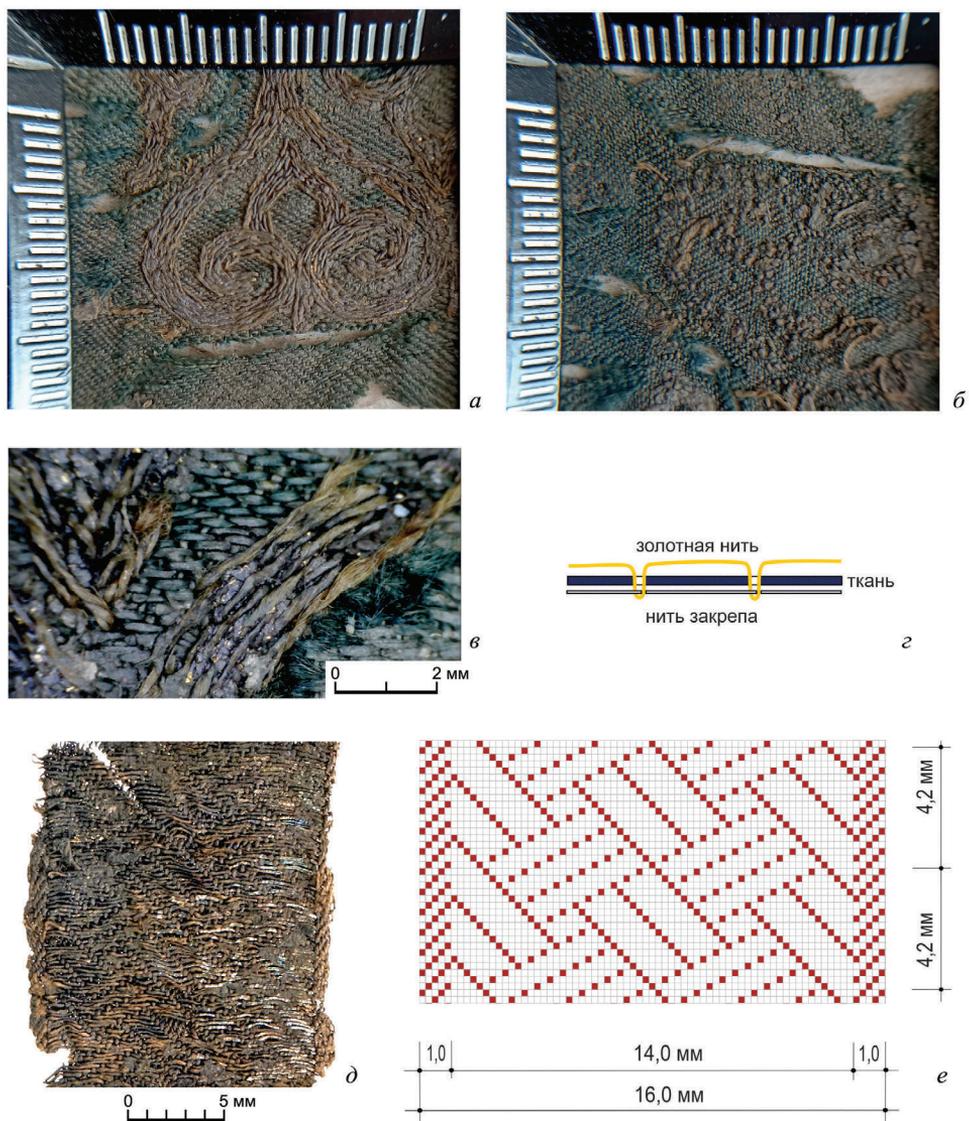

Рис. 3. Воротник из погребения № 5. *а* – лицевая сторона вышивки в технике золотного шитья «на проем» по форме (фрагмент). Стежки плотно прилегают друг к другу; *б* – изнаночная сторона вышивки в технике золотного шитья «на проем» по форме (фрагмент). На поверхности ткани фиксируются небольшие петли из золотных нитей; *в* – лицевая сторона золотного шитья. Макрофотосъемка; *г* – схема золотного шитья «на проем»; *д* – золототканая лента (фрагмент); *е* – золототканая лента. Схема

Конструкция

Обнаруженные в захоронении текстильные остатки являются декоративным оформлением лицевой стороны воротника-стойки, ее правой частью. Сама одежда вместе с основой воротника полностью истлела, так как, скорее всего, была шита из льна.

Для декоративной лицевой стороны воротника использована полоса шелковой ткани-самит шириной около 4 см, украшенная золотой вышивкой. Шелковая полоса частично сохранила форму края (ровные края от обреза ножницами) по верхней, нижней и торцевой сторонам. Нижний край ткани подогнут вовнутрь на 5–6 мм.

Декоративная полоса ткани с вышивкой нашивалась на льняную (?) основу воротника, а затем воротник по верхним и боковым краям окантовывался золототканой лентой. На это указывают имеющиеся на ткани следы швов в виде еле заметных отверстий от иглы, проходящих вдоль верхней и боковой границ вышивки. Сохранившийся отрезок золототканой ленты был нашит по верхнему краю воротника. Следует отметить, что полоса шелковой ткани с вышивкой была по размеру меньше основы воротника, поэтому золототканая лента закрывала ее края всего лишь на 6–7 мм.

Таким образом, воротник-стойка шириной 4,3 см был шит из ткани, предположительно, аналогичной ткани одежды (возможно, льняной). Для декоративной отделки лицевой стороны воротника-стойки использована полоса темно-синей шелковой ткани-самит, декорированная орнаментальной полосой золотой вышивки, состоящей из зеркально расположенных сердцевидных фигур с крином внутри. По верхнему и боковым краям лицевой стороны воротника проходила окантовка золототканой лентой с орнаментом «плетенка». Длина воротника не установлена.

Практически прямую аналогию по вышитому орнаменту изученного воротника имеет фрагмент воротника из кургана Кубаево (Владимирская обл.), обнаруженный во время раскопок А. С. Уварова в 1852 г. (Фехнер, 1993. Рис. 2: 2). В отличие от воротника из Павловского, где вышивка выполнена по темно-синей ткани самит, для воротника из Кубаево использовалась ткань-тафта красного цвета.

Прямоугольные шелковые воротники-стойки с золотой вышивкой и окантовкой золототканой лентой встречены в захоронениях древнерусских могильников на довольно широкой территории России: в Московской (курган № 5 около д. Новлянская; курган № 5 около д. Старое Пушкино), Ивановской (курганная группа Антоново-6), Владимирской (курган № 206 около д. Васильки), Рязанской (курган № 14 около д. Маклаково) (Катасонова, 2005; Недошивина, 1974; Фехнер, 1993) областях. Конструкция подобных воротников встречена также в Смоленске (разрушенное погребение в церкви Иоанна Богослова) (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 134; Фехнер, 1993. Рис. 4: 3), Твери (погребения № 112, 165 из некрополя середины XII – XIII в. на месте Спасо-Преображенского собора в Тверском кремле) (Беляев и др., 2017. Цв. вклейка. Рис. 8: 2, 7) и др. Высота таких воротников составляет от 4,2 до 6,0 см. У большинства из них зафиксирована жесткая основа из бересты. Окантовка золототканой лентой шириной 13–17 мм проходила по верхнему и боковым краям воротника.

Погребение № 31. Воротник

Три текстильных фрагмента обнаружены в верхней трети могильной ямы. Кости скелета в захоронении истлели практически полностью. Выявленные фрагменты представляют собой части декоративной полосы шелковой ткани с золотой

Рис. 4. Воротник из погребения № 31. а – текстильные остатки после изъятия из грунта; б – остатки лицевой части воротника после проведения консервационных мероприятий; в, з – фрагменты вышивки в технике золотного шитья «на проем» по форме; д – частичная реконструкция размеров и орнамента воротника

вышивкой шириной 3 см и длиной: 17,0 см; 11,5 см; 10,0 см (рис. 4: а, б). Фрагменты частично соединяются между собой. Судя по расположению в захоронении, полосы являются остатками воротника одежды погребенного.

Ткань

Для изготовления лицевой стороны воротника была взята узорная шелковая ткань сложного переплетения самит. Она характеризуется использованием в структуре двух систем основ – внутренней и связующей, а также нитей утка как минимум двух цветов. Соотношение внутренней основы к связующей – 1:1. Внутренняя основа переплетается с утком саржей $\frac{1}{2}$, образуя на поверхности ткани фактурный рисунок саржи в S-направлении.

Для внутренней основы использованы двоянные нити Z-крутки, толщина каждой нити – 0,2–0,25 мм. Нити связующей основы Z-крутки толщиной 0,1–0,15 мм. В качестве утков использованы нити, имеющие в настоящий момент светло-коричневый и красно-коричневый оттенки. Нити утка крутки не имеют. Их толщина – 0,2–0,35 мм. Плотность нитей по основе составляет $48(16 \times 2 + 16)$ н/см, плотность нитей по утку – 40–42 н/см.

Орнамент на ткани не читается ввиду изменения первоначальных цветов нитей на коричневатый, небольшого размера фрагментов и наличия вышивки.

Вышивка

По узорной шелковой ткани-самит исполнена вышивка золотными и цветными шелковыми нитями. Узор орнамента ткани и рисунок вышивки не совпадают. Основной декор вышивки представляет собой полосу растительно-геометрического орнамента с чередующимися сердцевидными и криновидными фигурами высотой до 2 см. Над ней и по торцу проходит узкая полоска бордюра шириной до 1 см в виде усложненного растительного побежка с завитками. Орнаментальные полосы разделяются прямой линией. В вышивке нет четкой правильности изображения орнаментальных элементов. Их форма и размеры варьируются (рис. 4: б–з).

В вышивке использовано шитье золотными нитями «на проем». Орнаментальные элементы вышивки дополнительно обведены тонким контуром красной шелковой нитью в технике стебельчатого шва (рис. 5). Золотные нити – пряденые, толщиной 0,4 мм. Они получены путем обмотки шелковой нити-сердечника полосками позолоченного серебра в S-направлении. Шелковые нити крутки 2ZS, толщиной 0,25–0,3 мм окрашены в красный цвет, предположительно, корнями марены красильной (*Rubia tinctorum*).

Конструкция

Воротник-стойка шириной 3 см реконструируется на длину не менее 27 см. Фрагментарно сохранилась его лицевая сторона (рис. 4: д). Воротник имел подкладку, возможно, аналогичную ткани истлевшей одежды.

Для лицевой декоративной стороны воротника использована полоса шириной около 4 см, выкроенная из узорной шелковой ткани-самит и дополнительно украшенная золотной вышивкой. Все края ткани подогнуты вовнутрь на 4–5 мм. По линиям подгиба проходили швы соединения с подкладкой. По поверхности ткани выполнена вышивка золотными и красными шелковыми нитями. Основное поле воротника занято широкой полосой растительного орнамента, представляющего собой чередующиеся сердцевидные и криновидные фигуры. Дополнительно по верхнему и торцевым краям воротника проходит бордюр из вышитой узкой полоски усложненного растительного побежка с завитками. Широкую полосу орнамента и бордюр разграничивает прямая линия.

Шелковые воротники с подобным композиционным оформлением вышивки, когда широкую орнаментальную полосу дополнительно окантовывает узкая полоса бордюра с орнаментом побежков (бегунок, византийская «лоза»), известны по материалам Суздальского некрополя (Сабурова, 1997. Табл. 67: 20, 21), некрополя в Твери (Беляев и др., 2017. С. 72. Цв. вклейка. Рис. 8: 3), курганной группы около д. Белогуоровская (Ивановская обл.) (Катасонова, 2005. С. 32. Рис. 9: з).

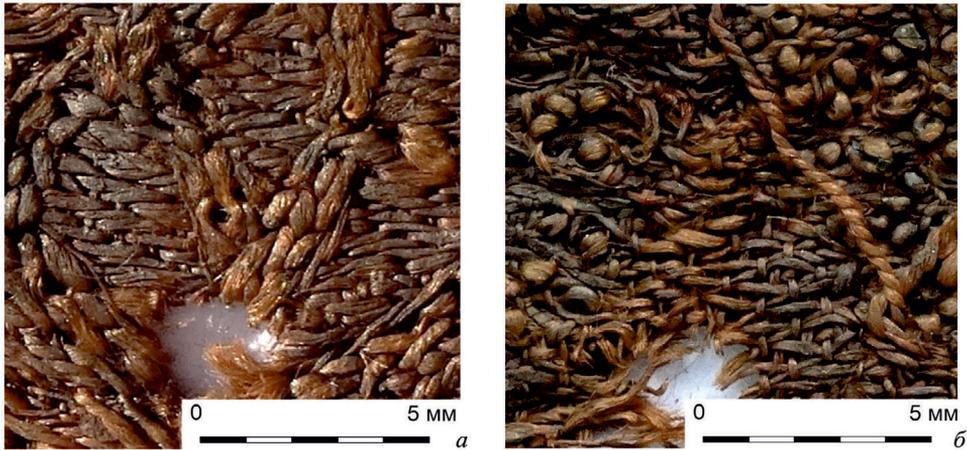

Рис. 5. Воротник из погребения № 31. Макрофотосъемка. *а* – лицевая сторона вышивки по ткани-самит; *б* – изнаночная сторона вышивки по ткани-самит

Погребение № 34. Вышитое изделие

Кости скелета погребения № 31 практически все истлели. Очень небольшие сильно фрагментированные текстильные остатки в скомканном виде находились в центре могильной ямы вместе с остатками костей черепа (рис. 6).

После проведения реставрационных мероприятий (очистка, пластификация) комков удалось развернуть и расправить. Стало ясно, что фрагменты (величина максимального фрагмента – 5×3 см) представляют собой остатки полосы шелкового изделия с вышивкой. Сохранность изделия – крайне плохая. Волокна ткани сильно деформированы, нити вышивки в основном утрачены, от них сохранились лишь следы в виде проколов от иглы. По краю двух фрагментов зафиксирован подгиб края вместе с остатками нитей шва (рис. 6: *б*).

Ткань

Изделие было шито из одноцветной шелковой ткани-тафты, окрашенной в красный цвет, предположительно, корнями марены красильной (*Rubia tinctorum*). Переплетение ткани полотняное. Для ткачества в качестве основы и утка использованы некрученые нити толщиной 0,12–0,15 мм. Плотность по основе составляет 50 н/см, по утку – 40–42 н/см.

Вышивка

Нити вышивки в основном утрачены, от них сохранились лишь следы в виде проколов от иглы по всей поверхности фрагментов. По характеру сдвоенного расположения проколов на поверхности ткани можно предположить, что вышивка была исполнена золотными нитями в технике «на проем». Исключение составляет небольшой сохранившийся участок вышивки шелковыми нитями размерами $2,5 \times 3$ мм, выполненный в технике «в раскол». Орнамент вышивки на ткани по проколам восстановить не удалось ввиду очень плохой сохранности фрагментов (рис. 6: *в*, *г*).

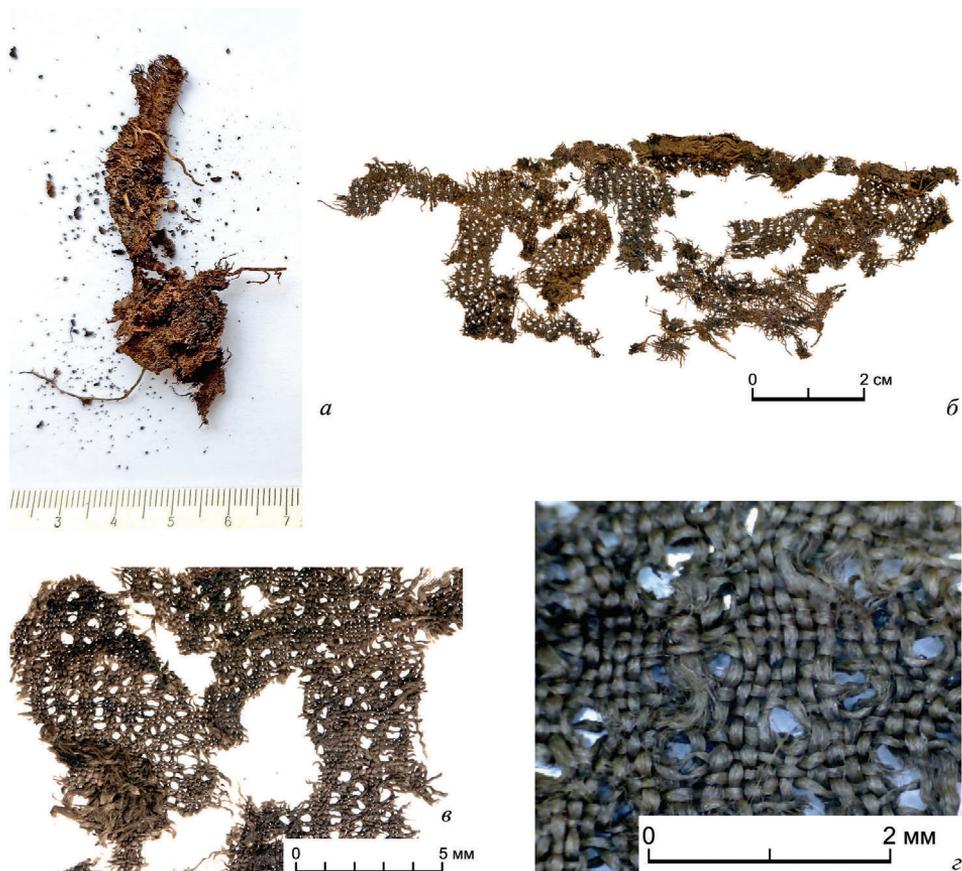

Рис. 6. Остатки вышитого изделия из погребения № 34. *а* – текстильные остатки после изъятия из грунта; *б* – текстильные остатки после проведения консервационных мероприятий; *в*, *г* – ткань-тафта со следами золотной вышивки в виде отверстий от иглы: макрофото съемка

Конструкция

К сожалению, недостаточные размеры и крайне неудовлетворительная сохранность фрагментов не позволяют атрибутировать предмет и полностью понять его конструкцию. Остатки складываются в небольшой отрезок сильно фрагментированной полосы шириной не менее 3,5 см. По частично сохранившемуся краю зафиксированы подгиб на ширину около 4 мм и следы соединительного шва. Практически вся поверхность ткани полосы ранее была заполнена вышивкой, от которой сохранились в основном лишь следы от проколов иглой. Рисунок вышивки не восстанавливается. Вышитая полоса могла быть декоративной отделкой как верхней одежды (например, воротника), так и очелья головного убора.

Заключение

Таким образом, текстильные остатки происходят из трех захоронений могильника Павловское. В двух из них (№ 5 (женщина 25–30 лет) и № 31 (не определено)) обнаружались фрагменты воротников верхних одежд. Оба предмета являлись воротниками-стойками шириной 4,3 и 3 см соответственно.

Декоративная лицевая сторона воротников выполнена из шелковой ткани-самит, характеризующейся двухосновной структурой ткачества и ровным саржевым настилом на лицевой поверхности. Самит был очень популярен в средневековье во многих странах мира. Его выпускали как узорным, так и монохромным. Для создания узорной ткани использовались нити утков разных цветов, чередование которых создавало на поверхности ткани необходимый узор. Самит поступал на Русь из шелкоткацких мастерских стран Средиземноморья, Византии и Среднего Востока. Самиты являются своеобразным хроноиндикатором, так как бытование таких тканей не выходит за рамки XIV в.

По шелковой ткани изученных воротников выполнена вышивка в технике шитья «на проем» (или в «прокол»). Такая вышивка характерна исключительно для домонгольского периода и применялась на Руси наиболее часто. Суть шитья заключалась в том, что нить пропускалась насквозь через предварительно проколотое отверстие в ткани, а на изнаночной стороне закреплялась шелковой нитью. Стежки длиной от 2 до 5 мм укладывались по форме орнамента, довольно плотно прилегая друг к другу. В результате такого шитья на лицевой стороне изделия получался сплошь золотой узор, а на изнаночной стороне образовывались характерные для этого шитья небольшие петли из золотых нитей (рис. 3: а–в; 5). Надо сказать, что это довольно трудоемкий способ шитья. Позднее он сменился на шитье «в прикреп», когда цветные шелковые нити закрепляли золотную нить на лицевой стороне шитья, не выводя ее на изнаночную.

В вышивке воротников каждый золотой орнаментальный элемент дополнительно обведен контуром цветной шелковой нитью в технике стебельчатого шва или шва «в раскол». Такой прием также характерен для домонгольского шитья.

Воротник из погребения № 5 окантован золототканой лентой. Надо сказать, что среди находок домонгольского текстиля узорные золототканые ленты являются наиболее встречаемыми, особенно в курганных захоронениях. Ленты активно использовались в декоре одежд воротников, рукавов одежды, очелей. Как и шелковые ткани, ленты являлись предметом импорта. Они поставлялись из Византии и Испании. Среди них наиболее часто встречаются узорные ленты с орнаментом «плетенка», «городки», «зигзаги», «диагональ». География распространенности лент широка не только на территории Древней Руси, но и за ее пределами. Время бытования лент – XI–XIII вв.

Точную атрибуцию фрагментов из погребения № 34 ввиду их крайне плохой сохранности провести не удалось. Предположительно, это могла быть полоса декоративного оформления воротника одежды или очелья головного убора, выполненная в технике золотного шитья по красной шелковой ткани.

Литература

- Беляев Л. А., Сафарова И. А., Хохлов А. Н., 2017. Некрополь середины XII – XIII в. на месте Спасо-Преображенского собора в Тверском кремле // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. Тверь. С. 61–98. Рис. 1–13 (цв. вкл.).
- Воронин Н. Н., Раннопорт П. А., 1979. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.: Наука. 416 с.
- Катасонова Е. Ю., 2005. Золотное шитье домонгольской Руси X–XIII вв. // Убрус. Церковное шитье: история и современность. Вып. 4. СПб. С. 24–45.
- Недошивина Н. Г., 1974. Курганный могильник у дер. Маклаково // Археология Рязанской земли / Ред. А. Л. Монгайт. М.: Наука. С. 210–215.
- Сабурова М. В., 1997. Древнерусский костюм // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 93–109.
- Фехнер М. В., 1993. Древнерусское золотное шитье X–XIII вв. в собрании Государственного Исторического музея // Средневековые древности Восточной Европы. М. С. 3–21. (Тр. ГИМ; вып. 82.)

Сведения об авторе

Елкина Ирина Игоревна, Институт археологии РАН;
e-mail: ira-elkina@yandex.ru

I. I. Elkina

TEXTILES FROM THE GROUND NECROPOLIS OF THE PAVLOVSKOYE 2 SETTLEMENT (EXCAVATIONS 2023)

Summary. The remains of textile products from three burials of the necropolis of the Pavlovskoye settlement, discovered in 2023, are introduced into scientific circulation. Fragments of two products are the remains of silk collars from decayed clothes, the attribution of the third find is difficult due to its unsatisfactory preservation. The materials used, the ornamentation and the technique of embroidery of the discovered clothing details allow us to attribute the burials to the pre-Mongol period.

Keywords: Ancient Rus', 12th–13th century, archaeological textiles, costume, collar, gold embroidery.

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

А. О. Бергер, А. М. Фатьков¹, Р. А. Федонин, Н. А. Макаров

СУЗДАЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ: ЛАЗЕРНОЕ СКАНИРОВАНИЕ ПО ТЕХНОЛОГИИ LiDAR

Резюме. В статье представлены результаты лазерного сканирования Суздальского кремля по технологии LiDAR. Это один из первых опытов создания цифровой модели древнерусского городища, обеспечивающий новое качество документирования средневековых поселений с остатками дерево-земляных оборонительных сооружений. Уточнены данные о размерах Суздальского кремля и его укреплений и особенности его расположения в ландшафте, отличные от обычной топографии мысовых городищ.

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь, средневековые города, городища, лазерное сканирование, LiDAR.

В 2025 г. Институтом археологии РАН проведено лазерное сканирование Суздальского кремля по технологии LiDAR для документирования его рельефа и средневековых фортификаций. Задача этих работ – создание новых топографических и визуальных материалов, воспроизводящих облик этого выдающегося памятника с высокой точностью и полнотой, соответствующими современным техническим возможностям и научным запросам.

Суздальский кремль – один из наиболее известных примеров укрепленного ядра средневекового города, сохранившего свой ландшафтный облик, элементы пространственной организации и контуры фортификаций с достаточно ранней поры. Оказавшись в центре современного города, кремлевские валы, ограничивающие участок береговой террасы в излучине р. Каменки, сегодня по-прежнему хорошо читаются в ландшафте. Исследователями установлено, что основу кремлевских валов образуют фортификации XI в., впоследствии обновлявшиеся и усиливавшиеся, но не переносившиеся и не менявшие своего положения (*Раннопорт*, 1961. С. 106–109; *Седова*, 1997. С. 46–57; *Коваль*, 2023. С. 49–64). Среди городов Северо-Восточной Руси, история которых восходит к X–XI вв., Суздаль – единственный, в котором ранее ядро городской территории выделено сохранившимися до наших дней остатками укреплений. В других

¹ Современные методы пространственного анализа в археологии: потенциал геоинформационных систем в исторических исследованиях и реконструкциях (№ НИОКТР 125081809575-1).

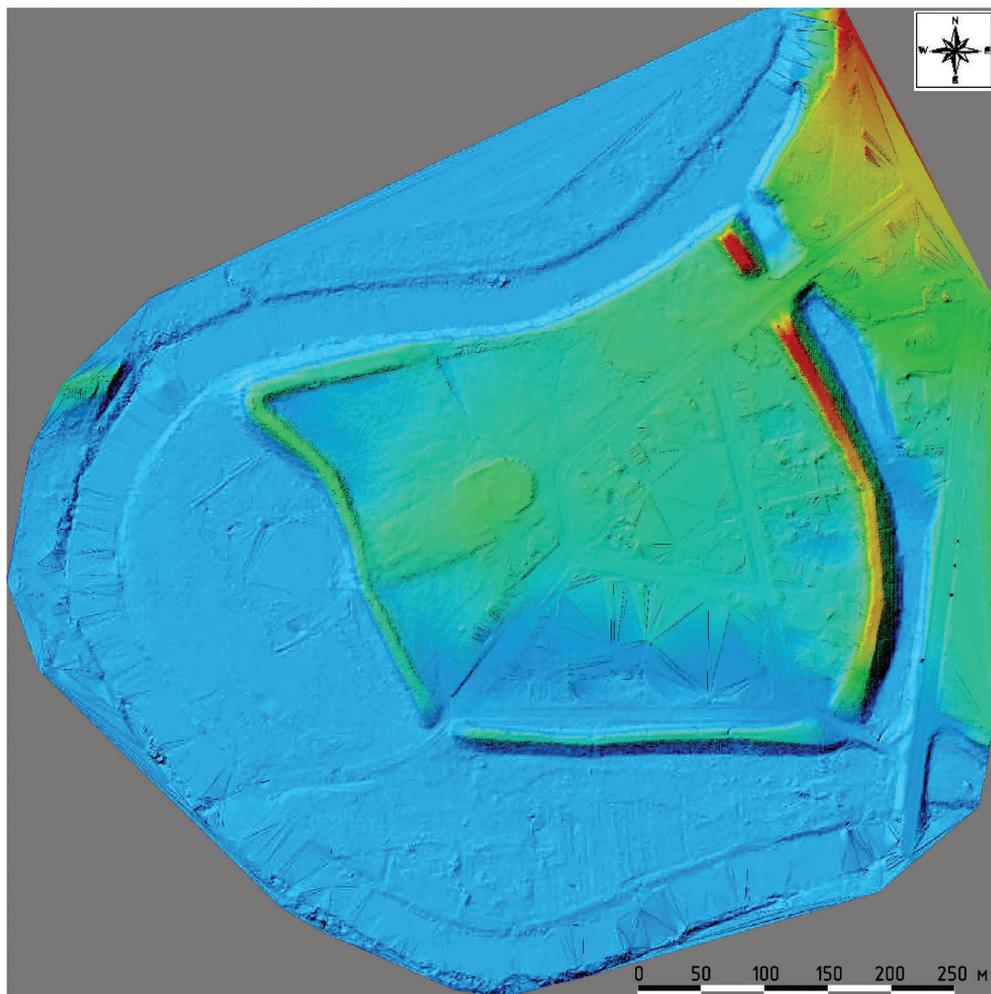

Рис. 1. Светотеневое изображение 3D-модели Суздальского кремля

городах – Ростове, Ярославле, Белоозере, Угличе – местоположение и примерные границы этого ядра определены на основании данных исторической топографии и археологических раскопок. План Суздальского кремля («города» по терминологии документов XVII в.) воспроизводится в многочисленных исторических и археологических изданиях как пример мысовой крепости, конфигурация которой определена природным ландшафтом (*Раппопорт*, 1961. С. 26; *Воронин*, 1961. С. 33; *Древняя Русь. Город, замок, село*. 1985. С. 125. Табл. 24: 1; *Седова*, 1997. Рис. 1; 10). Это схематичный план, на котором показаны линии валов, река и некоторые элементы рельефа.

Очевидно, основой для этого плана являются полевые чертежи А. Д. Варганова, начавшего в 1939 г. археологическое исследование кремлевских укреплений

Рис. 2. Светотеневое изображение 3D-модели Суздальского кремля с указанием мест профилей

ного вида и топографических особенностей остатков укреплений. Никаких данных о специальной топографической съемке укреплений в связи с археологическими работами 1950–1990-х гг. в архивах найти не удалось.

П. А. Раппопорт рассматривал «детинец» в петле р. Каменки как часть оборонительной системы обычного мысового типа (*Раппопорт*, 1961. С. 26). Наиболее подробное описание Суздальского кремля с мерными характеристиками остатков фортификаций содержится в исследовании М. В. Седовой. Согласно этим данным, «площадь Кремля – 14 га, протяженность валов – 1400 м, высота валов – от 3,2 до 8,5 м, ширина – от 18 до 25 м. Угол наклона валов с внутренней стороны – 50°, с внешней стороны – 40°. Ширина рва в разных местах от 20 до 35 м, глубина его – 8,5 м, угол наклона – 40°. Высота от дна рва до вершины вала – 16,5 м, верхняя часть его насыпи срезана в XVIII в.» (*Седова*, 1997. С. 40). При этом в монографии М. В. Седовой опубликован план северной части Кремля и фрагмент плана Суздаля XVIII в., на котором показана кремлевская территория (Там же. Рис. 2), но нет общего топографического плана Кремля, документирующего рельеф и остатки средневековых укреплений.

Основным вопросом, занимавшим исследователей Суздальского кремля, было время возведения укреплений и связь их сооружения с историческими событиями XI–XII вв. Сложность решения этого вопроса обусловлена характером археологических материалов, происходящих из насыпей валов и подстилающего культурного слоя. Валы прорезались раскопками в разное время на четырех небольших участках (считая раскоп А. С. Уварова 1851 г.), находки из этих разрезов не могут быть

с прорезки вала в северо-восточной части крепости у Ильинских ворот и прорезки части рва, отделяющего кремль от окольного города. В отчете А. Д. Варганова содержится «План земляных валов гор. Суздаля Ив. области и раскопок Суздальского отряда 1939 г.», выполненный тушью и акварелью, схематичный, но с прорисовкой сохранившихся участков валов окольного города, некоторых оврагов и русла р. Гремячки (*Варганов*, 1939б). Упрощенный вариант этого плана помещен в статье о раскопках в Суздале, вышедшей уже после войны (*Варганов*, 1946. С. 132). В большинстве последующих публикаций этот план воспроизводился без детализации и изменений, с лаконичной характеристикой внеш-

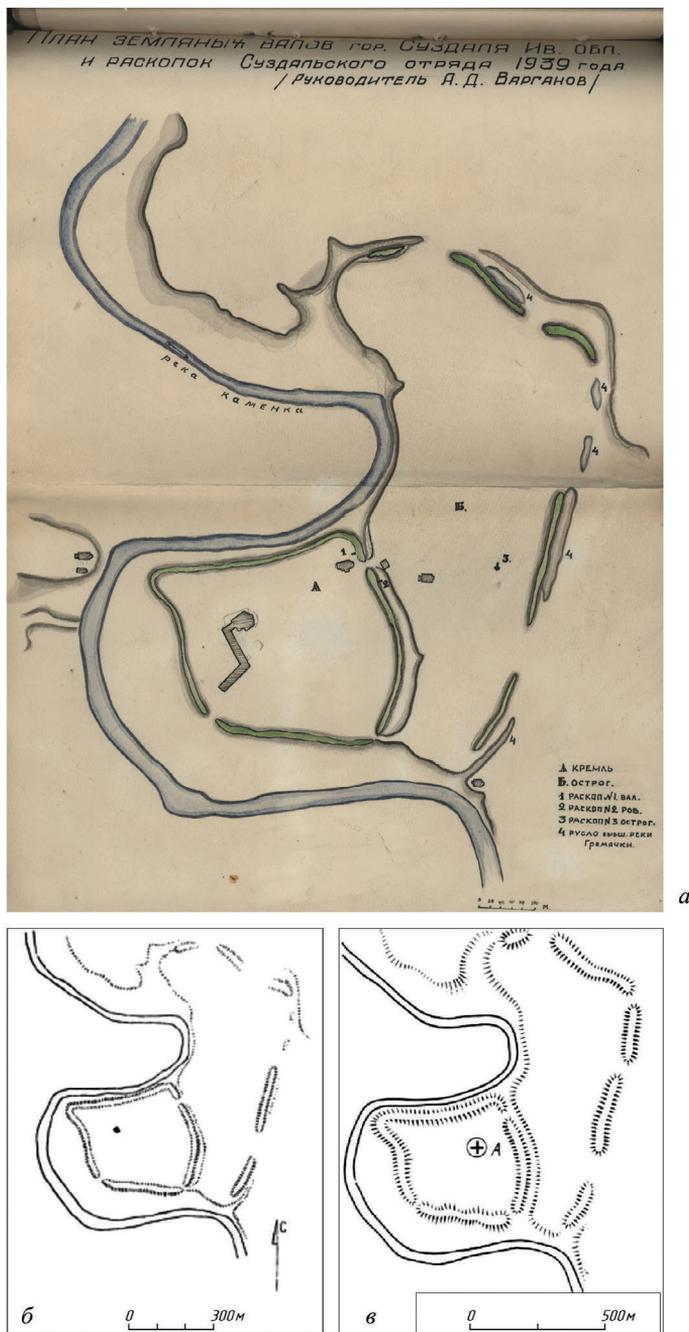

Рис. 3. Планы Суздальского кремля. а – Варганов А. Д. План земляных валов г. Суздаля (отчет археологических работ 1939 г.); б – Древний Суздаль, по А. Д. Варганову (Археология СССР); в – Суздаль, по А. Варганову (Раппорт П. А. (МИА 105))

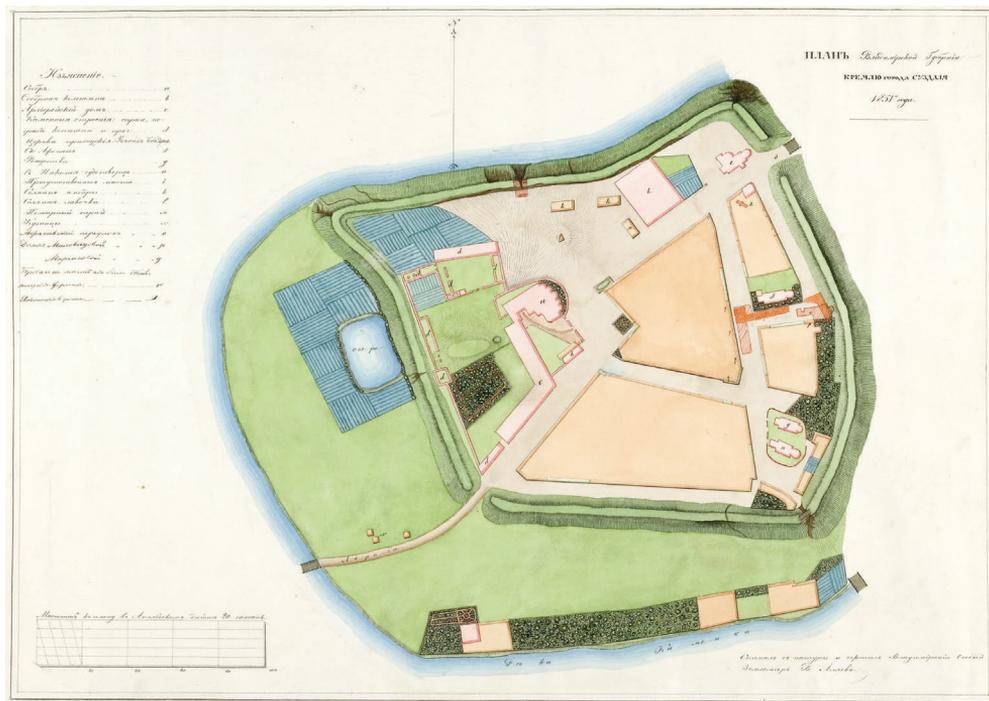

Рис. 4. «План Владимирской губернии Кремлю города Суздаля 1851 года», снятый владимирским землемером Василием Аляевым для документирования полевых работ А. С. Уварова («Суздаль. Планы и карты. 1851–1852», ГИМ 65397, ГО-3662)

основой для датирования сооружения фортификаций в узком хронологическом интервале. Подробный обзор археологических работ на валах, конструктивных особенностей, истории возведения и перестройки кремлевских укреплений содержится в недавнем исследовании В. Ю. Ковалья (Коваль, 2023). Известно, что раскопками М. В. Седовой в северо-западной части современного кремля были выявлены остатки небольшого мысового городища, фортификации которого были сnivelированы при строительстве укреплений XI в. и не оставили следов на современной поверхности. Исследовательница полагала, что вал и ров, ограничивающие поселение в излучине Каменки с востока, с напольной стороны, были сооружены в середине XI в. после подавления восстания 1024 г., а укрепления по всему периметру современного кремля – на рубеже XI–XII вв., одновременно со строительством первого каменного собора. Седова называла эти укрепления «Мономаховым городом» (Седова, 1997. С. 53–60). Верификация и уточнение строительной истории оборонительных сооружений невозможны без новых раскопок.

Исследователям XX в. оставался неизвестен «План Владимирской губернии Кремлю города Суздаля 1851 года», снятый владимирским землемером Василием Аляевым для документирования полевых работ А. С. Уварова, начавшихся с раскопок в кремле на месте предполагаемого княжьего двора вблизи церкви Афанасия

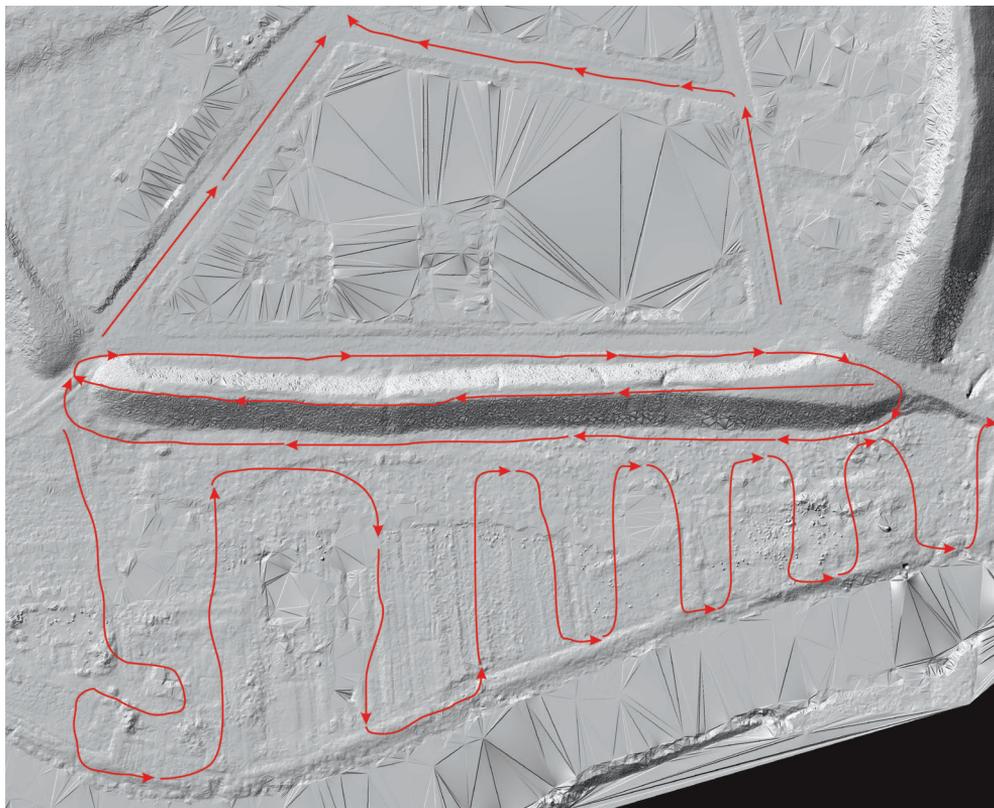

Рис. 5. Маршрут съемки укреплений Суздальского кремля

и Кирилла (Макаров, 2023. С. 28–31). Этот чертеж находится в отделе картографии ГИМ в альбоме с полевой документацией А. С. Уварова («Суздаль. Планы и карты. 1851–1852»). ГИМ 65397. ГО-3662) и был опубликован в самое новейшее время (Милованов, Федорина, 2025). На плане Аляева помимо городской застройки середины XIX в. показаны валы с отдельными местами разрушений, рвы, характер использования различных земельных участков и места раскопок А. С. Уварова. Сопоставление плана 1851 г. с материалами, полученными с использованием технологии LiDAR, свидетельствует о высокой точности съемки середины XIX в. В северной части кремля, где следы укреплений в настоящее время отсутствуют, вдоль берега Каменки на всем его протяжении показан земляной вал, впоследствии смытый рекой. На одном из участков этих укреплений, в месте их осыпи, обозначен один из раскопок 1851 г.

Сканирование Суздальского кремля в 2025 г. производилось ручным лазерным сканером GoSLAM RS100S, в котором используется SLAM технология. Это позиционирование в режиме реального времени, где отсутствует GNSS позиционирование. При перемещении в пространстве, будь то внутренние помещения или открытые территории, сканер сам определяет свое местонахождение за счет окружающих его объектов и одновременно эти объекты сканирует.

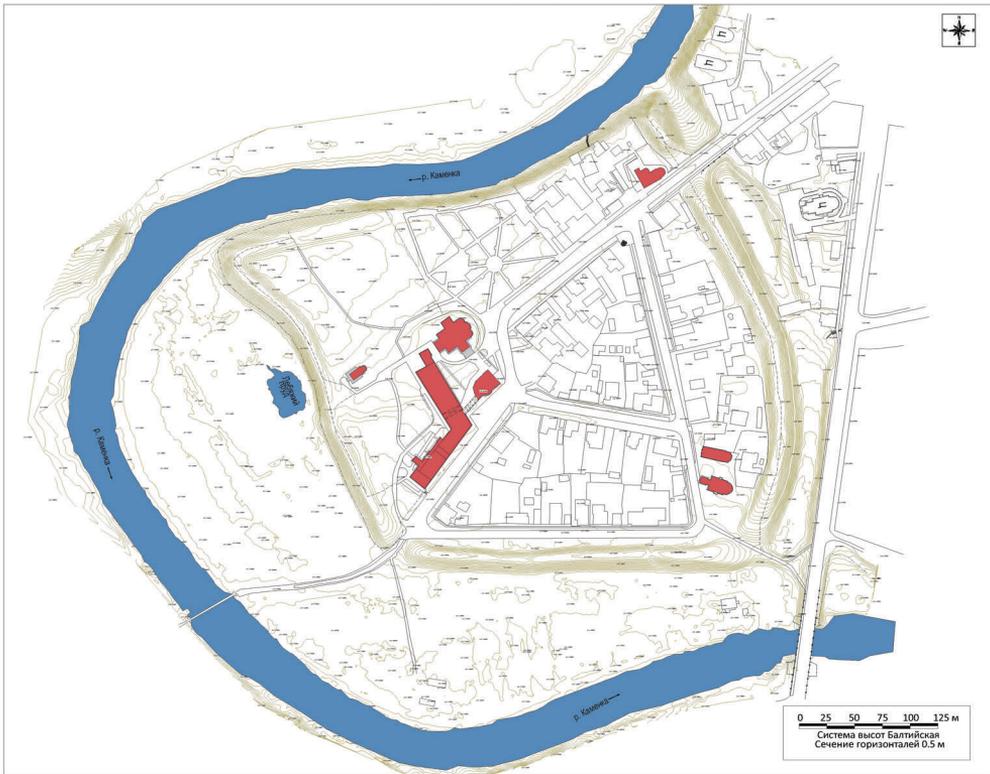

Рис. 6. Топоплан Суздальского кремля

Поскольку на данный момент не существует разработанной методики использования ручного лазерного сканера для съемки археологических объектов, в процессе работ нашим коллективом была разработана и опробована на практике методика съемки городищ с помощью ручного лазерного сканера.

Маршрут съемки строится таким образом, чтобы сканер мог снять все выраженные в рельефе объекты. Поэтому сначала маршрут съемки шел по гребню вала, затем проходил вдоль укреплений с внутренней стороны, а затем – с внешней (рис. 5).

Маршрут съемки площадки городища был построен вдоль существующих улиц, грунтовых дорог и тропинок (рис. 5). Съемка поймы р. Каменки велась параллельными траекториями с шагом в 25–50 м.

В ходе камеральной обработки материалов проведены состыковка облаков точек между собой, удаление точек шума и классификация поверхности земли (удаление деревьев, машин, зданий и т. п.). В результате камеральной обработки получено отклассифицированное облако точек, на основе которого построены 3D-модель поверхности, топоплан (формат dxf) и светотеневые изображения (Hillshade) поверхности (рис. 1; 2; 6–9).

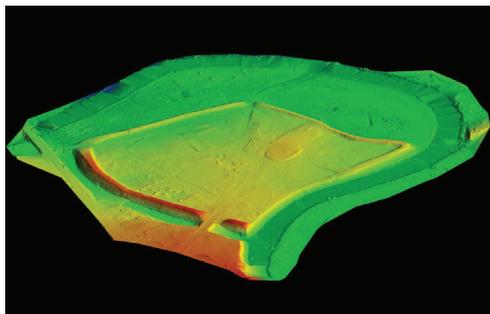

Рис. 7. Изометрия 3D-модели Суздальского кремля

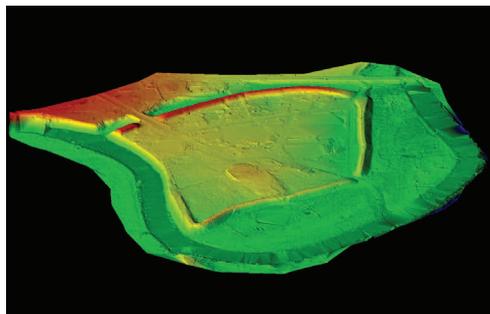

Рис. 8. Изометрия 3D-модели Суздальского кремля

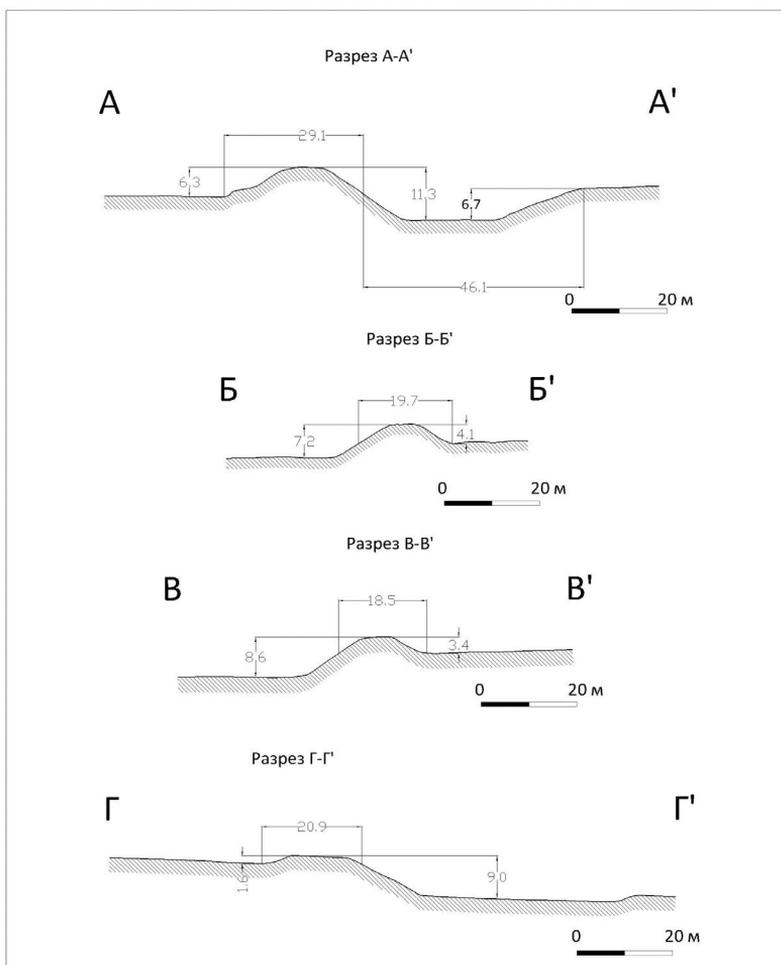

Рис. 9. Профили укреплений Суздальского кремля

Сканирование с использованием технологии LiDAR позволило уточнить данные о размерах Суздальского кремля и его укреплениях. Установлено, что площадь кремля с охватом территории по внешней стороне валов составляет 15,7 га, площадь территории внутри валов – 11,9 га, общая протяженность валов – около 1160 м. Высота вала с внутренней стороны составляет от 1,6 м в северо-западной и до 6,3 м в восточных частях кремля. Высота вала от дна рва – от 7,2 м в южной и до 11,3 м в восточных частях кремля. Ширина вала в основании – от 18,5 м в западной части кремля до 29,1 м в восточной. Ширина рва составляет от 25,6 до 46,1 м, глубина рва – от 4,4 до 10,3 м. Высота кремлевского вала, таким образом, почти на 2 м меньше, чем это указано в публикациях, а ров в своих максимальных размерах на 10 м шире и на 1,5 м глубже. Разница измерений высоты вала и глубины рва может отражать как неточность выполненных ранее измерений, так и постепенное разрушение фортификаций.

Расположение укреплений Суздальского кремля в целом определено очертаниями рельефа в изгибе русла р. Каменки, но его нельзя считать обычной крепостью мысового типа. Для устройства поселения был выбран участок береговой террасы с крутым обрывом с севера и пологим понижением к реке с запада и с юга. При этом около трети всей излучины осталось за пределами укреплений. С запада и с юга крепость не защищена рекой. Здесь с внешней стороны укреплений остались участок низкой береговой террасы, использовавшийся в середине XIX в. под пашню, и участки пойменного луга шириной от 50 до 150 м. Повышение рельефа местности к востоку от кремля делало поселение уязвимым и с напольной стороны. Защита его на этом участке потребовала сооружения наиболее мощных дерево-земляных укреплений и устройства глубокого рва, рельеф которых документирован лидарной съемкой. При внимательном взгляде на суздальские ландшафты создается впечатление, что участок в излучине р. Каменки, где располагается Суздальский кремль, по характеру рельефа далеко не оптимален для устройства надежно защищенного укрепленного поселения. Местоположение города было определено другими факторами.

Цифровая модель Суздальского кремля, полученная с использованием технологии LiDAR, – первая визуальная документация этого памятника в высоком разрешении, полноценно передающая исторический ландшафт центральной части Суздаля и облик средневековых укреплений в их современном состоянии. Лазерное сканирование не меняет общего научного понимания памятника, но обеспечивает точность видения всех его деталей. Создание цифровых моделей других средневековых городищ Северо-Восточной Руси откроет перспективу для их сравнительного изучения и прояснения общих черт и индивидуальных особенностей памятников этой группы.

Литература

- Варганов А. Д., 1946. Из ранней истории Суздаля (IX–XIII вв.) // КСИИМК. Вып. 12. С. 127–137.
- Воронин Н. Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. I. XII столетие. М.: Изд-во АН СССР. 584 с.
- Древняя Русь. Город, замок, село / Под ред. Б. А. Колчина. М.: Наука, 1985. 435 с.

- Коваль В. Ю., 2023. О фортификации Суздальского детинца X–XII вв. // ABC3. Вып. 13 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 49–64.
- Макаров Н. А., 2023. Исследователи и идеи // Археология Суздальской земли. Т. 1. М.; Вологда: Древности Севера. С. 26–38.
- Раппопорт П. А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 250 с. (МИА; вып. 105.)
- Седов В. В., 1974. Две заметки по археологии Суздаля // Культура средневековой Руси / Отв. ред.: А. Н. Кирпичников, П. А. Раппопорт. Л.: Наука. С. 61–64.
- Седова М. В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.: Русский мир. 236 с.
- Федорина А. Н., Милованов С. И., 2025. Новое в археологии города Суздаля. По материалам работ ИА 2022–2024 гг. // РА. № 4.

Архивные материалы

- Варганов А. Д., 1939а. Земляные валы г. Суздаля (отчет археологических работ 1939 г.) // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 98.
- Варганов А. Д., 1939б. Чертежи и фотографии к отчету по исследованию земляных валов г. Суздаля в 1939 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 100.
- Варганов А. Д. План земляных валов гор. Суздаля Ивановской области и раскопок Суздальского отряда 1939 года (руководитель А. Д. Варганов). Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1939 г. Д. 100. Л. 17.

Сведения об авторах

- Бергер Антон Олегович, ИА РАН;
e-mail: BergerAO@iaran.ru;
- Фатьков Алексей Михайлович, ИА РАН;
e-mail: fil1984@mail.ru;
- Федонин Роман Александрович, ИА РАН;
e-mail: mladoi@yandex.ru;
- Макаров Николай Андреевич, ИА РАН;
e-mail: nmakarov10@yandex.ru

A. O. Berger, A. M. Fatkov, R. A. Fedonin, N. A. Makarov

SUZDAL KREMLIN: LiDAR LASER SCANNING

Summary. The article presents the results of laser scanning of the Suzdal Kremlin using LiDAR technology. This is one of the first experiments in creating a digital model of an ancient Russian settlement, providing a new quality of documentation of medieval settlements with remnants of wooden and earthen defensive structures. The data on the size of the Suzdal Kremlin and its fortifications and the features of its location in the landscape, which differ from the usual topography of the cape mounds, have been clarified.

Keywords: Northeastern Russia, medieval towns, ancient settlements, laser scanning, LiDAR.

В. В. Бейлекчи, Вал. В. Бейлекчи

КОМПЛЕКСЫ И НАХОДКИ ИЗ РАСКОПОК 2019 И 2023 гг. В КРЕМЛЕ МУРОМА

Резюме. В статье публикуются материалы охранных раскопок 2019 и 2023 гг. в кремле г. Муром, пополняющие актуальные сведения о параметрах центральной территории одного из начальных городов Северо-Восточной Руси. Шурфы 2019 г., заложенные вдоль осевой линии кремля помимо представительных серий находок древнерусского периода в комплексе со стратиграфическими данными предшествующих исследований позволили представить разрез культурного слоя на протяжении около 290 м и определить качественно-хронологические характеристики напластований. Захоронение мужчины, исследованное в 2023 г. на окраине кремля, сопровождалось «женским даром» рубежа X–XI вв. и наиболее ранней древнерусской лепной керамикой, отличалось синкретичностью погребального обряда, характерной для подкурганых захоронений на периферии двух грунтовых могильников мурома.

Ключевые слова: кремль города Муром, древнерусский период, стратиграфия напластований, захоронение, рубеж X–XI вв.

Территория кремля г. Муром (Окский парк) представляет собой вытянутый по линии северо-восток – юго-запад мыс коренного левого берега р. Оки в центральной-восточной части Муром, восточной оконечностью выходящий к реке; протяженность мыса по линии северо-восток – юго-запад составляет около 395–425 м, ширина плато – около 145–235 м, а площадь превышает 7,5 га (рис. 1). С северной стороны граница территории кремля пролегает вдоль подошвы южного берега Музейного оврага; с южной стороны окаймлена Окским оврагом (ул. Съезд Воровского); с западной напольной стороны, где до 1860-х гг. располагался ров с водой («Козья речка», соединял отроги оврагов), граница пролегает вдоль западной красной линии застройки сквера по пл. Революции и далее по городскому рынку до засыпанного южного берега Музейного оврага. Восточная оконечность мыса вместе с береговой полосой города в XVI–XVIII вв. была разрушена разливами Оки (*Паллас*, 1809. С. 57, 59). Деревянные укрепления кремля, известные по Описи 1636/37 гг. и «Плану неизвестной крепости», были демонтированы в 1740–1760-е гг. и не отразились в плане города 1769 г.

Общая площадь археологических исследований в кремле, проводившихся в 1939, 1946, 1982–1987, 1998, 2006, 2010, 2014, 2019, 2023 гг., охватывает не более 0,7 %

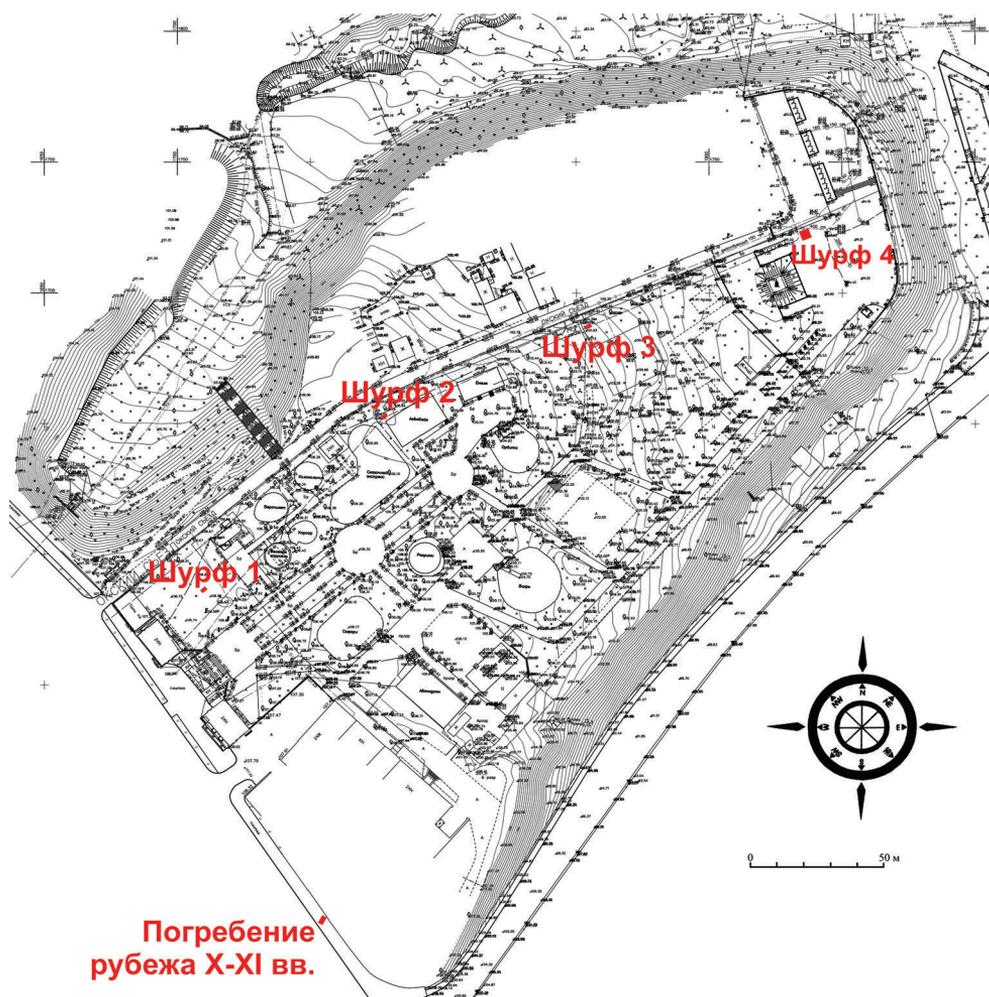

Рис. 1. Топографический план Кремлевской горы Муром с указанием месторасположения шурфов 1–4 (исследования 2019 г.) и места обнаружения погребения рубежа X–XI вв. (исследования 2023 г.)

его территории, а опубликованность результатов работ оставляет желать лучшего. Углубленные объекты древнерусского периода в кремле обнаружены повсеместно.

В 2019 г. экспедиция ООО «Нижнеокское историко-археологическое бюро “Артефакт”» проводила раскопки в кремле на площадках для прокладки электрокабеля к зданию по ул. Первомайская, д. 8Б. Заложены были четыре шурфа: в западной оконечности мыса, к югу от ул. Окский съезд и к востоку от ул. Первомайская (шурф 1; 2 × 1 м), в центральной части мыса южнее ул. Окский съезд (шурфы 2 и 3; 2 × 1 м), у северо-восточной оконечности мыса (шурф 4; 3 × 3 м) (рис. 1). Равноудаленное

расположение шурфов на центральной оси мыса позволило систематизировать сведения о стратиграфии культурных напластований кремля.

На участке шурфа 1 до глубины 120 × 130 см от дневной поверхности средневековый слой отсутствовал. На дне зафиксированы перекопы XX в. и заполнение подвала рубежа XIX–XX вв., уходящие ниже проектной глубины. Находки и керамический материал эпохи средневековья залежали в переотложенных грунтах.

На всей площади шурфа 2 под балластными отложениями выявлен слой эпохи средневековья, практически не тронутый поздними перекопами (рис. 2: 1). На глубине 24–35 см от дневной поверхности в шурфе обнаружено скопление обломков тесаных белых камней, вероятно – от разрушенного собора Рождества Богородицы. В слоях переотложения залежали находки древнерусского времени, среди которых (рис. 3: 1–4): бочонковидная бусина печеночно-красного стекла с накладными нитями белого глухого стекла (орнамент петлевидный), XII–XIII вв., битрапецидное пряслице из розового шифера 2-й половины X – XIII в. и линзовидное керамическое пряслице X–XIV вв., «хлебце» керамический», датируемый по находкам в Старой Рязани и Новгороде X – 1-й половиной XIII в. (Древняя Русь..., 1997. Табл. 81: 20–22). Впущенная с уровня балласта хозяйственная яма прорезала нижележащие напластования.

На глубине 90–100 см от дневной поверхности в шурфе зафиксирован слой прокаленного грунта толщиной до 20 см, окаймленный зольно-угольными прослойками (рис. 2: 1). В слое прокала и непосредственно под ним залежали скопление кальцинированных костей и развал лепного заглаженного сосуда; из сопутствующих находок выделяются (рис. 3: 5–8): двухчастная желтая непрозрачная пронизка из стекла группы VIII.4, по З. А. Львовой, X – 1-я половина XI в. (Львова, 1968. С. 88); фрагмент донца кругового красножущегося грубого сосуда с клеймом «простая окружность», XI–XIII вв. (Кадишева, 2007. С. 175. Рис. 1: 1–9); профиль тигля-купели для очистки металлов от примесей, имеющего аналогии X–XI вв. В Гнездово и Старой Ладоге (Григорьева, 2017. С. 90–91. Рис. 1Б: 5); профиль керамической игрушки-сосудика, с аналогией X–XV вв. На городище Алчедар (Древняя Русь..., 1997. С. 117. Табл. 81: 36). Под слоем прокала вплоть до материка найдены исключительно фрагменты лепных сосудов с шероховатой, заглаженной (в том числе с гребенчатым орнаментом по плечу и насечками по краю венчика) и подлощенной поверхностью. На материковом дне шурфа зафиксирована часть округлой ямы, к которой примыкали направленные по оси север-северо-восток – юг-юго-запад два ряда углублений от вертикально вбитых кольшков диаметрами 3–8 см и глубиной 3–5 см. В центре шурфа располагались две ямы от спаренных округлых столбов размерами 30 × 25 и 20 × 18 см.

В шурфе 3 покровный мусорный слой содержал битый белый камень, керамику XII–XIX вв. и переотложенные находки, среди которых (рис. 2: 2, 3): медная «денга» 1735 г., кусочек необработанного янтаря, стержневидная костяная пуговица XI–XIII вв. (Пуговицы..., 2015. С. 68. Рис. 128). В этом слое на глубине 100–110 см от дневной поверхности найдены белокаменный фигурный элемент цоколя фасада, вероятно, от собора Рождества Богородицы (рис. 1: 3, 4; 4: 1), а также переотложенные кости нижних конечностей человека. Описанный слой, видимо, отложился при реставрации собора под руководством Н. А. Артлебена в 1873–1878 гг. В шурфе исследованы часть подпола постройки (объект 1) и часть хозяйственной ямы 6 древнерусского времени (рис. 2: 3). На дне объекта 1 расчищен скелет кошки, вероятно,

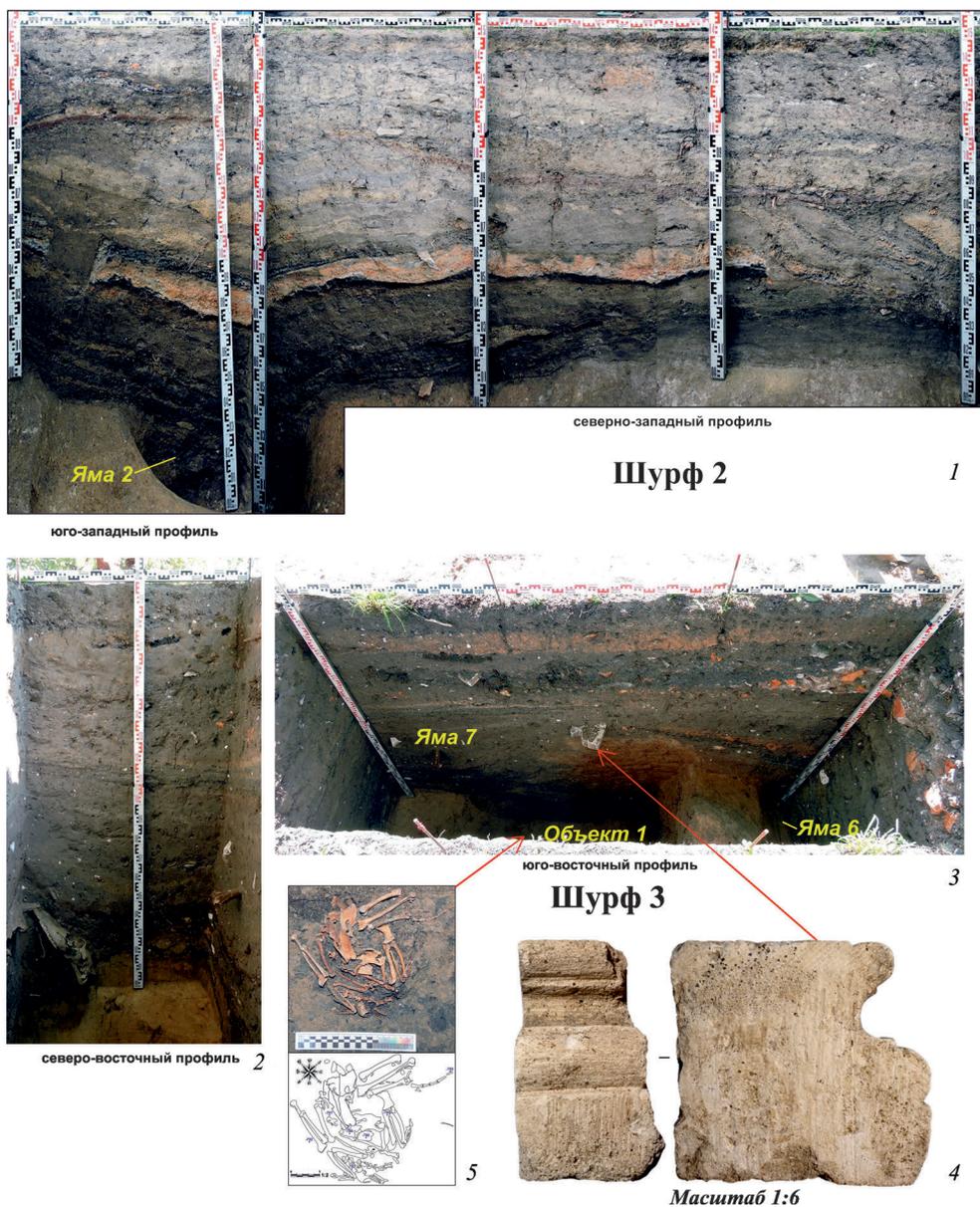

Рис. 2. Шурф 2. 1 – фотосклейка юго-западного и северо-западного профилей. Шурф 3. 2 – фото северо-восточного профиля; 3 – фото юго-восточного профиля; 4 – белокаменный элемент цоколя фасада (пл. 5). М. 1:6; 5 – фото и план костей кошки на дне объекта 1 (пл. 14)

Рис. 3. Шурф 2. 1 – бусина бочонковидная с накладными нитями, стекло, XII–XIII вв. (пл. 1); 2 – пряслице биграпецидное, пиррофиллит, 2-я половина X – XIII в. (пл. 4); 3 – «хлебец», керамика, X – 1-я половина XIII в. (пл. 4); 4 – пряслице линзовидное, керамика, X–XIV вв. (пл. 5); 5 – пронизка двухчастная, стекло, X – 1-я половина XI в. (пл. 5); 6 – фрагмент донца с клеймом, XI–XIII вв. (пл. 5); 7 – фрагмент тигля-купели, X–XI вв. (пл. 5); 8 – фрагмент игрушки-сосудика, керамика, X–XV вв. (пл. 5). М. 1:1

умершей в подполе в период его функционирования (рис. 2: 5). Находки из заполнения объекта представлены универсальными ножами с верхним и нижним уступами, частью механизма съемного замка, фрагментами крученых и гладкого стеклянных браслетов оливкового и коричневого цветов, сбруйной рамчатой пряжкой из черного металла, а также круглоконечным рельефным малым энколпионом с двумя шишечками на каждом конце (рис. 4: 5–10). На одной стороне энколпиона изображено Распятие, на другой Богоматерь Одигитрия с раскрытыми перед грудью ладонями, обе створки окаймлены насечками; идентичные изображения имеются на миниатюрном энколпионе XII – 1-й половины XIII в. Из Чехии (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 133. Табл. 76л: III.3.1/1*). В придонной части объекта 1 найдены 25 фрагментов красножгущейся круговой посуды (орнамент линейный и штампованный, 2 покрыты белым ангобом), с венчиками типа VA (XI – середина XII в.) и типа VIIIA (XII–XIII вв.), по В. А. Лапшину (*Лапшин, 1992. С. 96–97. Рис. 1*), а также 5 фрагментов беложгущейся круговой посуды (орнамент линейный), с венчиками типа 4Б (XII в.), по И. Ю. Стрикалову (*Стрикалов, 1996. С. 151. Рис. 3: 6*). В заполнение объекта 1 в XVIII в. была впущена хозяйственная яма 7 (рис. 3: 3) с переотложенными находками древнерусского периода и множеством костей животных.

В шурфе 4 (рис. 5–8) верхние слои XVIII–XX вв. содержали переотложенные находки X–XVII вв. (рис. 7: 1–10): фрагменты стеклянных браслетов XII–XIV вв.; зонную бусину из горного хрусталя типа 7, по М. Д. Полубояриновой, X–XIII вв. (*Полубояринова, 1994. С. 76–77. Рис. 1: 7*); шарообразную сердоликовую бусину типа 1, по М. Д. Полубояриновой, X–XV вв. (Там же. С. 75–76. Рис. 1: 1); фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла с декором из белых непрозрачных полос, Сирия или Египет, XIII в. (*Лавыш, 2015. С. 227. Рис. X–XI*); фрагмент перстня с плоским щитком из зеленого прозрачного стекла с каплями желтого и голубого цвета, XI–XIV вв.; узкоугольную подвеску-лунницу из цветного металла, XI–XII вв.; конический свинцовый грузик, XII–XV вв.; двусторонний цельной трапециевидный гребень из кости, XI–XV вв. (*Давидан, 1962. С. 102–103. Рис. 4: 9*); медное мелкоформатное пуло конца XV – середины XVI в. (Тверь после присоединения к Москве, Василий III Иванович) (*Гайдуков, 1993. № 358*); фрагмент предмета, изготовленного из трубчатой кости на токарном станке, возможно – игольника или футляра для мелких предметов, амулета или украшения, аналогии XVI – начала XVII в. которому встречены в раскопках 2004–2005 гг. на Заднепровском посаде Смоленска (*Миненко и др., 2022. С. 157, 159. Рис. 6: 2, 3, 5*).

На глубине 100–160 см от дневной поверхности (пл. 4–6), в нетронутых перекопами слоистых напластованиях зафиксированы горизонты конца XV – XVI в. и древнерусского периода. Горизонт конца XV – XVI в. был представлен слоем серой суглинистой супеси с включениями мелких угольков и белой глины, в котором найдены преимущественно фрагменты белоглиняной посуды «коломенского типа» и медное мелкоформатное «пуло» Великого княжества Московского. В прослойках древнерусского периода встречены (рис. 7: 11–14; 8: 10): целый и фрагментированный перстни из зеленого прозрачного стекла, XI–XIV вв.; фрагмент зонной черной непрозрачной стеклянной бусины с накладными белыми нитями стекла с однократной поперечной линией желтого цвета, XII–XIII вв.; зонная зеленая непрозрачная стеклянная бусина типа 2, по Ю. Л. Щаповой, конца XI – XIII в. (*Щапова, 1956.*

Рис. 4. Шурф 3. 1 – монета, «денга», 1735 г., медь (пл. 2); 2 – янтарь необработанный (пл. 3); 3 – пуговица стержневидная, кость, XI–XIII вв. (пл. 4); 4 – фрагмент пластины с отверстием, кость, X–XV вв. (пл. 5); 5 – нож, черн. мет., X – начало XII в. (пл. 6); 6 – механизм съемного замка, черн. мет., медь, X–XV вв. (пл. 7); 7 – энколпион, цв. мет., XII – 1-я половина XIII в. (пл. 7); 8 – фрагмент браслета, стекло, XII–XIV вв. (пл. 8); 9 – нож, черн. мет., X – начало XII в. (пл. 11); 10 – пряжка трапециевидная рамчатая сбруйная, черн. мет., X–XIV вв. (пл. 13). М. 1:1

Шурф 4

1

юго-западный профиль

2

Рис. 5. Шурф 4. 1 – пласт 8, вид с северо-востока на костяк свиньи, развалы лепного и раннекругового сосудов внутри частично сгоревшей деревянной конструкции; 2 – юго-западный профиль

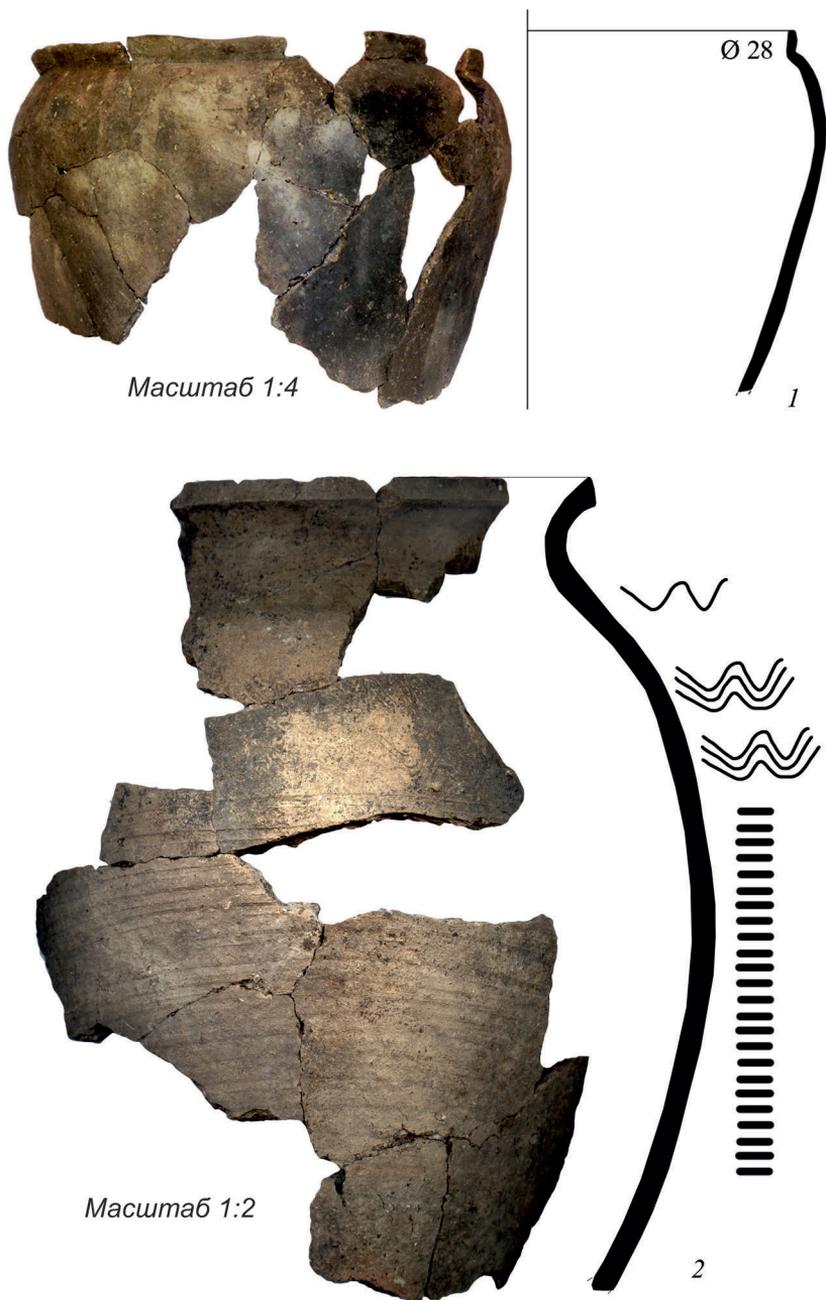

Рис. 6. Шурф 4, пласт 8. 1 – склейка фрагментов лепного заглаженного сосуда, керамика. М. 1:4; 2 – склейка фрагментов раннекругового сосуда, керамика. М. 1:2

Рис. 8. Шурф 4. 1 – подвеска с граффити, камень (яшма?); X–XIV вв. (пл. 6); 2 – фрагмент шарика, керамика, XI–XIV вв. (пл. 6); 3 – фрагмент гребня двустороннего цельного трапециевидного, кость, XI–XV вв. (пл. 8); 4 – бусина мозаичная зонная, стекло, X–XII вв. (пл. 8); 5 – фрагмент перстня, стекло, XI–XIV вв. (пл. 8); 6 – пуговица дисковидная, кость, XI–XIII вв. (пл. 8); 7 – фрагмент бусины «золотостеклянной» усеченно-биконической, конец X – XII в. (пл. 9); 8 – бусина призматическая 8-гранная, сердолик, X–XI вв. (пл. 9); 9 – амулет-подвеска (астрал), кость, X–XIII вв. (пл. 9); 10 – фрагмент односоставной рукояти ножа, кость, X–XIV вв. (пл. 4). М. 1:1

С. 166–167); фрагмент амулета-топорика типа II, по Н. А. Макарову, из цветного металла, X–XII вв. (*Макаров*, 1992. С. 45. Рис. 3); подвеска из яшмы (?) подпрямоугольной формы с прорезанным знаком и двумя отверстиями, со следами пиления на верхнем крае (вторичное использование?), с намеченным несквозным отверстием в центре, X–XIV вв.; фрагмент керамического шарика, XI–XIV вв. (*Древняя Русь...*, 1997. С. 117–118); фрагмент костяной односоставной рукояти ножа, X–XIV вв.

Ниже глубины 170 см от дневной поверхности (пл. 7–9) залежали частично прорезанные перекопом XX в. слои и прослойки домонгольского времени, с большим количеством угля и высоким процентом ошлакованной керамики, видимо – горизонт пожара. Среди находок горизонта выделяются следующие (рис. 8: 3–9): фрагмент трапецевидного двустороннего костяного гребня, XI–XV вв. (*Давидан*, 1962. С. 102–103. Рис. 4: 8); стеклянная мозаичная зонная бусина с концентрическим декором, X–XII вв.; фрагмент «золотостеклянной» усеченно-биконической бусины с каймой типа 6, по Ю. Л. Щаповой, конца X – XII в. (*Щапова*, 1956. С. 171); сердоликовая восьмигранная призматическая бусина, X–XI вв. (*Полубояринова*, 1994. С. 75–76. Рис. 1: 2); фрагмент продольно-ребристого перстня из синего прозрачного стекла, XI–XIV вв.; костяная дисковидная плоско-выпуклая пуговица с циркульным орнаментом, XI–XIII вв.; амулет-подвеска (астрагал), X–XIII вв. (*Крыласова, Косинцев*, 2021. С. 88–90. Рис. 5: 3, 4). В толще пласта 7 расчищен развал лепного сосуда с заглаженной поверхностью, с насечками по краю венчика и вертикальными и горизонтальными рядами «веревочного» орнамента по плечу.

У дна пласта 8 расчищена часть разрушенной, локально обгоревшей деревянной наземной постройки в виде двух параллельных групп бревен на взаимном удалении 0,5 м (рис. 5: 1). Между бревнами зафиксирован развал двух сосудов: лепного с заглаженной поверхностью и раннекругового из красножгущейся глины с линейным и волнистым орнаментом (рис. 6); рядом расчищен костяк свиньи, вероятно, погибшей при пожаре. На этом уровне работы были прекращены из-за поступления грунтовых вод (проектная глубина прокопана на 80 см). Поверхность материка в шурфе достигнута не была.

В 2023 г. совместно с МАУК «Центр культурно-исторического наследия» проводились охранные археологические работы по трассам электрокабелей вдоль ул. Первомайская. В крайней юго-западной части кремля, в квартале между ул. Воровского и ул. Советская, с внешней стороны ограды здания по пл. Революции, д. 1, в заполнении траншеи 1970-х гг. (по сведениям МУП «Горэлектросеть») обнаружены переотложенные человеческие останки (позвонки, фрагмент тазовой кости). В прирезке, заложенной по контурам погребальной ямы в профилях траншеи, было исследовано погребение (рис. 9: 1).

Погребальная яма имела прямоугольную форму с закругленными углами; заполнение состояло из светло-коричневого суглинка с примесью темно-серой суглинистой супеси с включением древесного угля. Покойный захоронен по обряду ингумации, уложен вытянуто на спине, ориентирован головой на северо-восток. Центральная часть скелета уничтожена траншеей, отсутствовали также кости ступней, снесенные при строительстве дороги. По заключению М. В. Добровольской¹,

¹ Благодарим Марию Всеволодовну Добровольскую за любезно предоставленное заключение.

1

2

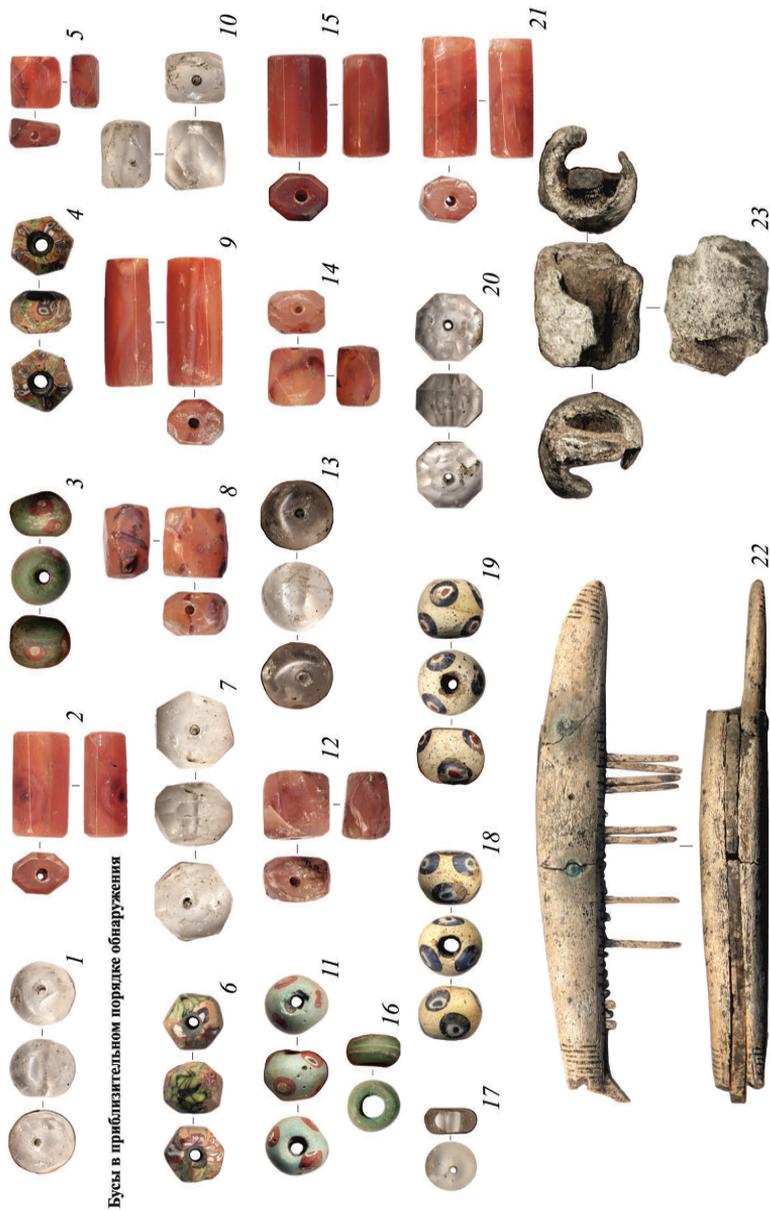
Рис. 9. Погребение рубежа X–XI вв., исследования 2023 г. (желтыми цифрами указаны номера находок соответственно рис. 10). 1 – вид с юго-востока; 2 – вид с запада на женский дар in situ

скелет принадлежал мужчине возрастом 30–39 лет. Из отмеченных патологий: предположительно, след лезвийного ранения без следов заживления на правой лопатке.

На дне ямы слева от черепа обнаружен погребальный инвентарь, интерпретированный как «женский дар», в следующем составе: ожерелье из бус, фрагмент ножа с пластинчатой обоймицей из белого металла и костяной гребень (рис. 9: 2; 10). Односторонний составной гребень относится ко 2-й группе, по О. И. Давидан, датируется IX–XI вв.; размеры: 9,0 × 2,4 × 1,1 см, ширина накладок – до 1,1 см, длина зубьев – 1,3 см (Давидан, 1962. С. 99, 101. Рис. 3: 4–11). Ожерелье состояло из двадцати одной бусины (14 каменных, 7 стеклянных) (рис. 9: 2; 10: 1–21): две шаровидные бусины, горный хрусталь, X–XIII вв. (Полубояринова, 1994. С. 76–77. Рис. 1: 6); две битрапециодные многогранные бусины, горный хрусталь, X–XI вв. (Там же. Рис. 1: 9); четырехгранная бусина со срезанными углами, горный хрусталь, 2-я половина X – середина XI в. (Там же. Рис. 1: 8); зонная бусина, горный хрусталь, X–XII вв. (Там же. Рис. 1: 7); четыре призматические восьмигранные бусины, сердолик, X–XI вв. (Там же. С. 75–76. Рис. 1: 2); четыре призматические четырехгранные бусины со срезанными углами, сердолик, IX – начало XII в. (Там же. Рис. 1: 5); две зонные навитые бусины из светло-зеленого глухого стекла с концентрическими красно-желтыми и красно-желто-голубыми глазками, X–XI вв. (Щапова, 1956. С. 177–178. Рис. 2: 22); две мозаичные многогранные рыже-пестрые бусины, стекло, 990-е гг. – XI в. (Доброва, 2017. С. 245–246. Рис. 3: 26); зонная бусина из глухого зеленого стекла с примесью коричневатого-лилового стекла, 2-я половина X в. (Там же. С. 244. Рис. 8); зонная бусина из светло-желтого глухого стекла с концентрическими голубыми-бело-голубыми глазками, X–XI вв. (Самойлович, 2006. С. 374. Рис. 1: 19). В заполнении погребальной ямы найдены фрагменты лепных средневековых сосудов: с шероховатой поверхностью (6 шт.), с заглаженной поверхностью (13 шт.), с подлощенной поверхностью (1 шт.), ошлакованные фрагменты сосудов (2 шт.) и керамический шлак (11 шт.), кованый гвоздь, фрагменты печины (3 шт.), фрагменты костей животных (11 шт.).

Зафиксированная в шурфах 2019 г. свита напластований в совокупности со стратиграфическими данными раскопов Н. Н. Воронина 1936 г., Н. Е. Чалых 1982–1987 гг., С. В. Очеретиной 2010 г., В. В. Бейлекчи 1998, 2006, 2014 гг. позволила представить разрез культурного слоя кремля на протяжении около 290 м вдоль осевой линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Основные выводы следующие.

В крайней западной части кремля слой снесен до материка планировкой 1860-х гг., в средней части его мощность составляет 1,4–2,5 м, в восточной оконечности мыса достигает 4,1 м. Верхняя балластная часть слоя толщиной 0,15–1,3 м (с запада на восток) образована планировками XIX–XX вв. Под переотложениями в восточной части мыса локально залегают слои XV–XVII вв. – темно-серая супесь с вкраплениями известняка и кирпичной крошки мощностью около 0,3–0,5 м. Ниже, в средней и восточной частях мыса залегают слои XII–XIV вв. – серо-коричневая углистая супесь мощностью до 0,6 м. Ниже, в средней и восточной частях мыса залегают слои X–XI вв. – серая углистая супесь с древесными отходами и/или органикой, толщиной около 0,1–1,1 м. В восточной оконечности мыса на погребенной почве зафиксирован участок слоя – уваженной темной супеси мощностью до 0,2 м, содержащей исключительно лепную керамику, характерную муроме. Материк неравномерно

Бусы в приблизительном порядке обнаружения

Рис. 10. Погребение рубежа X–XI вв., исследование 2023 г. 1, 13 – бусины шаровидные, горный хрусталь, X–XIII вв.; 2, 9, 15, 21 – бусины призматические 8-гранные, сердолик, X–XI вв.; 3, 11, 18, 19 – бусины зонные с concentрическими глазами, X–XI вв.; 4, 6 – бусины мозаичные многогранные рыже-пестрые, стекло, 990-е гг. – XI в.; 5, 8, 12, 14 – бусины призматические 4-гранные со срезанными углами, сердолик, IX – начало XII в.; 7, 20 – бусины битрапециодные многогранные, горный хрусталь, X–XI вв.; 10 – бусина 4-гранная со срезанными углами, горный хрусталь, 2-я половина X – середина XI в.; 16 – бусина зонная, стекло, 2-я половина X в.; 17 – бусина зонная, горный хрусталь, X–XII вв.; 22 – фрагмент гребня одностороннего составного, кость, цв. мет., IX–XI вв.; 23 – пластинчатая оковка рукояти ножа, бел. и черн. мет., дерево

покрыт светло-серой подзолистой стерильной супесью; углубленные объекты домонгольского периода выявлены на всей площадке кремля.

Погребение 2023 г. по инвентарю «женского дара» возможно датировать рубежом X–XI вв., чему не противоречит массовый материал из заполнения (возможно – тризнового происхождения), в составе которого – лепная керамика, аналогичная посуде из первоначальных отложений древнерусского горизонта кремля. Захоронение этого времени в центре города встречено впервые. Ближайшие известные некрополи с синхронными погребениями муромы располагались на значительном отдалении от кремля (Пятницкий и Муромский могильники). Погребальный обряд данного комплекса неоднозначен и позволяет относить его либо к характерной для муромы традиции захоронения в грунтовых ямах с доминирующей северной ориентировкой, либо к ранним подкурганным захоронениям. Подобные комплексы этого же времени были рассмотрены А. А. Спицыным и О. В. Зеленцовой на материалах Максимовского и Подболотьевского могильников, и основной их чертой обозначена синкретичность обряда (Спицын, 1901. С. 50, 51; Зеленцова, Милованов, 2015. С. 102, 103). Примечателен факт локализации погребения 2023 г. в наиболее отдаленной от берега Оки части городского кремля XV–XVIII вв., подтверждающий предположение Н. Н. Воронина о нахождении первоначального городского детинца в прибрежной зоне Кремлевской горы, т. е. на максимальной дистанции от выявленного захоронения.

Литература

- Гайдуков П. Г., 1993. Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М.: Наука. 293 с.
- Григорьева Н. В., 2017. Тигли и глиняные литейные формы Ладожского поселения X в.: комплекс рядом с большой постройкой // Новые материалы и методы археологического исследования: от археологических данных к историческим реконструкциям: материалы IV конф. молодых ученых. М.: ИА РАН. С. 88–91.
- Давидан О. И., 1962. Гребни Старой Ладоги // Археологический сборник ГЭ. Вып. 4. Л.: Изд-во ГЭ. С. 95–103.
- Доброва О. П., 2017. Бусы из погребений по обряду ингумации Гнездовского могильника // Поволжская археология. № 4 (22). С. 236–257.
- Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред.: Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М.: Наука, 1997. 368 с.
- Зеленцова О. В., Милованов С. И., 2015. Подболотьевский могильник в Муромском Поочье // Институт археологии: новые экспедиции и проекты / Под ред. Н. А. Макарова. М.: ИА РАН. С. 101–103.
- Кадиева Е. К., 2007. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 172–196.
- Корзухина Г. Ф., Пескова А. А., 2003. Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское востоковедение. 432 с. (Archaeologica Petropolitana; XIV.)
- Крыласова Н. Б., Косинцев П. А., 2021. Амулеты-натуралии из костей млекопитающих в средневековом Пермском Предуралье // Вестник Пермского университета. История. № 1 (52). С. 81–93.
- Лавыш К. А., 2015. Находки восточного и византийского стекла на территории Беларуси: новые факты и интерпретации // Стекло Восточной Европы с древности до начала

- XX века. СПб.: Нестор-История. С. 225–235.
- Лапшин В. А.*, 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М. С. 90–102.
- Львова З. А.*, 1968. Стекланные бусы Старой Ладоги. Часть I. Способы изготовления, ареал и время распространения // Археологический сборник. Вып. 10. Л.: Советский художник. С. 64–94.
- Макаров Н. А.*, 1992. Древнерусские амулеты-топорики // РА. № 2. С. 41–56.
- Миненко В. В., Горлов К. В., Разумов И. Н.*, 2022. Мастерская костореза-бронника XVI–XVII веков из Смоленска // Записки ИИМК РАН. № 26. С. 147–164.
- Паллас П. С.*, 1809. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Имп. Академия наук. 116 с.
- Полубояринова М. Д.*, 1994. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения: материалы науч. конф. Новгород. С. 75–82.
- Пуговицы XI–XVIII веков из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир. 2015. 88 с.
- Самойлович Н. Г.*, 2006. Стекланные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М.: ИА РАН. С. 371–386.
- Спицын А. А.*, 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Вып. I. СПб.: Тип. Т-ва худож. печати. 119 с.
- Стрикалов И. Ю.*, 1996. Хронология керамики и культурный слой южного городища Старой Рязани // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань. С. 146–159.
- Щапова Ю. Л.*, 1956. Стекланные бусы Древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР. С. 164–179. (МИА; № 55.)

Сведения об авторах

Бейлекчи Владимир Викторович, МБУК «Музейно-выставочное объединение имени С. И. Чиркова»;

e-mail: v-bei-61@yandex.ru;

Бейлекчи Валентин Владимирович, МБУК «Музейно-выставочное объединение имени С. И. Чиркова»;

e-mail: benny1987@yandex.ru

V. V. Beylekchi, Val. V. Beylekchi

COMPLEXES AND FINDS FROM EXCAVATIONS IN 2019 AND 2023 IN THE MUROM KREMLIN

Summary. The article publishes the materials of the security excavations of 2019 and 2023 in the Kremlin of Murom, adding up-to-date information about the parameters of the central territory of one of the initial cities of Northeastern Russia. The pits of 2019, laid along the Kremlin's centerline, in addition to a representative series of finds from the Ancient Russian period, combined with stratigraphic data from previous studies, made it possible to present a section of the cultural layer for about 290 m and determine the qualitative and chronological characteristics of the strata. The burial of a man, investigated in 2023 on the outskirts of the Kremlin, it was accompanied by the “feminine gift” of the turn of the 10th–11th centuries and the earliest ancient Russian stucco ceramics, characterized by the syncretic funeral rite characteristic of the burial mounds on the periphery of the two Muroma underground burial grounds.

Keywords: the Kremlin of the city of Murom, the ancient Russian period, stratigraphy of strata, burial, the turn of the 10th–11th centuries.

О. В. Данилов, Н. М. Захарова, Д. В. Абрамов, В. А. Быкова

МОНГОЛЬСКИЕ ОСАДНЫЕ СНАРЯДЫ, НАЙДЕННЫЕ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЗОЛОТЫХ ВОРОТ

Резюме. В статье представлены результаты изучения глиняных ядер, обнаруженных при археологических исследованиях в Золотых воротах г. Владимира. Они найдены в горизонте пожара, перекрывающего культурные отложения конца XII в., что указывает на его формирование в результате взятия города монгольскими войсками в 1238 г. Ядра изготовлены из материкового суглинка и подвергнуты слабой термической обработке. На поверхности одного из ядер сохранился пригоревший фрагмент хлопчатобумажной ткани. Изучение ткани методом рамановской спектроскопии позволило выявить в ней присутствие животных жиров. Публикуемые ядра, по-видимому, являются метательными снарядами, использовавшимися монголами при осаде Владимира. Рассмотрены возможные варианты метательных механизмов, применявшихся для обстрела ими осажденного города.

Ключевые слова: Владимир, Золотые ворота, глиняные ядра, осада города, метательная техника.

В 2023 г., после многолетнего перерыва, во Владимире возобновились работы по реставрации Золотых ворот. В рамках этих работ были проведены археологические наблюдения в интерьере трех башен и в межбашенных пристройках с северной и южной сторон, где планировалась замена покрытия полов (Данилов и др., 2024).

В ходе археологических исследований был выявлен горизонт сильного пожара (рис. 1). Предположительно, он относится к 1238 г. – времени штурма Владимира войсками хана Батыея. Необходимо отметить, что этот горизонт располагался между стеной Золотых ворот и выявленными остатками деревянных конструкций (городней) древнерусской фортификации. Ближайшая к зданию линия городней отступает от поверхности стены Золотых ворот на расстояние 130–180 см и совпадает с внешним обрезом белокаменных контрфорсов. То есть городни пристраивались к Золотым воротам по уровню их контрфорсов, между которыми оставалось свободное пространство (карманы).

От сильного воздействия огня на белокаменные стены Золотых ворот камень стал крошиться и местами превратился в порошок. Так, в северо-восточной башне были прослежены остатки сгоревшей городни, внутреннее пространство которой было заполнено кусками обгоревшего белого камня. Мы провели ряд экспериментов

Рис. 1. Горизонт сильного пожара, выявленный при археологических исследованиях Золотых ворот

по воздействию высокой температуры на белый камень, использованный при строительстве Золотых ворот. Они показали, что разрушение такого известкового камня начинается при температуре 900 C° . А это характерная температура горения дубовой древесины. В южном пристрое был также зафиксирован слой пожара с рухнувшими горелыми бревнами, предположительно, относящимися к крепостной стене древнерусского времени.

В южной части северного пристроя между двумя контрфорсами слой пожара содержал большое количество колотых обгоревших кусков белого камня, древесного угля и горелых бревен. Данный слой образовался, предположительно, вследствие обрушения горелых деревянных конструкций древнерусской фортификации. Мощность горелого слоя достигала 70 см. Это указывает на сильный пожар на обширной площади. Участок пожара примыкал к белокаменной стене Золотых ворот и отходил в северном направлении под углом 40° . Верхняя часть горелого слоя длиной около 30 см была зафиксирована на отметке $+146$ см от уровня $R_{вр}$. Нижняя часть слоя имела длину около 90 см и была зафиксирована на глубине $+85$ см от уровня $R_{вр}$.

Рассматриваемый горизонт пожара лежал на рыхлом неутрамбованном грунте, в котором найдены 17 фрагментов красноглиняной половой плитки с разнообразной поливой и орнаментацией. Данные плитки, по мнению П. Л. Зыкова, относятся к 90-м гг. XII в. На них присутствуют остатки строительного раствора и сильные потери поверхности, что указывает на то, что эти изделия долго эксплуатировались.

Рис. 2. Глиняные ядра, найденные при исследованиях Золотых ворот

В этом же грунте были найдены два фрагмента красноглиняной ангобированной амфоры с частым линейным орнаментом (триллийской группы (Коваль, 2010. С. 157)) и 8 фрагментов керамической посуды домонгольского времени. Таким образом, слой пожара лежит непосредственно на грунте, сформировавшемся не раньше конца XII в. Очевидно, мощный пожар произошел через непродолжительный период после этого времени, исключающий накопление заметных культурных отложений, в результате масштабной трагедии, а именно событий 1238 г.

При разборке горелого слоя в северном пристрое были обнаружены три глиняных ядра (рис. 2: 1–3), а также, предположительно, фрагменты осколков от ядер (рис. 3: 1–4). Первое ядро (рис. 2: 1) найдено в расщелине белокаменной стены непосредственно под слоем угля. Оно имеет шаровидную форму с размерами $8 \times 8,9$ см и массу 480 г. Оно сделано из материкового суглинка, имеет заглаженную поверхность и рыжевато-бурый окрас. Второе ядро (рис. 2: 2) найдено в слое пожара и имеет яйцевидную форму с размерами $5,3 \times 7,6$ см и массу 240 г. Оно также изготовлено материкового суглинка с рыжевато-бурым окрасом и заглаженной поверхностью. Третье ядро (рис. 2: 3) также найдено в слое пожара. Оно имеет трудноопределимые форму и размер, так как крошится и рассыпается из-за сильного термического воздействия. Очевидно, оно было также изготовлено из материкового суглинка, но из-за воздействия большой температуры стало рыхловатым и приобрело буровато-красный цвет. В настоящий момент его размеры составляют около 7×8 см, масса – около 300 г. Глиняные осколки ядер (рис. 3: 1–4), в количестве 4 фрагментов, размером в среднем около 5 см, представляют собой куски плотной обожженной материковой глины округлой формы с заглаженной поверхностью, рыжевато-желтого окраса, с острыми краями на сколах. По-видимому, найденные ядра первоначально были высушены при незначительной температуре и кратковременном пребывании в костре, так как процесс полного спекания не произошел.

На поверхности первых двух ядер замечены следы отпечатков пальцев и, возможно, отпечатки текстильной структуры. Их присутствие можно объяснить тем, что в процессе изготовления глиняных боеприпасов их лепили из свежего суглинка, добытого непосредственно вблизи костра, где обжигали изделия. Однообразию и идеальности формы не придавалось значения из-за срочной необходимости

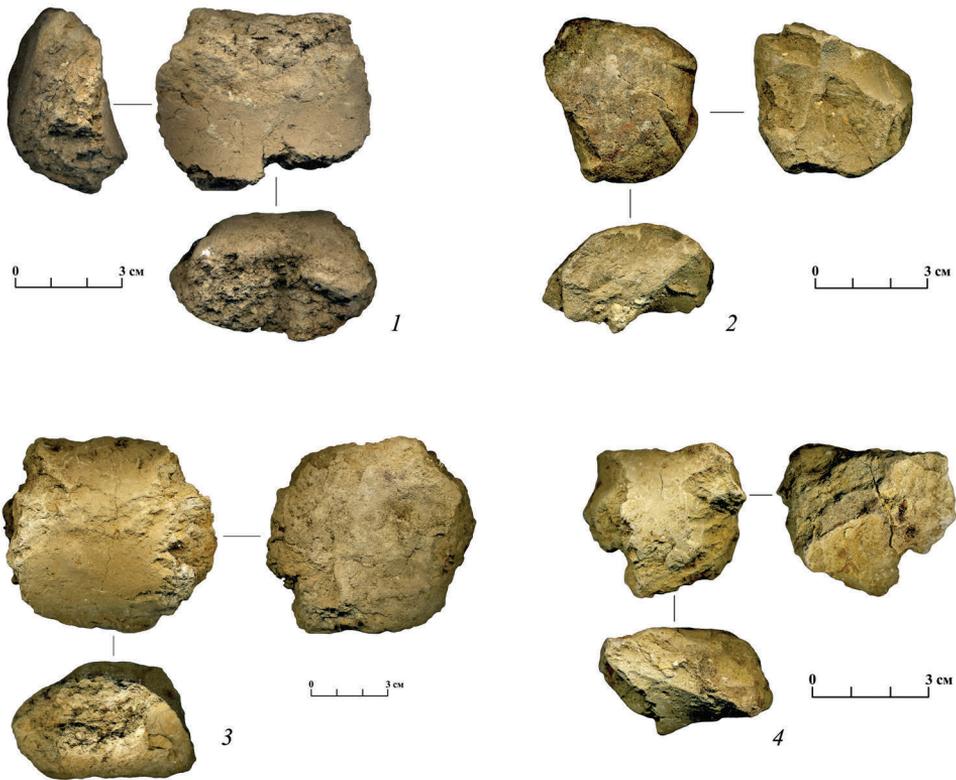

Рис. 3. Фрагменты глиняных ядер, найденные в слое пожара

использования большого количества снарядов для метательных машин. Из летописей известно о непрекращающейся бомбардировке города в течение трех дней и ночей (ПСРЛ, 1885. С. 108).

На поверхности второго ядра присутствует пригоревший фрагмент ткани (рис. 4: 1). Часть этой ткани была исследована О. В. Орфинской¹ (Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени И. Э. Грабаря), которая установила, что та является ломаной саржей по основе на базе саржевого 3:1 и полотняного переплетений 1:1 (рис. 4: 2). Также нами было проведено исследование отдельной нити ткани с помощью растрового электронного микроскопа Quanta 200 3D (FEI Company). Нитка имеет толщину около 150 мкм. Она скручена из волокон растительного происхождения. Волокна имеют характерную для хлопка форму в виде сплюсненной трубки со спиральной извитостью (рис. 4: 4).

В пределах Древней Руси хлопок не культивировался. Первое письменное упоминание об импорте хлопковых тканей относится к периоду правления Иоанна III

¹ Авторы выражают благодарность О. В. Орфинской за исследование ткани и сотрудникам ВЗМЗ за помощь в организации этого исследования.

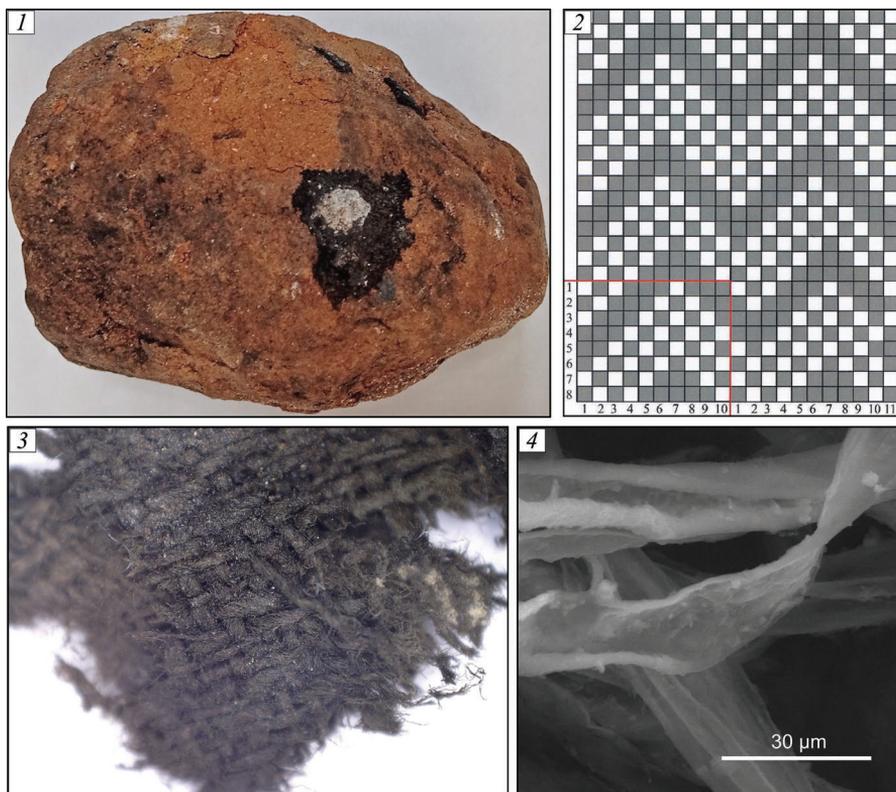

Рис. 4. Пригоревшая ткань на ядре № 2. 1 – общий вид поверхности ядра с пригоревшей тканью; 2 – схема плетения ткани; 3 – изображение части ткани, полученное при помощи оптического микроскопа; 4 – изображение хлопковых волокон в ткани, полученное при помощи электронного микроскопа

Васильевича в конце XV в. (Соловьев, 1882. С. 213). Этим же временем датируются и находки фрагментов одежды из хлопка на территории Московского Кремля (Орфинская, 2016). С другой стороны, производство хлопка и тканей из него активно развивается в Уйгурском государстве (Cao *et al.*, 2009) и Хорезме (Mir-Makhamad *et al.*, 2023. Р. 13). Первое подчинилось Чингисхану в 1207 г., а второй был захвачен в 1223 г. Поэтому монгольские воины могли использовать хлопковые ткани.

Возможны разные причины пригорания кусочка хлопковой ткани к поверхности ядра. Например, при обжиге снарядов для метательных машин. Для ускорения производства они извлекались из костра еще горячими, что требует каких-либо приспособлений или рукавиц, которые могли быть изготовлены из хлопковой ткани. Также ткань могла прилипнуть к ядру, если снаряды находились в неких «корзинах» для метания, как у пращи. Горячие глиняные ядра их прожигали, и фрагменты обугленной ткани оставались на изделиях. Кроме того, возможен вариант пригорания хлопковой ткани к поверхности ядра при использовании ее в зажигательных целях.

В последнем случае в остатках ткани могли сохраниться компоненты зажигательной смеси. Для проверки этой гипотезы были проведены исследования с использованием спектроскопии комбинационного рассеяния света. Они были выполнены при помощи системы NTEGRA Spectra (НТ-МДТ) при длине волны зондирующего лазерного излучения 473 нм. В полученных спектрах комбинационного рассеяния отсутствуют сильные пики серы около 220 и 470 см^{-1} , а также селитры в полосе 1040–1050 см^{-1} , что исключает использование пороха при изготовлении зажигательного снаряда. Общий вид рамановского спектра исследованной нити в основном формируется пиками угля и хлопка. Но присутствует и набор более слабых, но заметных пиков, которые соответствуют легковоспламеняющимся материалам. Показательным здесь является пик около 1450 см^{-1} , который является самым сильным в рамановском спектре нефти (Купцов, Арбузова, 2011. С. 215–216). Об использовании нефти монголами известно, например, по описанию взятия Ургенча в 1221 г. (Буниятов, 1996. С. 326). Однако указанный пик присущ и ряду других горючих материалов, включая растительные масла и животные жиры. Кроме того, нефти на территории Древней Руси нет. Значит, ее нужно вести с других (далеких) территорий захваченного Закавказья или Азии. Животный жир можно легко получить непосредственно на месте осады. Льняное и конопляное масла традиционно производились и использовались местным населением и достаточно легко могли быть отобраны у него для нужд наступающей армии. Следует отметить, что применение монголами животного жира в целях поджигания укреплений и построек описывает Иоанн де Плано Карпини (Плано Карпини, 1911. С. 32). Кроме пика около 1450 см^{-1} , рамановский спектр, полученный при исследовании нити с поверхности глиняного ядра, содержит и другие характерные отклики жиров в виде пика около 880 см^{-1} , дублета около 1060–1080 см^{-1} и пика около 1750 см^{-1} (Saleem et al., 2021. P. 236).

Таким образом, стратиграфическое расположение и данные естественнонаучного анализа указывают на то, что найденные глиняные ядра являются осадными снарядами для метательной артиллерии, примененными войсками хана Батые в 1238 г.

В связи с найденными глиняными ядрами следует вернуться к вопросу о видах снарядов, использовавшихся монголами для метательных машин, и конструкции этих осадных механизмов.

В летописях есть описание осады и штурма Владимира в 1238 г. войском хана Батые (ПСРЛ, 1885. С. 108): «...татарове же заутра в неделю мясопускъную, месяца февраля въ 8 день <...> приступиша ко граду со все стороны, и начаша бити пороки по граду и внутри града, и сыпашася камене веле издалуча Божимъ попусциемъ, яко дожь внутрь града, и множество бе людей мертвыхъ во граде...». Упоминаемые в летописях пороки – не что иное, как общее название метательных машин. Также обобщенно следует понимать и утверждение, что обстрел города производился камнем. Безусловно, для разрушения оборонительных стен необходимы достаточно массивные снаряды в большом количестве. Но с трудом можно себе представить, что такие боеприпасы могли быть специально изготовлены и привезены к месту штурма, так как для их транспортировки требуется большое количество транспортных средств, а Владимир был не единственным осаждавшимся городом. Кроме того, наступающей армии нужна мобильность, а такие тяжелые грузы будут сильно тормозить передвижение. Ядра являются расходным материалом. Конечно, после битвы они могли

собираться для повторного использования, но с каждым разом их количество неизбежно сильно уменьшалось. И, наконец, на сегодняшний день нет информации о находках каменных ядер во Владимире, которых должно быть большое количество.

Задачу обеспечения метательной техники снарядами монголы решали за счет имеющихся местных ресурсов. Прежде всего они использовали собранные природные камни. Подходящим материалом являлись куски каменных жерновов, практика применения которых подтверждается описанием сражения между монголами и чжурчжэнями за Кайфэн в 1232 г. (*Школяр*, 1980. С. 155). Жернова и их фрагменты находят при изучении культурного слоя Владимира, но выделить среди них экземпляры, использовавшиеся в качестве метательных снарядов, не представляется возможным. При необходимости монголы могли применять для обстрела осажденного города и подходящие куски стволов деревьев так же, как при штурме Хорезма (*Бунятов*, 1996. С. 132). Не исключается возможность изготовления снарядов для камнеметов из льда, что в условиях зимнего штурма Владимира было вероятно. Подобные примеры также присутствуют в китайской военной практике (*Школяр*, 1980. С. 156), приемы которой монголы часто успешно перенимали.

В этом контексте изготовление и применение глиняных ядер монголами при осаде Владимира, изготовленных из доступного местного сырья, вполне возможно. О применении глиняных ядер известно с античных времен. Например, на городище Кампыртепа (памятник эллинистических и кушанских времен на территории Северной Бактрии в Узбекистане) были найдены разнообразные экземпляры с размерами от 16 до 105 мм и весом от до 3,5 кг (*Двуреченская, Двуреченский*, 2013). Как считают исследователи, эти глиняные ядра были предназначены для пращи и катапульты. При нехватке каменных метательных ядер в Китае, чей военный опыт исследователи часто считают одной из основ монгольских войск, их заменяли на глиняные. Одним из убежденных сторонников таких снарядов был военачальник Чэнь Гуэй, который отмечал: «Использование глиняных шаров имеет значительные преимущества, так как их можно метать в любое время и легко изготавливать в огромных количествах. <...> При попадании в людей они убивают или вызывают переломы верхних или нижних конечностей» (*Школяр*, 1980. С. 156). Одним из основных достоинств глиняных снарядов, по мнению Чэнь Гуя, является то, что, «ударившись о землю, они сразу раскалываются, и противник не может использовать их для стрельбы в обратном направлении». Не следует недооценивать и бризантные свойства глиняных снарядов, осколки которых, конечно, не наносят смертельного вреда, но сильно мешают защитникам укреплений препятствовать штурмующим.

Невозможность обратного использования глиняных ядер вследствие разрушения при попадании в цель, считаемая одним из достоинств, объясняет отсутствие находок целых снарядов в культурном слое осажденных городов. Осколки ядер трудно идентифицируются без специального пристального внимания исследователей, так как похожи на фрагменты глиняной обмазки. Тем не менее вероятность сохранения целых снарядов существует при некоторых условиях. Например, при их попадании в снег на крыше или в другие верхние конструкции фортификации. И здесь важно, что события 1238 г. происходили именно в феврале. Кроме того, в случае использования ядер в зажигательных целях демпфером могла послужить ткань, в которую они были обернуты. Во время сильного пожара, когда горели деревянные конструкции

Рис. 5. Изображение метательных механизмов в древних письменных источниках.
 1 – аркбаллисты при осаде Владимира (Лицевой летописный свод, 2014. С. 363); 2 – китайский вихревой камнемёт (Школяр, 1980. С. 62. Рис. 6)

крепости, некоторые глиняные ядра могли попасть вовнутрь вместе с горелыми бревнами, рухнувшими в пустоты (карманы), которые, как указывалось выше, были зафиксированы при археологических работах в 2023 г.

Точных сведений о конструкции камнеметных механизмов, которые использовались монголами при осаде города Владимира и других древнерусских городов, нет, как нет и археологических находок каких-либо деталей этих осадных машин. Их изображения присутствуют на миниатюрах в русских летописях (рис. 5: 1 (Лицевой летописный свод, 2014. С. 363)), но эту информацию следует использовать осторожно, поскольку сохранившиеся письменные источники появляются в списках в значительно более позднее время по сравнению с описываемыми событиями. Однако информация о китайской метательной технике, которую хорошо освоили монголы в XIII в., достаточно подробно изложена в научной литературе (Школяр, 1980).

Основной принцип камнемета, как подвижного, так и неподвижного, реализуется в двух основных компонентах: опорная структура, на которой размещается метательный механизм, и сам метательный механизм, включающий упругий рычаг и связанные с ним приспособления. Несмотря на разнообразие конструкций, всегда используется вращающийся упругий рычаг (рис. 5: 2 (Там же, 1980. С. 62. Рис. 6)). Этот принцип стал стандартным для всех средневековых камнеметных орудий. Отличия в конструкции связаны с опорными устройствами, которые, независимо от наличия или отсутствия колес, определяют особенности каждого орудия и существенно влияют на его тактическое применение. Вероятно, при осаде Владимира использовались

каменеты, относящиеся к группе неподвижных механизмов. В летописях говорится, что осадные устройства собрали за один день «...и начаша лесы и пороки ставити оть утра и до вечера» (ПСРЛ, 1885. С. 108). То есть «пороки» (метательные механизмы) в большом количестве были собраны достаточно быстро и легко.

Не исключена вероятность использования более сложной осадной технологии. На миниатюрах XVI в. из Лицевого свода показана осада Владимира (Лицевой летописный свод, 2014. С. 360–364), в том числе изображены осадные орудия – аркбаллисты. В книге С. А. Школяра описаны аналогичные метательные механизмы (Школяр, 1980) как одно из направлений развития китайской доогнестрельной артиллерии. Аналогично камнеметным орудиям, аркбаллисты состояли из опорного устройства и метательного механизма, включавшего арбалет и ряд приспособлений для стрельбы. Стрельба из луков и арбалетов ядрами практиковалась в Древнем Китае, но уже к началу X в. упоминания о ней исчезают. Исследователи допускают возможность метания шаровых пороховых снарядов из арбалетного оружия, в том числе и из аркбаллист, в X–XIV вв., но относят это к исключительным случаям (Там же. С. 159). По-видимому, Владимир подвергся массированному обстрелу разными снарядами (в том числе глиняными ядрами) с использованием разных осадных механизмов.

В результате археологических раскопок древнерусских городов каменные ядра для камнететов не находились никогда. Известно только 12 каменных ядер с диаметром от 2 до 6 см, найденных в культурном слое Ярополча Залесского и отнесенных к пращевым снарядам. М. В. Седова считает, что этот город был уничтожен монголами во время их нападения в 1239 г., но относит указанные ядра к изделиям местных мастеров, а не к снарядам, которые использовали нападающие (Седова, 1978. С. 89). Также известна единственная находка части глиняного ядра (№ 40447869 в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации), которая была сделана А. Ф. Дубыниным при раскопках в Суздале в 1939 г. Однако автор находки, по-видимому, не был абсолютно уверен в ее идентификации и сопроводил описание знаком вопроса.

Таким образом, глиняные ядра, найденные во время исследования в пристройках Золотых ворот, дают нам ценнейшую информацию об осаде и штурме г. Владимира и дополняют исторические сведения о средневековой Руси, известные по летописным данным.

Литература

- Бунятов З. М., 1996. Шихаб ад-Дин Муххамад ибн Ахмад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. М.: Восточная литература. 798 с.
- Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru> (дата обращения: 22.02.2025).
- Данилов О. В., Захарова Н. М., Абрамов Д. В., 2024. Археологические исследования в Золотых воротах во Владимире в 2023 г. (предварительные результаты) // АВСЗ. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 99–109.
- Двуреченская Н. Д., Двуреченский О. В., 2013. Глиняные ядра с городища Кампыртепа // РА. № 2. С. 92–95.
- Карпини Иоанн де Плано, 1911. История Монголов // Иоанн де Плано Карпини. История Монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Ред. А. И. Малеев. СПб.: Тип. А. С. Суворина. С. 1–62.

- Коваль В. Ю.*, 2010. Керамика Востока на Руси (IX–XVII вв.). М.: Наука. 269 с.
- Купцов А. Х., Арбузова Т. В.*, 2011. Исследование тяжелых фракций нефти методом Фурье-спектроскопии КР ближнего ИК-диапазона // Нефтехимия. Т. 51. № 3. С. 214–222.
- Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 5. М.: АКТЕОН, 2014. 544 с.
- Орфинская О. В.*, 2016. Исследование текстиля XV века из раскопок 2007 г. // Материалы и исследования. Вып. 27. М.: Московский Кремль. С. 268–281.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 10. СПб.: Археографич. комис., 1885. 244 с.
- Седова М. В.*, 1978. Ярополч Залесский. М.: Наука. 159 с.
- Соловьев С.*, 1882. История России с древнейших времен. Т. 5. М.: Унив. тип. на Страстном бульваре. 468 с.
- Школяр С. А.*, 1980. Китайская доогнестрельная артиллерия (материалы и исследования). М.: Наука. 406 с.
- Cao Q., Zhu S., Pan N., Zhu Y., Tu H.*, 2009. Characterization of Archaeological Cotton (G. herbaceum) Fibers from Yingpan // Technical Briefs in historical archaeology. Vol. 4. P. 18–28.
- Mir-Makhamad B., Stark S., Mirzaakhmedov S., Rahmonov H., Spengler III R. N.*, 2023. Food globalization in southern Central Asia: archaeobotany at Bukhara between antiquity and the Middle Ages // Archaeological and Anthropological Sciences Vol. 15. 124.
- Saleem M., Amin A., Irfan M.*, 2021. Raman spectroscopy based characterization of cow, goat and buffalo fats // Journal of Food Science and Technology. Vol. 58. P. 234–243.

Сведения об авторах

Данилов Олег Владимирович, ГБУК ВО Госцентр;
e-mail: olegpervui@yandex.ru;

Захарова Наталья Михайловна, Владимирское научно-производственное
АО «Владимирреставрация»;
e-mail: natalyarch@mail.ru;

Абрамов Дмитрий Владимирович, ФГБОУ ВО Владимирский государственный
университет;
e-mail: awraam@mail.ru;

Быкова Виктория Андреевна, ГБУК ВО Госцентр;
e-mail: vika_psheno@mail.ru

O. V. Danilov, N. M. Zakharova, D. V. Abramov, V. A. Bykova

MONGOLIAN SIEGE PROJECTILES FROM EXCAVATIONS AT THE GOLDEN GATE

Summary. The paper presents the results of the study of clay balls that were discovered during archaeological research in the Golden Gate of Vladimir. They were found in the fire horizon covering cultural deposits of the late 12th century. This indicates that it was formed as a result of the capture of the city by Mongolian troops in 1238. The balls are made from virgin loam and are lightly fired. A burnt fragment of cotton textile was preserved on the surface of one of the balls. A study of the textile using Raman spectroscopy allowed to register presence of animal fats in it. The discovered balls are apparently projectiles used by the Mongols during the siege of Vladimir. Possible variants of the throwing mechanisms used for shelling the besieged city with such projectiles are considered.

Keywords: Vladimir, Golden Gate, clay balls, city siege, throwing weapons.

В. Л. Щербаков

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСАДА ГОРОДА КОСТРОМЫ В 2023 г.: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК НА ул. ЩЕМИЛОВКЕ, 13

Резюме. В статье представлены общие результаты раскопок 2023 г. на участке строительства на ул. Щемиловке, 13, в г. Костроме. Археологический раскоп площадью 646 кв. м расположен на территории городского посада. Изучен культурный слой и объекты XII–XVIII вв. Наибольшее количество выявленных в раскопе построек относится к XVI–XVII вв. Была исследована часть городской улицы. Культурный слой XII–XIV вв. был почти повсеместно переработан и сохранился фрагментарно.

Ключевые слова: археологические раскопки, Кострома, культурный слой, постройка, улица.

Исторический культурный слой Костромы поставлен на государственный учет и охрану в виде отдельных памятников археологии, получивших наименования в соответствии со значимыми элементами топографии либо сетью дорегулярных городских улиц. Привязка наименований участков культурного слоя к уличной сети XVII–XVIII вв., включая территории, заселенные не позднее XIII в., представляется искусственной, поскольку данных о стабильности уличной сети нет. Однако в отношении более крупных элементов исторической топографии определенности несколько больше: конфигурация городских крепостей и посадов в целом известна, хотя отдельные детали и требуют уточнения.

Проведение археологических работ на участках нового строительства в исторической части города дает возможность получить новую информацию о средневековом прошлом Костромы. В 2023 г. под руководством автора на участке по ул. Щемиловке, 13, в границах объекта культурного наследия «Участок культурного слоя по берегам р. Сулы (посад города)» были проведены археологические раскопки (Щербаков, 2024) (рис. 1). Площадь работ составила 646 кв. м. Участок в целом имел выраженный уклон в сторону р. Волги. Под мусором от разрушения деревянного барака на площади раскопа был выявлен капитальный кирпичный фундамент (рис. 2) – вероятно, от предшествующего здания, превышающий по площади стоявший на участке до начала 2000-х гг. барак. Точная дата постройки барака

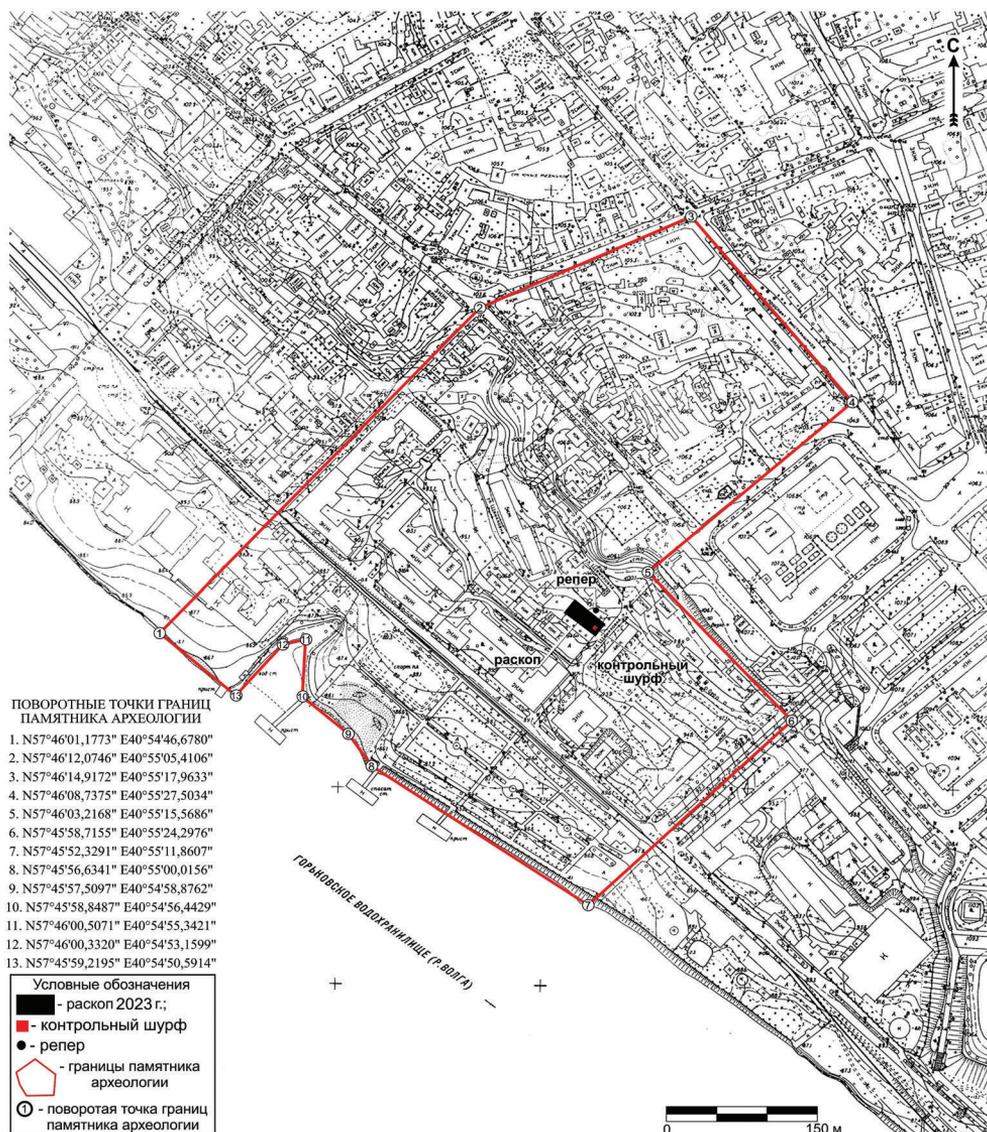

Рис. 1. Место раскопок 2023 г. На плане памятника археологии «Участок культурно-ного слоя по берегам р. Сулы (посад города)»

Рис. 2. Схема объектов раскопа 2023 г. по ул. Щемилловке, 13, в г. Костроме

на ул. Щемиловке, 13, неизвестна. Соседний жилой дом барачного типа по ул. Щемиловке (№ 17) был построен в 1959 г. Здания XIX – начала XX в. на участке исследований в документах не отражены, но есть основания полагать, что барак был сооружен на более раннем фундаменте, оставшемся от разобранного строения начала XX в. Ближайшие наиболее ранние дома по ул. Щемиловке (№ 5 и 15) были построены в 1917 г.

Археологические раскопки показали, что культурный слой XIX в. фактически отсутствовал, что обусловлено земляными работами при сооружении фундамента. Как оказалось, здание не имело крупных подвалов, а глубокие перекопы связаны с прокладкой коммуникаций и выгребными ямами советского периода. Культурный слой внутри фундамента и за его пределами вопреки ожиданиям на отдельных участках имел удовлетворительную сохранность, хотя в наилучшем состоянии были углубленные в материк объекты – ямы и крупные углубленные части наземных построек. Всего в раскоп попали 18 построек и более 100 ям и канавок различного назначения (рис. 2). Примечательны крупные размеры погребов: некоторые имели площадь более 25 кв. м. Было собрано около 25 000 ед. массового материала¹ и 606 индивидуальных находок.

К наиболее раннему хронологическому горизонту (XII–XIV вв., посад т. н. первого костромского кремля) относятся 24 объекта. В основном столбовые ямы и канавки. Системы в расположении объектов не выявлено, хотя заметна большая их концентрация в южной и юго-восточной частях раскопа (рис. 2). Канавки от изгородей соответствующего времени могут маркировать границы усадеб. Примечательны ямы № 9, 15.

В яме № 9 (хозяйственная) (рис. 3) выявлены 271 ед. массового материала и 39 индивидуальных находок, в том числе 35 фрагментов стеклянных браслетов. Вероятная датировка ямы – в пределах XIII в.

Яма № 15 (рис. 3) представляет собой остатки неоднократно перестроенного небольшого сооружения 2-й половины – конца XIII – XIV в. Помимо 194 ед. массового материала выявлены 11 индивидуальных находок, в т. ч. 3 фрагмента стеклянных браслетов и 2 фрагмента днищ сосудов с клеймами. На поверхности ямы была найдена проволочная монета – маленькое пуло 1530–1560-х гг., выбивающаяся из общего предметного ряда и связанная с неидентифицированным перекопом. В культурном слое и в более поздних объектах раскопа встречены переотложенные предметы раннего периода истории Костромы (рис. 3). Отметим только несколько: фрагменты стеклянных браслетов XII–XIV вв. (*Полубояринова*, 1963; *Щанова*, 1969), пряслице из розового пиррофиллита XI – конца XIII в. (*Рыбина*, 1978. С. 26), рубчатый перстень конца XI – конца XIV в. (*Седова*, 1981. С. 122–123), фрагмент церковного осветительного прибора (хороса?) в виде драконьей головы с открытой частью – аналогичный фрагмент был ранее найден при раскопках в г. Костроме и отнесен к периоду XIII–XIV вв. (*Лазарев*, *Кузнецова*, 2022. С. 204). В стратиграфической колонке раскопа с указанным периодом ассоциируется слой серой супеси и серого пылеватого песка. Слой практически полностью переработан в последующее время, сохранился в ямах и в виде отдельных пятен.

¹ Керамическая коллекция раскопа готовится для отдельной публикации.

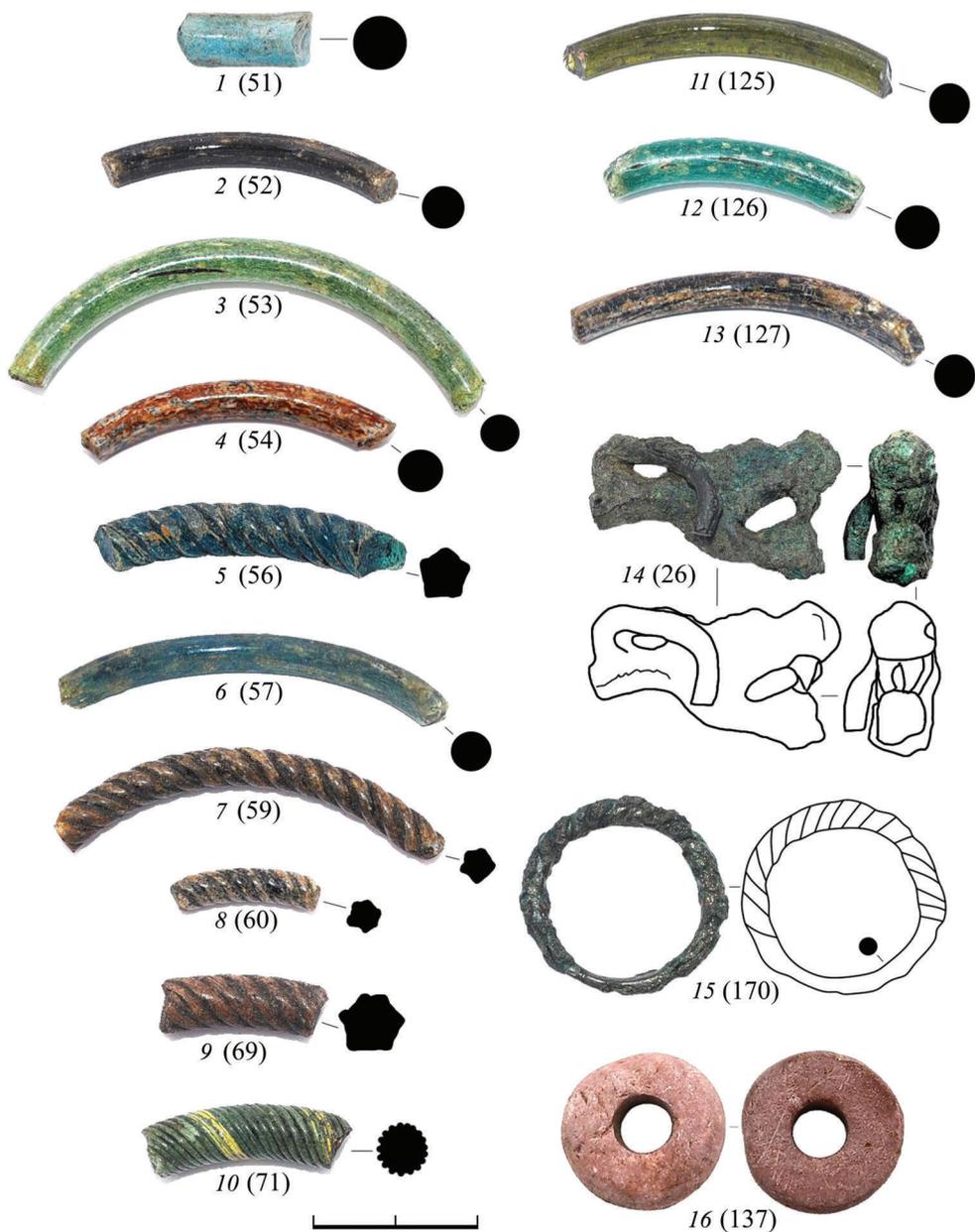

Рис. 3. Некоторые индивидуальные находки XII–XIV вв. из культурного слоя раскопа и из ям № 9 и 15. 1–10 – фрагменты стеклянных браслетов, яма № 9; 11–13 – фрагменты стеклянных браслетов, яма № 15; 14 – фрагмент осветительного прибора (хороса?), пл. 3, кв. И/19; 15 – перстень рубчатый, пл. 3, кв. А/18; 16 – пряслице из пирофиллита, пл. 1, кв. А/17. В скобках здесь и далее приведены номера по коллекционной описи. 1–13 – стекло; 14 – цветной металл; 15 – медь; 16 – пирофиллитный сланец

Период XIV–XV вв. представлен 9 объектами с невыразительным вещевым комплексом. Индивидуальные находки этого периода переотложены. Среди находок выделяются фрагменты золотоордынской поливной керамики 2-й половины XIV в., проволочные монеты.

Примечательна находка двух монет²: 1) данг (Золотая Орда), 2-я половина XIV в., обрезан под русскую весовую норму в начале XV в.; 2) деньга, Василий I, 1390-е гг. В стратиграфической колонке раскопа с указанным периодом так же, как и с более ранним, ассоциируется (частично) слой серой супеси и серого пылеватого песка, практически полностью переработанный в последующее время.

Лучше представлен в раскопе период XV–XVI вв. К нему относятся 25 объектов (5 канавок и 20 ям), в том числе крупные ямы № 20 и 55, представляющие собой углубленные части наземных построек (рис. 2). Яма № 20 бедна находками. Удалось проследить конструкцию опалубки стенок ямы: по дну вдоль стенок ямы фиксируется канавка, наиболее вероятная конструкция – вертикально поставленные доски/бревна/плахи, кроме того, на дне зафиксированы две ямы от опорных столбов перекрытия.

Яма № 55 интересна составом находок (рис. 4). В верхней части заполнения помимо керамики собрано 14 предметов, часть из которых явно переотложена, например 2 фрагмента стеклянных браслетов. Отдельного упоминания, на наш взгляд, заслуживают фрагмент железной кованой скребницы и маленькое пуло 1490–1530-х гг. К числу датирующих находок из верхней части заполнения ямы № 55 относится врезная обувная подковка с широким и высоким основанием, с выступом на задней кромке, XVI – начала XVII в. (Осинов и др., 2022. С. 264–265). Нижняя (придонная) часть заполнения ямы № 55 бедна керамикой (всего 79 опознаваемых фрагментов). Среди индивидуальных находок заслуживают внимания конские удила: петли на грызлах одинарные, грызла орнаментированы тремя параллельными линиями, стержни псалиев увенчаны шишечками. Удила такого типа (тип II, по А. Н. Кирпичникову) фиксируются на территории Руси с X в., большее распространение они получили в XII – 1-й половине XIII в.; из-за рациональной конструкции данный тип удил, по наблюдениям А. Н. Кирпичникова, сохранился до современности (Кирпичников, 1973. С. 16). Также найдены пуло XVI в. плохой сохранности и слив сосуда в виде головы барана с зеленой глазурью на поверхности и со следами пребывания в огне. Отметим обстоятельство находки удил: предмет лежал под жерновом на дне ямы, у стенки. Нижняя часть заполнения ямы № 55 формируется в конце XV – XVI в. В стратиграфической колонке раскопа с указанным периодом ассоциируется слой темно-серой супеси и сформированные на его основе слои с примесью угля и др. (рис. 4), возможно, этот слой формировался до начала XVII в. Слой фрагментарно сохранился на всей площади раскопа, выявлен и в ямах; видимо, был почти полностью переработан в результате активного использования участка в XVII–XVIII вв.

Наибольшее количество крупных построек раскопа (11 из 18) относится к периоду XVI–XVII вв. (с более узкой датой отдельных объектов). С этим же временем ассоциируются восемь ям и две канавки (рис. 2). Вещевой комплекс построек разнообразный, наиболее богатый ассортимент находок выявлен в заполнении ям № 18, 61, 64, 71, 97, 107, 111 (рис. 5).

² Определения монет, приведенные здесь и далее, выполнены начальником научно-изыскательского отдела ОГБУ «Наследие» г. Костромы А. С. Лазаревым.

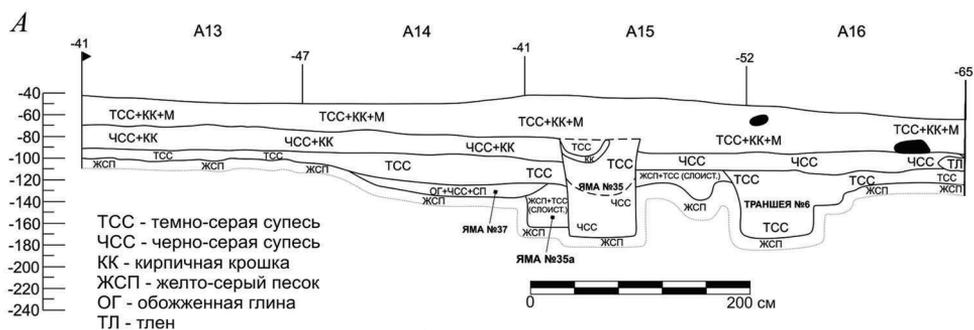

Рис. 4. Стратиграфия раскопа в кв. А/13–16 (А), некоторые индивидуальные находки ямы № 55 (Б) и разрез ямы № 55 (В). Б. 1 – удила; 2 – слив сосуда в виде головы барана; 3 – обувная подкова; 4 – нож; 5 – фрагмент скребницы. 1, 3, 4, 5 – железо; 2 – глина

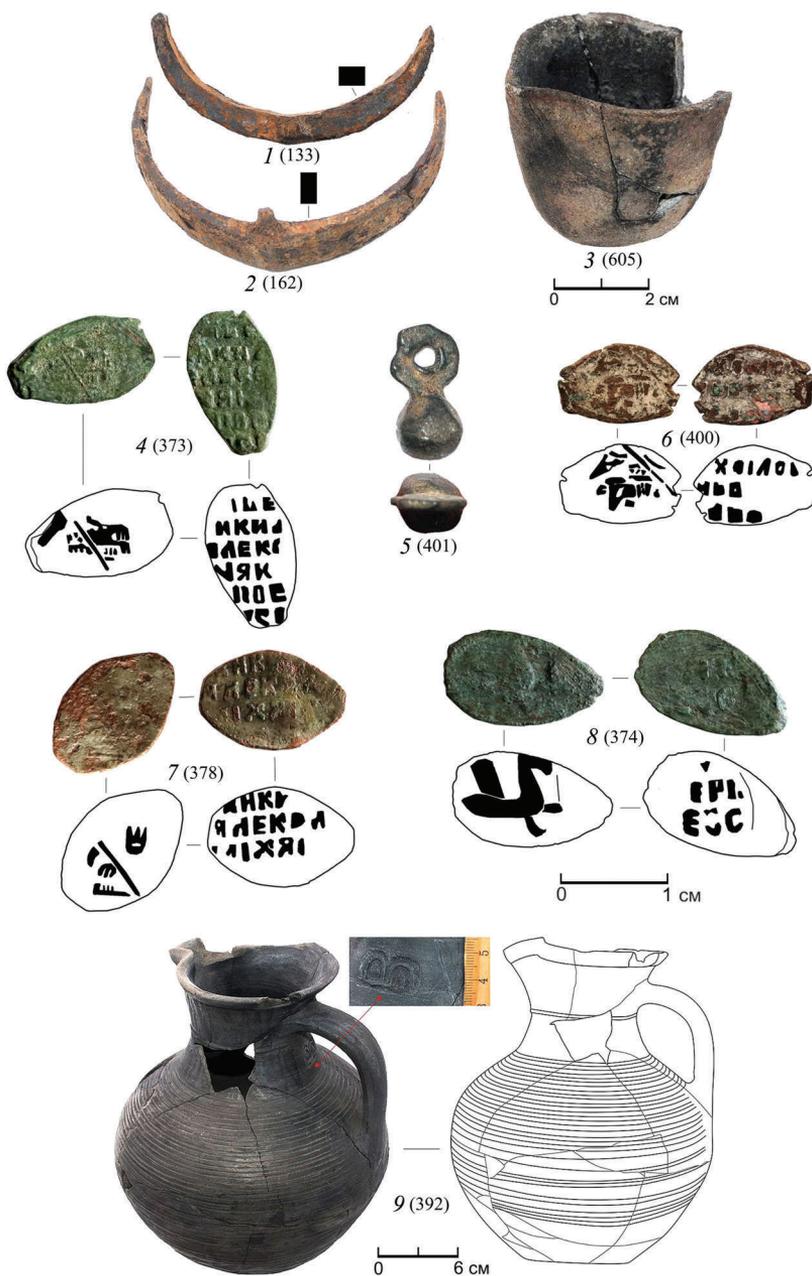

Рис. 5. Индивидуальные находки из ям № 18, 64, 71. 1, 2 – обувные подковы, яма № 18; 3 – тигль, яма № 64; 4, 6, 7 – монеты, копейки, 1655–1663 гг., яма № 64; 5 – пуговица, яма № 64; 8 – монета, пуло маленькое, 1490–1530-е гг., яма № 64; 9 – кувшин с клеймом, яма № 71. 1, 2 – железо; 3 – глина; 4, 6–8 – медь; 9 – глина

В заполнении *ямы № 18* собрано 29 индивидуальных находок (рис. 5). Придонная часть заполнения формировалась в 1-й половине XVII в., среди датирующих находок – копейка плохой сохранности (Михаил Федорович, 1613–1645 гг.), врезные обувные подковы с широкой высокой основой XVI – 1-й половины XVII в. (Осипов, 2006. С. 77–80), переотложено залегал фрагмент корпуса замка, предположительно, типа Д середины XIV – середины XV в., по Б. А. Колчину (Колчин, 1959. С. 82–84).

В заполнении *ямы № 61* собрана 21 индивидуальная находка. Придонная часть заполнения формировалась в XVI – 1-й половине XVII в. Датирующие находки: обувные подковки с широким высоким основанием, в том числе с выступом на задней кромке XVI – 1-й половины XVII в. (Осипов, 2006. С. 77–80) и XVI – начала XVII в. (Осипов и др., 2022. С. 264–265), и одна комбинированная конца XVI – последней трети XVIII в. (Там же. С. 258. Табл. 1). К сожалению, постройка была прорезана траншеей водопровода, поэтому нельзя исключать, что некоторые предметы были переотложены.

В заполнении *ямы № 64* собрано 26 индивидуальных находок (рис. 5). Нижняя часть заполнения ямы формируется в XVI в., возможно, в начале XVII в. Датирующие находки невыразительны (обувные подковы, свинцовая пуля). Интересен вещевой комплекс верхней части заполнения ямы: найдены три монеты 1655–1663 гг. (копейки, Алексей Михайлович) и одна монета 1490–1530-х гг. (пуло, Иван III, Василий III); вблизи траншеи водопровода выявлено скопление фрагментов тиглей, форму двух тиглей удалось установить полностью.

Из заполнения *ямы № 71* (правда, из верхней части) при работе с массовым материалом был собран чернолощенный кувшин с клеймом в виде двух арок под ручкой (рис. 5). Верхняя часть заполнения ямы № 71 формируется на протяжении XVII в., нижняя – не ранее XVI в. (бедна находками).

Нижняя часть заполнения *ямы № 97* также бедна находками, но из массового материала верхней части собран крупный фрагмент белоглиняной фляги XVII в. (Госкаталог. № 44667920 и др.), покрытой зеленоватой поливой, имеющей геометрический декор; также найдены свинцовая пуля и светец-подсвечник. Верхняя часть заполнения ямы № 97 длительно формируется на протяжении XVII в. вплоть до XVIII столетия, нижняя – XVII в., более точная датировка затруднительна.

В заполнении *ямы № 107* собрано 8 индивидуальных находок. Придонная часть заполнения формировалась во 2-й половине XVII в. Датирующие находки: две проволочных копейки (Алексей Михайлович).

Яма № 111 примечательна находкой в верхней части заполнения переотложеного пула 1389–1425 гг. Заполнение ямы № 111, судя по керамике и планиграфическим особенностям, формируется в XVI–XVII вв., более точная датировка по находкам ввиду их состава затруднительна. В стратиграфической колонке раскопа с периодом XVI–XVII вв. ассоциируется нижняя часть слоя черно-серой супеси и сформированные на ее основе слои с примесью обожженной глины и др. (рис. 4).

К периоду XVII–XVIII вв. относятся 34 объекта, в том числе крупные ямы № 7, 16 и 75, представляющие собой углубленные части наземных построек (рис. 2).

Нижняя (придонная) часть заполнения *ямы № 7* формируется в конце XVII – начале XVIII в., хорошо датируется по монетам: самая ранняя – пуло маленькое, конца XV – XVI в., плохой сохранности, самая поздняя – копейка 1696–1717 гг., здесь же

найдена копейка 1613–1645 гг. плохой сохранности. Интерес представляют фрагменты рельефных поливных изразцов 2-й половины XVII в. из верхней части заполнения ямы № 7 (78 ед.).

Изразцы из, предположительно, того же печного набора найдены в заполнении вплотную расположенной синхронной ямы № 16 (50 ед.) (рис. 6). Из массового материала верхней части ямы собран кувшин с мраморовидным декором. К числу переотложенных находок из верхней части заполнения ямы относятся ключ от замка типа Д середины XIV – середины XV в., по Б. А. Колчину (*Колчин*, 1959. С. 82–84), и фрагмент щитка перстня с изображением крупа и хвоста животного (?); перстень с похожим изображением найден при раскопках Романова двора в Москве в слое XIV – 1-й половины XVI в. (*Археология Романова двора...*, 2009. С. 391. Рис. 145: 31). Нижняя часть заполнения ямы № 16 датирована XVII – началом XVIII в. На основании керамики в сочетании со стратиграфическими и планиграфическими признаками.

К числу наиболее крупных в раскопе относится яма № 75. В ее заполнении выявлена 31 индивидуальная находка (рис. 6). Нижняя часть заполнения ямы № 75 формируется в 1-й половине XVIII в., возможно, во 2-й четверти столетия, на что указывают две монеты. Предметный ряд верхней части заполнения разнообразен, включает помимо монет XVIII в. фрагмент перстня XVIII в. (Госкаталог. № 17868881 и др.) с округлым щитком с псевдогеральдическим изображением; костюмную запонку XVII–XIX вв. (Госкаталог. № 51252019, 51252032, 49949296, 49949345 и др.) со стеклянной декоративной вставкой с изображением золотого петушка; серьгу-голубец XVII–XVIII вв. (*Зоц (Захарова)*, 2011) с двумя подвесками-костыльками; крест «Распятие Христово» с граненым оглавием, предварительная датировка – XVIII–XIX вв.; металлическую бусину миндалевидной формы, по форме схожую с найденными при раскопках Свяжска металлическими бусами, датированными 2-й половиной XVII в. (Госкаталог. № 50791145, 50791165 и др.). В стратиграфической колонке раскопа с периодом XVII–XVIII вв. ассоциируется верхняя часть слоя черно-серой супеси и сформированные на ее основе слои с примесью кирпичной крошки и др.

Более поздние объекты в данной статье не рассматриваются.

Культурный слой XII–XV вв., сформированный на основе серого песка и серой супеси, почти полностью переработан в последующие периоды, сохранился главным образом в виде заполнения ям. Антропогенные отложения XV–XVI вв., представленные темно-серой супесью с разнообразными включениями, в значительной мере переработаны в более позднее время. Черно-серые супесчаные слои XVI/XVII – начала XIX в. имеют наилучшую сохранность по сравнению с отложениями предшествующих периодов, но тоже сильно повреждены. Слои XVI–XIX вв. содержат многочисленные переотложенные находки предшествующих периодов. Ряд археологизированных объектов имел в целом удовлетворительную сохранность и был полностью изучен после демонтажа части кирпичных фундаментных лент.

Время первоначального освоения участка – не позднее XIII в. Отдельные находки могут указывать на более раннюю дату в пределах XII столетия, однако предметы и археологизированные объекты, верхняя дата которых строго ограничивалась бы XII в., отсутствуют.

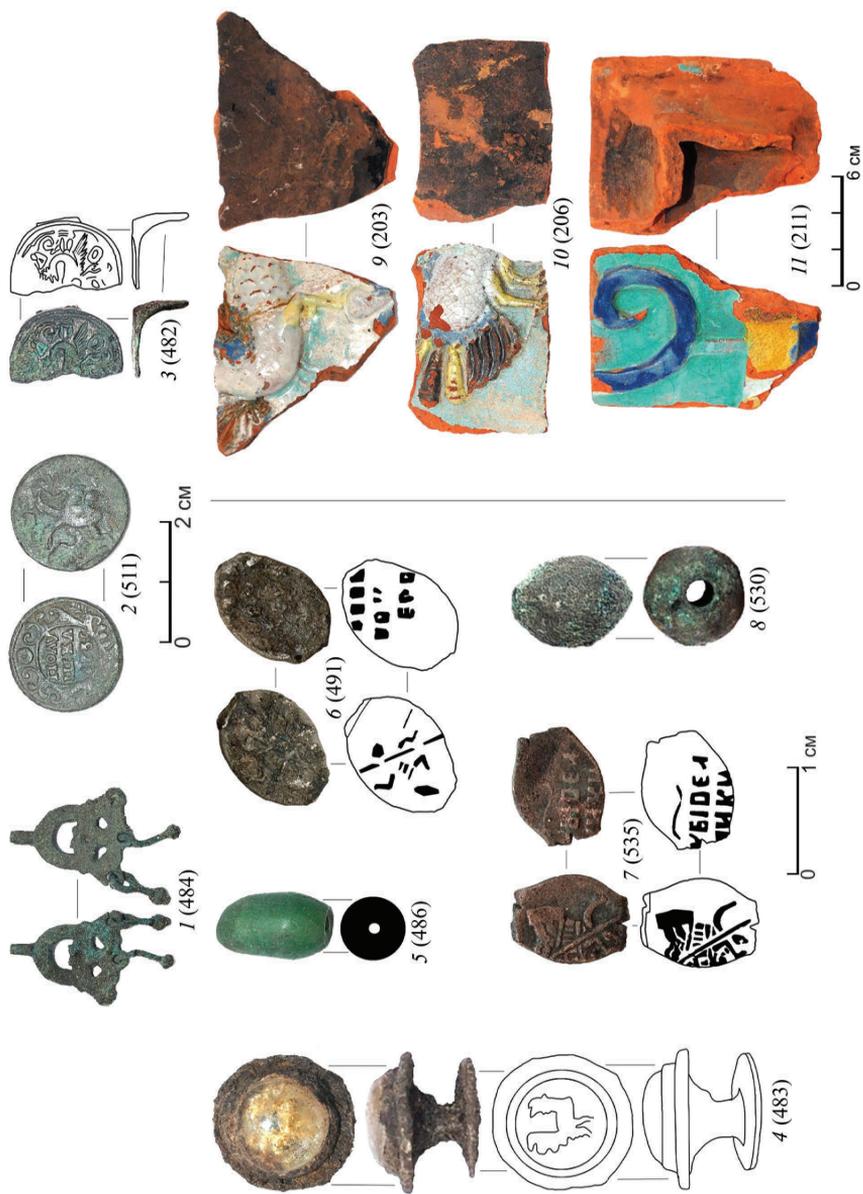

Рис. 6. Образцы индивидуальных находок из ям № 16, 75. 1 – серьга-голубец, яма № 75; 2 – монета, полушка 1735 г., яма № 75; 3 – фрагмент перстня, яма № 75; 4 – запонка, яма № 75; 5 – бусина, яма № 75; 6 – копейка XVI–XVII вв. (плохая сохранность), яма № 75; 7 – монета, копейка, 1655–1663 гг., яма № 75; 8 – бусина, яма № 75; 9–11 – изразцы, яма № 16. 1–3, 7 – медь; 4 – медь, стекло; 5 – стекло; 6 – металл белого цвета; 8 – цветной металл; 9–11 – глина, глазурь.

На основании данных письменных, картографических и археологических источников реконструируется градостроительная история участка на ул. Щемиловке, 13, в г. Костроме, изученного в 2023 г.:

1. В XIII–XIV вв. (возможно, с XII в.) данная территория входила в состав городского посада на левом берегу р. Сулы. Многочисленные хозяйственные ямы этого периода указывают на активное использование участка. При этом наиболее ранняя из построек (яма № 15) относится ко 2-й половине XIII – XIV в. Планировка территории – усадебная. В раскопе прослежены фрагменты канавок от изгородей соответствующего периода. Детально планировку рассматриваемого участка в XIII–XIV вв. реконструировать не удается (рис. 2).

2. В XV–XVI вв. изученный участок функционирует в составе городского посада. В этот период, вероятно, складывается стабильная планировка территории в составе одной из улиц, ориентированной в общем направлении параллельно высокой береговой террасе с северо-запада на юго-восток (рис. 2).

3. В XVII–XVIII вв. участок продолжает функционировать в составе городского посада у подножия Нового города второй костромской крепости. Общее направление планировки сохраняется, постройки сменяют друг друга с минимальным смещением (рис. 2). Примеры таких «гнезд»: ямы № 20, 18, ямы № 61а, 61, ямы № 97, 75.

4. В XIX в. в Костроме реализуется «регулярный» план застройки, сеть городских улиц меняется. На участке раскопок отсутствуют погребя построек XIX в. В XX в. На участке исследований документировано существование жилого дома барачного типа с бревенчатыми стенами, вероятно, конца 1950-х гг. постройки.

Необходимо отметить, что на участке исследований зафиксированы немногочисленные следы производственной деятельности: в культурном слое найдены куски металлургического конгломерата, в яме № 64 – фрагменты тиглей, но специализированные производственные сооружения не выявлены, изученная территория характеризуется как жилая.

Литература

- Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / Авт.-сост. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН, 2009. 524 с. (Материалы охранных археологических исследований; т. 12.)
- Госкаталог – Государственный каталог музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/> (дата обращения: 13.06.2025).
- Зоц (Захарова) Е. П., 2011. Раскопки одиночного кургана Холмы // Археология Подмосквья: материалы науч. семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 405–411.
- Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси X–XIII вв. Л.: Наука. 140 с. (САИ; вып. Е1-36.)
- Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР. С. 7–119.
- Лазарев А. С., Кузнецова В. Н., 2022. Фрагмент осветительного прибора из Костромы (раскоп на ул. Симановского 2019 г.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 14. Тверь. С. 199–205.
- Осипов Д. О., 2006. Обувь московской земли XII–XVIII вв. М.: ИА РАН. 202 с. (Материалы охранных археологических исследований; т. VII.)

- Осинов Д. О., Коваль В. Ю., Смирнов А. Н., 2022. Обувные подковки из раскопок в Московском Кремле // КСИА. Вып. 268. С. 256–272.*
- Полубояринова М. Д., 1963. Стекланные браслеты древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР. С. 164–181. (МИА; вып. 117.)*
- Рыбина Е. А., 1978. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М.: Изд-во Московского ун-та. 167 с.*
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода X–XV вв. М.: Наука. 195 с.*
- Щапова Ю. Л., 1969. Стекланные браслеты и датирование городского культурного слоя // СА. № 4. С. 102–108.*
- Щербаков В. Л. Об археологических раскопках на территории объекта культурного наследия «Участок культурного слоя по берегам р. Сулы (посад города)», XII–XVIII вв., по адресу: г. Кострома, ул. Щемиловка, 13, в 2024 г. (в 6 томах) // Архив ИА РАН.*

Сведения об авторе

*Щербаков Виталий Леонидович, ООО «Древности Поволжья»;
e-mail: scherbakov-v-l@yandex.ru*

V. L. Shcherbakov

**ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE KOSTROMA CITY
SETTLEMENT IN 2023: PRELIMINARY RESULTS
OF EXCAVATIONS AT SHCHEMILOVKA st., 13**

Summary. The article presents the general results of the 2023 excavations at the building area on Shchemilovka St., 13 in Kostroma. The 646-square meters archaeological excavation area was located on the territory of the city settlement. The cultural layer and objects of the 12th–18th centuries were studied. The largest number of detected buildings date back to the 16th–17th centuries. A part of the ancient city street was examined. The cultural layer of the 12th–14th centuries was almost universally mixed and has been preserved in fragments.

Keywords: archaeological excavations, Kostroma, cultural layer, building, street.

А. С. Лазарев, В. Л. Щербаков

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ XIV – НАЧАЛА XVIII в. ИЗ РАСКОПА В г. КОСТРОМЕ НА ул. ЩЕМИЛОВКЕ, 13, В 2023 г.

Резюме. В 2023 г. на территории нижнего посада Костромского кремля проводились спасательные археологические исследования на месте планируемого строительства жилого дома. В ходе археологических работ была получена нумизматическая коллекция, охватывающая период XIV–XIX вв. Наибольший интерес в ее составе представляют 66 серебряных и медных проволочных монет XIV – начала XVIII в.

Ключевые слова: Кострома, посад, проволочные монеты, XIV – начало XVIII в., Золотая Орда.

В 2023 г. на территории нижнего посада Костромского кремля ООО «Древности Поволжья» проводились спасательные археологические раскопки на месте строительства жилого дома¹. Одной из информативных категорий находок стала представительная нумизматическая коллекция, охватывающая период XIV–XIX вв. В ее состав входят 138 экз. серебряных и медных монет. Большинство находок имеет типичную для находок в городском культурном слое неудовлетворительную сохранность и следы химической коррозии, вызванной воздействием агрессивного грунта, что существенно затрудняет точное определение и метрологические исследования материала.

Нумизматические материалы машинной чеканки XVIII–XIX вв. представлены медными монетами мелких номиналов периодов правления Петра I (2 экз.), Анны Иоанновны (24 экз.), Елизаветы I (22 экз.), Екатерины II (4 экз.), Николая I (2 экз.), Александра II (1 экз.), Николая II (1 экз.). Еще 15 экз. монет плохой сохранности относятся к периоду правления Анны Иоанновны или Елизаветы I. Во время правления Петра I также была изготовлена поддельная полушка со схематическим изображением двуглавого орла на аверсе и псевдографикой, заменяющей текст на реверсе (рис. 6: 541). Она была найдена в заполнении ямы № 75, из которого происходят также две полушки 1730-х гг.

¹ О результатах раскопок см. статью В. Л. Щербакова «Археологические исследования посада города Костромы в 2023 г.: предварительные итоги раскопок на ул. Щемилровке, 13» в настоящем сборнике.

Таблица 1. Распределение проволочных монет по эмитентам

Эмитенты	Количество монет		
	Серебряные	Медные	Всего
Василий Дмитриевич Московский (Василий I)	2	1	3
Иван Иванович	–	1	1
Иван III, Василий III	–	7	7
Иван IV	2	9	11
Михаил Фёдорович	5	–	5
Алексей Михайлович	1	11	12
Пётр Алексеевич	4	–	4
Плохая сохранность, конец XV – XVI в.	–	5	5
Плохая сохранность, XVI–XVII вв.	7	4	11
Плохая сохранность, XVII в.	6	–	6
Плохая сохранность, XVII–XVIII вв.	1	–	1
Всего	28	38	66

Наиболее интересную часть коллекции составляют серебряные и медные проволочные монеты XIV – начала XVIII в.² (см. табл. 1; 2).

Самые ранние по времени чеканки монеты относятся ко 2-й половине XIV – началу XV в. (рис. 1). Это денга великого князя Василия Дмитриевича Московского (Василия I) (1389–1425 гг.), чеканенная в 1390-х гг. в Нижнем Новгороде, и данг хана Бердибека (1357–1359 гг.), чеканенный в Сарае ал-Джедиде и в дальнейшем обрезанный по окружности под русскую весовую норму начала XV в. (*Федоров-Давыдов*, 2003. Табл. XIII: 177–179; *Гайдуков*, 2006. С. 48–49. Табл. 2: 1, 2). К этому же времени относится русское большое пуло, предположительно, отчеканенное в Нижнем Новгороде (табл. 2: 29; рис. 1: 29).

В настоящее время находки монет конца XIV – XV в. носят на территории Костромы единичный характер и практически не отражены в публикациях материалов городских раскопок – при этом отдельные находки монет этого периода известны на ближайших к участку работ 2023 г. раскопах по нижнему посаду и на территории Нового города Костромского кремля – денга удельного князя Семена Владимировича Серпуховского (20-е гг. XV в.) (*Лазарев, Волков*, 2017. С. 244. Рис. 1), денга Василия Дмитриевича Московского (1389–1425 гг.) (*Новиков и др.*, 2017. С. 156), большое пуло великого князя Михаила Борисовича Тверского (1461–1485 гг.) (*Лазарев*, 2023. С. 173. Рис. 6).

К широкому периоду правления Ивана III (1462–1505 гг.) и Василия III (1505–1533 гг.) относятся 7 экз. маленьких пул, отчеканенных в Москве и Твери и содержащих изображения двуглавого орла и четвероногого зверя с крыльями (крылатого

² Авторы статьи благодарят В. В. Зайцева и И. В. Волкова за консультации и помощь в определении некоторых монет.

Таблица 2. Опись нумизматических находок XIV–XVIII вв. из раскопа по адресу:
г. Кострома, ул. Щемилровка, д. 13 (участки 1–4).

I. Серебряные монеты XIV–XVIII вв.

№ п/п	№ п/о	Место обнаружения	Правитель	Место чеканки	Описание	Датировка	Вес, г	Литература ³
1	602	Уч. 3, записка после святаия пл. 5 в кв. В/8	Василий Дмитриевич Московский (Василий I)	Нижний Новгород	Деньга	1390-е	0,80 (обл.)	–
2	243	Уч. 3, пл. 2, кв. Д/7, -98	Бердибек	Сарай ал-Джадид	Данг	2-я половина XIV в. ⁴	0,83	–
3	153	Уч. 2, пл. 2, яма 18, кв. Г/14, -190	Иван IV	Москва	Деньга	1535–1538	0,25	М., Табл. 1
4	434	Уч. 4, пл. 2, кв. Д/3, -125	Иван IV	Псков	Копейка А	1535–1538	0,70	М., Табл. 1, 8–11
5	105	Уч. 1, яма 7, кв. Д/16, -261	Михаил Фёдорович	Москва (?)	Копейка плох. сохр.	1613–1645	0,50	М., Табл. 8, 8.1, 8.2
6	160	Уч. 2, яма 18, кв. Г/13, -307 (придонный слой)	Михаил Фёдорович	Москва (?)	Копейка плох. сохр.	1613–1645	0,45 (обл.)	М., Табл. 8
7	193	Уч. 2, яма 7, кв. Г/16, -290 (придонный слой)	Михаил Фёдорович	Москва (?)	Копейка плох. сохр.	1613–1645	0,46 (обл.)	М., Табл. 8
8	340	Уч. 3, пл. 3, кв. В/9, -129	Михаил Фёдорович	Москва (?)	Копейка	1613–1645	0,46	М., Табл. 8
9	440	Уч. 4, пл. 2, кв. Д/4, -119	Михаил Фёдорович	Москва	Копейка	1613–1645	0,52	М., Табл. 8
10	574	Уч. 4, яма 107, кв. Б/1, -260 (придонный слой)	Алексей Михайлович	?	Копейка	1645–1676	0,42	–
11	195	Уч. 2, яма 7, кв. Г/16, -289 (придонный слой)	Пётр Алексеевич	Москва	Копейка	1696–1717	0,27	–
12	273	Уч. 3, пл. 3, кв. Г/10, -111	Пётр Алексеевич	Москва	Копейка	1696–1717	0,24	–
13	274	Уч. 3, пл. 3, кв. Г/10, -109	Пётр Алексеевич	Москва	Копейка	1696–1717	0,25	–
14	464	Уч. 4, пл. 3, кв. З/3, -190	Пётр Алексеевич (Пётр I)	Москва	Копейка	1696–1717	0,19	–
15	159	Уч. 2, яма 18, кв. Г/14, -310 (придонный слой)	Монета (копейка?) плох. сохр.	Монета (копейка?) плох. сохр.		XVI–XVII вв.	0,24	–

³ Список сокращений: Г. – Гайдуков, 1993; З. – Зайцев, 2006; М. – Мельникова, 1989.

⁴ Обрезан под русскую весовую норму в начале XV в.

№ п/п	№ п/о	Место обнаружения	Правитель	Место чеканки	Описание	Датировка	Вес, г	Литература ³
16	168	Уч. 2, пл. 3, кв. Б/19, -141	Монета (копейка?) плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,46	–
17	371	Уч. 3, яма 71, кв. В/8, -166	Копейка плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,39	–
18	446	Уч. 4, пл. 2, кв. Д/5, -116	Копейка плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,15	–
19	491	Уч. 4, пл. 3, кв. 3/2, поверхность ямы 75, -200	Копейка плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,41	–
20	515	Уч. 4, пл. 4, кв. Д/6, -150	Копейка плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,39	–
21	347	Уч. 3, яма 61, кв. 3/10, -245	Полушка плох. сохр.			XVI–XVII вв.	0,16	М., Табл. 9; З., № 39
22	174	Уч. 2, пл. 4, кв. Г/16, -160	Копейка плох. сохр.			XVII в.	0,39	–
23	235	Уч. 3, пл. 2, кв. Ж/7, -141	Копейка плох. сохр.			XVII в.	0,36	–
24	244	Уч. 3, пл. 2, кв. Г/9, -90	Копейка плох. сохр.			XVII в.	0,28	–
25	296	Уч. 3, пл. 4, кв. Б/8, -92	Копейка плох. сохр.			XVII в.	0,39	–
26	475	Уч. 4, пл. 3, кв. А/1, -98	Копейка плох. сохр.			XVII в.	0,39	–
27	603	Уч. 3, зачистка после снятия пл. 5, кв. В/9	Копейка плох. сохр.			XVII в.	0,31	–
28	604	Уч. 3, зачистка после снятия пл. 5, кв. В/7	Копейка плох. сохр.			XVII – начало XVIII в.	0,16	–
II. Медные монеты XIV–XVII вв.								
29	571	Уч. 4, яма 111, кв. В/5, -229 (в забутровке края)	Василий Дмитриевич Московский (Василий I)	Нижний Новгород (?)	Пуло большое	1389–1425	1,44	–
30	281	Уч. 3, пл. 3, кв. Д/8, -126	Иван Иванович	Тверь	Пуло большое	1485–1490-е	0,61	Г., № 328–343; З., № 70–71
31	167	Уч. 2, пл. 3, кв. Б/16, -119	Иван III, Василий III	Тверь	Пуло маленькое	1490–1530-е	0,30	Г., № 356–357; З., № 74, 75
32	320	Уч. 3, пл. 5, кв. Б/9, -116	Иван III, Василий III	Москва	Пуло маленькое	1490–1530-е	0,29	Г., № 407, 408; З., № 45
33	374	Уч. 3, яма 64, кв. Г/10, -180	Иван III, Василий III	Тверь	Пуло маленькое	1490–1530-е	0,44	Г., № 356–357; З., № 74, 75
34	431	Уч. 4, пл. 2, кв. В/4, -87	Иван III, Василий III	Москва	Пуло маленькое	1490–1530-е	0,29	Г., № 407, 408; З., № 45

№ п/п	№ п/о	Место обнаружения	Правитель	Место чеканки	Описание	Датировка	Вес, г	Литература ³
35	478	Уч. 4, пл. 3, кв. 3/1, -183	Иван III, Василий III	Тверь	Пуло маленькое	1490–1530-е	0,41	Г., № 356–357; З., № 74, 75
36	549	Уч. 4, яма 55, кв. Е/6, -291 (забутовка котлована)	Иван III, Василий III	Тверь	Пуло маленькое	1490–1530-е	0,49	Г., № 356–357; З., № 74, 75
37	514	Уч. 4, пл. 4, кв. Д/3, -167	Иван III, Василий III (?)	Москва (?)	Пуло маленькое	1490–1530-е (?)	0,40	Г., № 407, 408; З., № 45 (?)
38	96	Уч. 1, яма 20, кв. 3/13, -231	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое ⁵	1530–1540-е	0,54	Г., № 358
39	426	Уч. 4, пл. 2, кв. Ж/5, -175	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1530–1540-е	0,33	Г., № 358
40	432	Уч. 4, пл. 2, кв. Б/6, -80	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1530–1540-е	0,45	Г., № 358
41	113	Уч. 1, яма 20, кв. 3/14, -251	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1540–1560-е	0,32	Г., № 362
42	240	Уч. 3, пл. 2, кв. 3/9, -153	Иван IV	Москва	Пуло маленькое	1540–1560-е	0,36	Г., № 403–405 (?)
43	269	Уч. 3, пл. 3, кв. Ж/7, -165	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1540–1560-е	0,42	Г., № 360
44	367	Уч. 3, пл. 6, кв. Б/9, -143	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1540–1560-е	0,35	Г., № 360
45	441	Уч. 4, пл. 2, кв. Д/4, -130	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1540–1560-е	0,34	Г., № 360
46	469	Уч. 4, пл. 3, кв. Д/4, -149	Иван IV	Тверь	Пуло маленькое	1540–1560-е	0,36	Г., № 362
47	61	Уч. 1, пл. 5, поверхность ямы № 15, кв. Е/18, -207	Иван IV	?	Маленькое пуло плох. сохр.	1530–1560-е	0,56	–
48	270	Уч. 3, пл. 3, кв. Ж/7, -154	?	?	Пуло маленькое	Конец XV – XVI в.	0,38	–
49	321	Уч. 3, пл. 5, кв. Б/7, -121	?	?	Пуло маленькое	Конец XV – XVI в.	0,49 (обл.)	–
50	194	Уч. 2, яма 7, кв. Г/16, -288 (придонный слой)	?	?	Пуло маленькое	Конец XV – XVI в.	0,45	–
51	551	Уч. 4, яма 55, кв. Д/5, -311 (придонный слой)	?	?	Пуло маленькое	XVI в.	0,24	–
52	15	Уч. 1, пл. 2, кв. Ж/19, -146	Алексей Михайлович	?	Копейка плох. сохр.	1655–1663	0,20 (обл.)	–
53	37	Уч. 1, пл. 4, кв. Ж/16, -187	Алексей Михайлович	Псков	Копейка плох. сохр.	1655–1663	0,42	–
54	93	Уч. 1, яма 22, Ж/15, -224	Алексей Михайлович	?	Копейка плох. сохр.	1655–1663	0,30	–

⁵ Двойной удар.

№ п/п	№ п/о	Место обнаружения	Правитель	Место чеканки	Описание	Датировка	Вес, г	Литература ³
55	297	Уч. 3, пл. 4, кв. Б/7, -109	Алексей Михайлович	Новгород Великий	Копейка	1655–1663	0,40	–
56	319	Уч. 3, пл. 5, кв. Б/9, -115	Алексей Михайлович	Пеков	Копейка	1655–1663	0,39	–
57	373	Уч. 3, яма 64, кв. В/10, -169	Алексей Михайлович	?	Копейка	1655–1663	0,47	–
58	378	Уч. 3, яма 64, кв. Г/10, -229	Алексей Михайлович	?	Копейка ⁶	1655–1663	0,42	–
59	400	Уч. 3, яма 64, кв. В/11, -281	Алексей Михайлович	?	Копейка	1655–1663	0,38	–
60	433	Уч. 4, пл. 2, кв. Г/6, -90	Алексей Михайлович	Москва (?)	Копейка	1655–1663	0,21	–
61	535	Уч. 4, яма 75, пл. 4, кв. Ж/4, -274 (забутовка края)	Алексей Михайлович	Москва	Копейка	1655–1663	0,41	–
62	576	Уч. 4, яма 107, кв. А/1, -254 (придонный слой)	Алексей Михайлович	?	Копейка	1655–1663	0,40	–
63	4	Уч. 1, пл. 2, кв. Е/19, -140	Маленькое пуло или копейка	Алексея Михайловича, плох. сохр.		XVI–XVII вв.	0,31 (обл.)	–
64	91	Уч. 1, яма 18, -200	Маленькое пуло или копейка	Алексея Михайловича, плох. сохр.		XVI–XVII вв.	0,25	–
65	322	Уч. 3, пл. 5, кв. Г/7, -140	Пуло маленькое или копейка	Алексея Михайловича, плох. сохр.		XVI–XVII вв.	0,33 (обл.)	–
66	427	Уч. 4, пл. 2, кв. 3/4, -174	Пуло маленькое или копейка	Алексея Михайловича, плох. сохр.		XVI–XVII вв.	0,47	–

⁶ Медная монета покрыта белым металлом (предположительно, оловом).

Рис. 1. Монеты XIV–XV вв. (здесь и далее указываются порядковые номера по табл. 2).
1 – денга Василия I; 2 – данг хана Бердибека (Сарай ал-Джадид); 29 – пуло Василия I (Нижний Новгород (?)). 1, 2 – серебро; 29 – медь

грифона) вправо (Гайдуков, 1993. № 356, 357, 407, 408; Зайцев, 2006. № 45, 74, 75. Табл. 2: 31–37. Рис. 2: 31–37). В одном случае под зверем читаются буквы «УФ». Еще одно большое пуло принадлежит синхронной по времени чеканке великого князя тверского Ивана Ивановича Молодого (1485–1490 гг.) и содержит изображение сложного сюжета – «сидящего вправо бородатого черта в шапке, заносящего меч над фантастическим животным с зубчатой спиной, которым завершается загнутый и пропущенный между его ног хвост» (альтернативное описание – «воин с мечом,

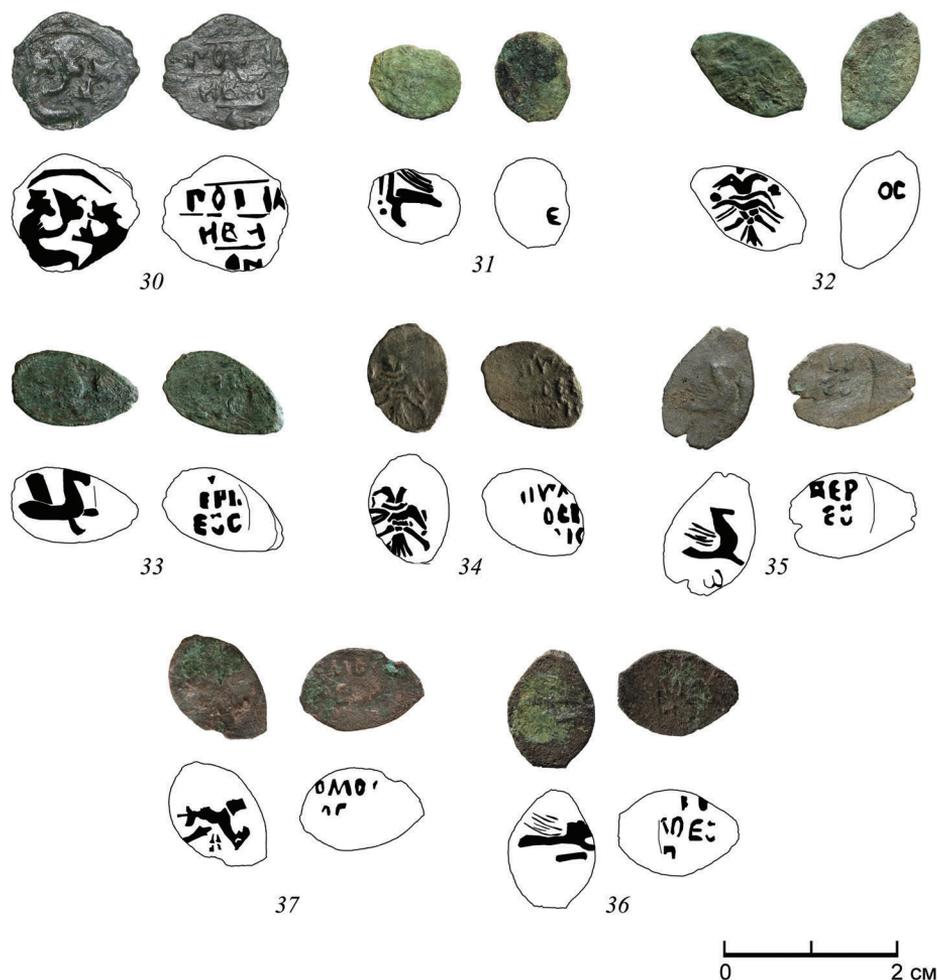

Рис. 2. Медные пула времени правления Ивана III и Василия III. 30 – большое пуло великого князя Ивана Ивановича (Тверь); 31, 33, 35, 36 – маленькие пула (Тверь); 32, 34, 37 – маленькие пула (Москва)

поражающий дракона с острыми шипами на спине») (Гайдуков, 1993. № 328–343; Зайцев, 2006. № 70–71. Рис. 2: 30).

Следующее по времени правление Ивана IV представлено серебряными псковской копеечкой и московской деньгой – обе монеты относятся к периоду до принятия царского титула (1533–1547 гг.) (табл. 2: 3, 4; рис. 3: 3, 4). Медные монеты Ивана Грозного – это 9 маленьких пул тверской и московской чеканки широко распространенных типов (рис. 3: 38, 39, 41–46) – с изображением птицы с цветком в клюве влево (Гайдуков, 1993. № 358. Табл. 2: № 38–40. 3 экз.), птицы с распростертыми крыльями

Рис. 3. Монеты периода правления Ивана IV. 3 – деньга; 4 – копейка; 21 – полушка; 38, 39, 41, 43–46 – маленькие пула (Тверь); 42 – маленькое пуло (Москва). 3, 4, 21 – серебро; 38, 39, 41–46 – медь

Рис. 4. Серебряные копейки Михаила Федоровича

Рис. 5. Серебряная и медные копейки Алексея Михайловича. 10 – серебро; 53, 55–62 – медь

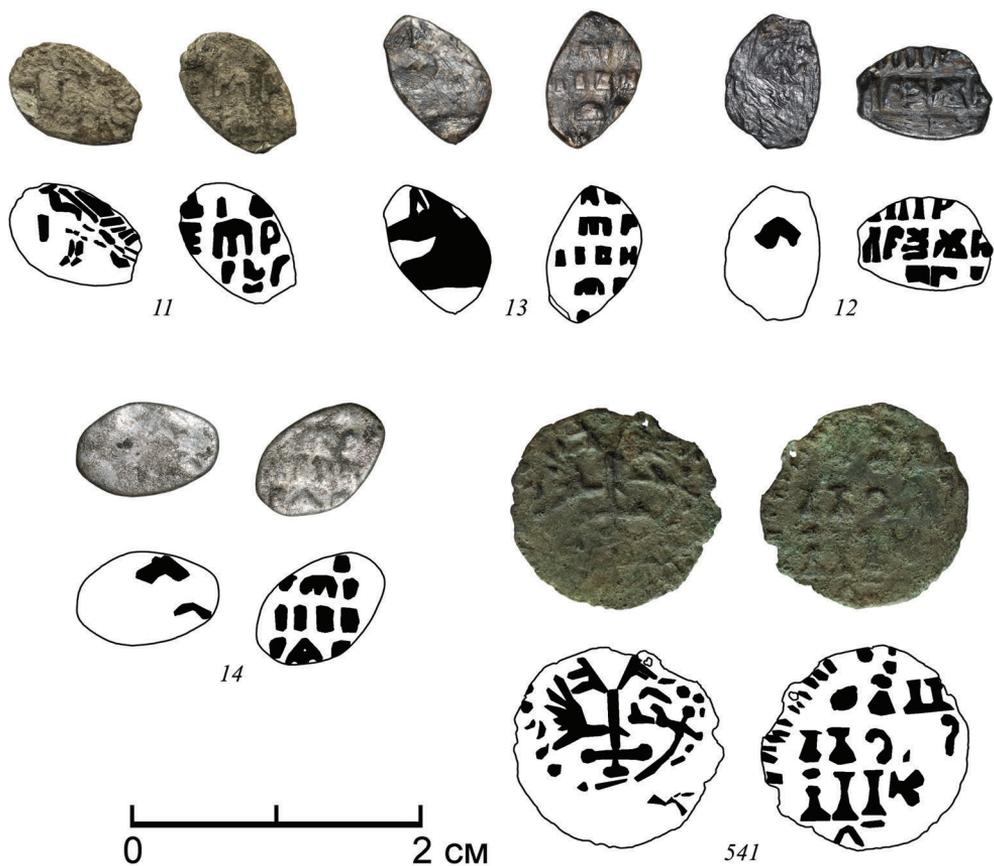

Рис. 6. Монеты времени правления Петра Алексеевича. 11–14 – серебряные копейки; 541 (номер по коллекционной описи) – поддельная медная полушка

влево (Гайдуков, 1993. № 360. Табл. 2: № 43–45. 3 экз.) и птицы с распростертыми крыльями вправо (Там же. № 362. Табл. 2: 41, 46. 2 экз.) и крылатой сирены (Там же. № 403–405. Табл. 2: 42. 1 экз.). Количество и разнообразие типов монет тверской чеканки существенно преобладает над московской, что ранее отмечалось и на других костромских раскопах (Лазарев, Волков, 2017. С. 245).

К периоду конца XV – XVI в. относятся еще 5 экз. маленьких пул плохой сохранности, идентифицированных без привязки к конкретным местам изготовления по фрагментам строчных надписей и изображений (табл. 2: 47–51) и единственная в коллекции полушка с изображением птицы с распростертыми крыльями вправо и надписью вязью «государь» (Гайдуков, 2006. № 372, 384; Зайцев, 2006. № 39; Мельникова, 1989. Табл. 9).

К XVII в. относятся 17 монет: 5 серебряных копеек Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) и 1 серебряная и 11 медных копеек Алексея Михайловича (1645–1676 гг.),

которые относятся к московской, псковской и новгородской чеканке (рис. 4; 5). Самыми поздними из монет ручной чеканки являются 4 серебряные копейки Петра I (рис. 6: 11–14).

Из рассмотренных в публикации монет XIV – начала XVIII в. 41 экз. найден в культурном слое вне конкретных комплексов, 25 экз. – в заполнении 12 объектов (в том числе в придонной части ям № 7, 18, 55, 107). В объектах № 15, 18, 64 нумизматические находки маркируют длительный характер формирования заполнения ям и значительные планировочные работы в границах участка на протяжении его функционирования в составе городской территории.

Полученная в ходе раскопок на нижнем посаде коллекция монет дополняет представление о различных этапах функционирования территории вдоль по Десятильничьей улице и, в частности, о ее активном освоении в XVI–XVII вв. Также необходимо отметить, что ряд монет найден на территории г. Костромы впервые и расширяет представление о материальной культуре города и денежном обороте на костромском участке Поволжья.

Литература

- Гайдуков П. Г., 1993. Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М.: Наука. 297 с.
- Гайдуков П. Г., 2006. Русские полуденги, четверцы и полушки XIV–XVII вв. М.: Палеограф. 408 с.
- Зайцев В. В., 2006. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев: ЮНОНА-Монета. 204 с.
- Лазарев А. С., 2023. Археологические раскопки 2020–2021 гг. у лавки церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в г. Костроме // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 19. М.: ИА РАН. С. 170–184.
- Лазарев А. С., Волков И. В., 2017. Нумизматические материалы из раскопок 2013–2015 гг. на территории Красных рядов в Костроме (раскоп «Мелочные ряды I») // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 243–255.
- Мельникова А. С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (История русской денежной системы с 1533 по 1682 г.). М.: Финансы и статистика. 318 с.
- Новиков А. В., Баранов В. С., Смирнов С. А., Новикова О. В., 2017. Исследования в Костроме на ул. Молочная гора // АО. 2015 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 155–157.
- Федоров-Давыдов Г. А., 2003. Денежное дело Золотой орды. М.: ПАЛЕОГРАФ. 352 с.

Сведения об авторах

- Лазарев Алексей Станиславович, ОГБУ «Наследие» (г. Кострома);
e-mail: alexxdiams@mail.ru;
- Щербakov Виталий Леонидович, ООО «Древности Поволжья»;
e-mail: Sherbakov-V-L@yandex.ru

A. S. Lazarev, V. L. Shcherbakov

**NUMISMATIC MATERIALS OF THE 14th – EARLY 18th CENTURY
FROM THE EXCAVATION SITE IN KOSTROMA
AT SHCHEMILOVKA st., 13 IN 2023**

Summary. In 2023, rescue archaeological investigations were conducted on the site of the planned construction of an apartment building on the territory of the Nizhny Posad of the Kostroma Kremlin. As the result of archaeological work was obtained a numismatic collection covering the period of the 14th–19th centuries. The most interesting part of it includes 66 silver and copper wire coins of the 14th – early 18th centuries.

Keywords: Kostroma, Posad, wire coins, 14th – early 18th century, Golden Horde.

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Т. П. Тимофеева

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБАЛЬНЫХ АРКОСОЛИЯХ В ЦЕРКВИ БОРИСА И ГЛЕБА В КИДЕКШЕ

Резюме. В статье подвергается сомнению синхронность погребальных аркосолий Борисоглебской церкви в Кидекше и самой церкви; приводятся аргументы за их вытесывание в готовой стене.

Ключевые слова: церковь Бориса и Глеба в Кидекше, аркосолий, А. Д. Варганов, Вл. В. Седов, Рождественский собор в Суздале, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском.

В статье 2019 г. «Белокаменные саркофаги в аркосолиях церкви Бориса и Глеба в Кидекше» Вл. В. Седов попытался обосновать появление двух аркосолий в Борисоглебской церкви Кидекши одновременно со строительством здания (Седов, 2019. С. 287–307). В 1951 г. А. Д. Варганов, начальник Суздальского участка Владимирской реставрационной мастерской, написал в качестве отчета работу «Исследование изначальных форм церкви Бориса и Глеба 1152 г. в селе Кидекше, близ Суздаля», где обратил внимание и на аркосолии: «В стенах северной и южной, в их западных углах расположены погребальные ниши-аркосолии. [Ниши, по-видимому, растесаны в стенах, но при построении храма не устраивались.] [скобки в оригинале. – Т. Т.]» (Варганов, 1951. Л. 42; Тимофеева, 2016. С. 113). Версию о вытесывании ниш в готовых стенах Вл. В. Седов счел неосновательной (возможно, мнение Варганова ему было неизвестно), а для обоснования собственной версии построил теорию о роли сына Юрия Долгорукого, Бориса Юрьевича, погребенного в южном аркосолии, в создании храма и политике княжества. Однако эта теория кажется маловероятной и надуманной, тем более что в 1158 г. Борис вторично получил княжение в Турове, а никаких сведений о его земельных владениях и его прижизненном присутствии в Кидекше нет (Седов, 2019. С. 293).

По сравнению со всеми другими аркосолиями – в галереях Успенского собора во Владимире, в Рождественском соборе в Суздале, Георгиевском соборе в Юрьеве – борисоглебские аркосолии очень необычны (рис. 1; 2). Они разные по габаритам. Если бы ниши выкладывались одновременно и в процессе строительства здания, их наверняка сделали бы одинаковыми и более правильной формы. Своды их, как

Рис. 1. Аркосолий в южной стене церкви Бориса и Глеба в Кидекше (князя Бориса Юрьевича)

Рис. 2. Аркосолий в северной стене церкви Бориса и Глеба в Кидекше (княгини Марии)

справедливо заметил Вл. В. Седов, имеют раструб наружу, причем также разный. Аркосолиев, способ выкладки свода которых можно видеть, немного. Это два высоких аркосолия в западном притворе Рождественского собора Суздаля (рис. 3). К ним можно прибавить аркосолий в северо-восточной стене Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (рис. 4; 5), который выложен позже самого здания в готовой стене, но при этом частично разбиравшейся. Стены, где находятся все остальные многочисленные аркосолии, заштукатурены, и каким образом выложен в них свод, рассмотреть не удается.

В Кидекше стены над нишами свободны, видно, что арочные своды аркосолиев не имеют по всей арке правильной радиальной выкладки с замковым камнем, как обычно выкладывались и белокаменные, и кирпичные арочные формы любой конфигурации (рис. 6; 7), за исключением мелких и плоских арочек аркатурно-колончатых фризов, вытесанных, как правило, из одного блока (рис. 8). Нижние камни аркосолиев в Кидекше принадлежат стеновой кладке, и пласт непосредственно для арочной формы начинается выше, с появлением кривизны линии, причем эта кривизна образована специально вытесанными тонкими арочными плитами, а не радиальными блоками. Складывается впечатление, что ниши не изначально, а вырублены в готовой стене.

Тот факт, что в Спасо-Преображенском соборе Переславля-Залесского, построенном, по летописи, одновременно с храмом в Кидекше, арки имеют несколько вспарушенную, двухцентровую «стрельчатую» кривую (Седов, 2019), никак не оправдывает и не объясняет вынужденных неправильных сводов с раструбом в аркосолиях Кидекши. Если технически правильно и мастерски выкладывались крупные, конструктивно ответственные арки и своды, то небольшие по сравнению с ними своды аркосолиев было сложить много проще. А вот в готовой стене, растесывая ее, добиться геометрически правильной формы куда сложнее. И это прекрасно понимал многоопытный реставратор-практик Варганов. Но даже в уже существующей стене Георгиевского собора в Юрьеве-Польском аркосолий для погребения Святослава, заказчика или даже строителя храма, выполнен по правилам, с радиальным рядом и замковым камнем и соблюдением геометрически правильной линии свода. Для этого нижняя часть стены была, вероятно, разобрана и каким-то образом временно укреплена. Заметим, что Святослав мог бы предусмотреть свой погребальный аркосолий заблаговременно, в процессе строительства храма, но этого не сделал. Аркосолий выполнен не позже 1252 г. В северной стене, между апсидой и стеной притвора. По мнению В. В. Кавельмахера, «здание возводилось как усыпальница ктитора и закладывалось, вероятно, им самим. На раннюю дату постройки указывает и материал, из которого был сложен врубленный в наружную стену жертвенника свод княжеского аркосолия. Он из того же привозного зеленого туфа, что и древние своды собора». Более того, над аркосолием был врублен в стену свод Троицкого придела (Кавельмахер, 1997. С. 185–197). Близость апсиды и этой стены сообщали конструктивную надежность, что, вероятно, и позволило частично разобрать стену храма и выложить арку, а не вытесывать ее в самой стене.

Другой аргумент Вл. В. Седова состоит в том, что вытесывать ниши в углу Борисоглебской церкви, в конструктивно ответственном месте, было бы опасно. Однако это, возможно, и было бы так, но только в том случае, если у западных прясел

Рис. 3. Аркосолии в западном притворе Рождественского собора в Суздале

Рис. 4. Аркосолий в северной стене Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (князя Святослава Всеволодовича)

Рис. 5. Часть северной стены Георгиевского собора в Юрьеве-Польском с притвором и аркосолием

Рис. 6. Арки лестничной башни боголюбовского дворца

Рис. 7. Малые подпружные арки церкви Покрова на Нерли

не было бы никаких пристроек, как сейчас, да и то вряд ли. Однако, по мнению А. Д. Варганова, именно к этим пряслам примыкали пристройки. Западные части здания, по его наблюдениям, перестраивались при епископе Кирилле в XIII в., после чего и произошло «великое священье» 1239 г.

Приведем цитату из отчета А. Д. Варганова: «...что могли сделать мастера Кирилла в церкви Бориса и Глеба в Кидекше? Этот вопрос в настоящий момент можно решать только предположительно, так как здание далеко не полностью изучено археологически и архитектурно. Однако некоторые мотивы к этому решению есть. Сюда относятся сооружение “горнего места”, устройство, по-видимому, в иконостасной преграде, а, может быть, в кивории резных по белому камню рельефов,

Рис. 8. Арки аркатурно-колончатого пояса перехода боголюбовского дворца

устройство в алтаре кирпичного пола. По всей вероятности, и западное прясло северного фасада было несколько переложено, в процессе чего за утратой княжеских палат дверной проем на втором этаже, ведущий с хор в палаты, был переделан в оконный...» (Варганов, 1951. Л. 37–38).

Явно переложено было западное прясло и южного фасада: под заложенным окном первоначальной формы кладка состоит из блоков несколько более мелкого масштаба. Похоже, что и здесь дверной проем был переделан в оконный (рис. 9).

К тому же находятся аркосолии под хорами, которые опираются на своды, выполняющие разгрузочную функцию относительно боковых стен. Обратимся к отчету А. Д. Варганова: «Основная нагрузка рассчитана на пилоны, которые в свою очередь посредством подпружных арок и устроенных на них сводов передают ей на конхи апсид в восточной части и нижние части западной стены через арки хор, и уже небольшая часть нагрузки падает на боковые фасадные стены» (Варганов, 1951. Л. 44).

После обнаружения Варгановым лаза в полу хор и отметок для устройства лестницы, найденных А. В. Столетовым, А. Д. Варганов, видимо, отказался от своей версии наружного хода (Тимофеева, 2016. С. 115–116). Однако вряд ли можно отказаться от дворцовых пристроек, какими бы они ни были – каменными, кирпичными или деревянными. То есть при вырубании ниш в готовых стенах такой опасности, какую можно предполагать сейчас, тогда не было. Да и сейчас западная часть храма вполне сохранна.

Участие Бориса Юрьевича в строительстве церкви Бориса и Глеба ничем не подтверждается, а причины, в силу которых Борис и его семья оказались в 1159 г.

Рис. 9. Южный фасад церкви Бориса и Глеба в Кидекше

В Кидекше, неизвестны; бесспорно только то, что оказались. Не факт, что это произошло при жизни Бориса. Интересно, что летописная статья о погребении Бориса подчеркивает связь Борисоглебской церкви со становищем святых князей Бориса и Глеба. Может быть, причина в тезоименитстве Бориса Юрьевича и св. Бориса?

Кстати, тезоименитство, только не персон, а церковей, привело к ложному мнению о погребении во владимирской Георгиевской церкви брата и матери Александра Невского, на самом деле похороненных в новгородском Юрьевом монастыре. На эту церковь также обратил внимание Вл. В. Седов (*Седов*, 2019, С. 294). Георгиевская церковь, закладка которой, по летописи, одновременна Спасо-Преображенской и Борисоглебской, не сохранила после перестройки (а фактически – строительства в 1784 г. нового здания) ни первоначальных аркосолий, ни древних гробниц в них. То, что существует сейчас, не имеет отношения к XII в. А о том, как выглядели погребения, упоминаемые в перечне панихид XVI в. (*Доброхотов*, 1849. С. 60–66), судить невозможно, тем более что если какие-то погребения и были, то далеко уже не первоначальные.

Необходимо вспомнить и андреевский Успенский собор. Мы судим о его некрополе по галереям Всеволода. Но первые погребения появились в храме еще при Андрее Боголюбском. Под его сводами упокоились сыновья князя-«самовластца» – Изяслав (1165), Мстислав (1173) и Глеб (согласно Житию, 1175). В 1174 г. в Успенском соборе обрел покой и сам храмоздатель. В андреевском соборе были похоронены братья Андрея Боголюбского Ярослав Юрьевич (1166) и Михаил Юрьевич (1176), сестра Ольга Юрьевна, в иночестве Евфросиния (1183), племянник Всеволода Изяслав Глебович (1184) (*Тимофеева*, 2018. С. 92). Получается 8 погребений. Что собой представлял этот некрополь? Где находились белокаменные саркофаги? В алтаре, поверх пола? Может быть, и в андреевском храме были аркосолия в стенах самого здания либо в наружных или внутренних стенах невысоких одноярусных галерей, либо других предполагаемых пристроек? Если они и были, то как располагались – теперь уже определить невозможно. Вряд ли амбициозный князь Андрей, строя главный храм своего княжества, не позаботился о своем посмертном ложе. Однако ни одного погребального аркосолия времени Андрея Боголюбского нам не известно; возможно, этой практики при Юрии Долгоруком и Андрее Боголюбском еще не существовало? Поэтому в Кидекше и пришлось импровизировать, и эти два аркосолия – первые в белокаменных храмах, но не задуманные при строительстве, а продиктованные необходимостью. Успенский собор еще только строился, даже если в нем и были предусмотрены княжеские захоронения. Возможно, поэтому пришлось ограничиться дворцовой Борисоглебской церковью. Через несколько лет в соборе похоронили двух братьев и сестру Андрея Боголюбского. Наверняка, если бы Борис Юрьевич скончался немного позже, в соборе нашлось бы место и ему. А его жена и дочь оказались в Кидекше, поскольку уже создан precedent, и разлучать их не стали.

В монастырском Успенском соборе, имевшем галереи, погребение Марии Шварновны оправдано, так как храм и монастырь создавались серьезно большой княгиней для себя. Однако где и каким образом помещалось первоначально погребение княгини и ее родственниц – также неизвестно. Вероятно, во внешних либо внутренних стенах галерей, перестроенных позже. В монастырском Рождественском соборе, в галереях на плане Артлебена указаны всего два аркосолия в восточной части южной

стены, но когда они появились – неизвестно, поскольку стены галерей перестраивались позже из кирпича. Во всяком случае, когда возникла необходимость похоронить Александра Невского, сделали это в самом храме, а не в галереях (Тимофеева, 2019. С. 165–166). Более поздние документы указывают три погребения неизвестных лиц «в стене» (Сиренов, 2011. С. 168). При строительстве Рождественского собора некрополь в нем, скорее всего, не предусматривался.

Таким образом, считать борисоглебские аркосолии задуманными и созданными при строительстве храма нет причин.

Литература

- Варганов А. Д., 1951. Исследование изначальных форм церкви Бориса и Глеба 1152 г. в селе Кидекше, близ Суздаля» (1951 г.) // ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 71. Л. 22–51.
- Доброхотов В. И., 1849. Памятники древности во Владимире Кляземском. М.: Унив. тип. 200 с.
- Кавельмахер В. В., 1997. Краеугольный камень из лапидария Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (к вопросу о так называемом Святославовом кресте) // Древнерусское искусство. Русь, Византия, Балканы. XIII век. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 185–197.
- Седов Вл. В., 2019. Белокаменные саркофаги в аркосолиях церкви Бориса и Глеба в Кидекше // КСИА. Вып. 255. С. 287–307.
- Сиренов А. В., 2011. Древнерусский некрополь г. Владимира в XVI–XVII вв. по материалам описей древних гробниц // АВСЗ. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 165–170.
- Тимофеева Т. П., 2016. Неопубликованная работа А. Д. Варганова «Исследование изначальных форм церкви Бориса и Глеба 1152 г. в селе Кидекше, близ Суздаля» (1951 г.) // Суздальский сборник за 2015 год. Владимир. С. 110–118.
- Тимофеева Т. П., 2018. Успенский собор во Владимире. Т. I. Владимир: ГВСМЗ. 214 с.
- Тимофеева Т. П., 2019. Гробница из Рождественского монастыря в соборании ГВСМЗ // АВСЗ. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 153–168.

Т. P. Timofeeva

TO THE QUESTION OF FUNERARY ARCOSOLIA IN THE CHURCH OF BORIS AND GLEB IN KIDEKSHA

Summary. The article questions the synchronicity of the arcosolium of the Church Boris and Gleb in Kideksha and the church itself, and provides arguments for their carving into the finished wall.

Keywords: Boris and Gleb Church in Kideksha, arcosolium, Varganov A. D., Sedov V. V., Christmas Cathedral in Suzdal, St. George's Cathedral in Yuriev-Polsky.

Н. А. Баранов

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОНЕТНЫЕ ВЕСЫ ИЗ КОСТИ И ПЛОТНОГО РОГА ИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ В г. СУЗДАЛЬ

Резюме. В данной работе публикуются находки средневековых монетных балансиров из кости и плотного рога, обнаруженные в ходе исследований в Суздале в 1982, 1988, 2009–2011 гг.

Ключевые слова: г. Суздаль, средневековая материальная культура, монетные балансиры из кости и плотного рога.

Костяные монетные весы в древнерусской археологии остаются малоисследованным компонентом средневековых денежно-весовых систем. Незначительное количество специализированных исследований данных артефактов обуславливает необходимость настоящей работы, вводящей в научный оборот комплексы находок метрологических¹ приборов из Суздаля.

Костяные монетные весы, подобно их аналогам из металла, состояли из двух основных компонентов: корпус и балансир («рычаг, коромысло»), одна сторона которого оформлена в виде небольшой прямоугольной «лопаточки». Соединение деталей происходило посредством металлического штифта (Майко, 2023. Рис. 1). Как свидетельствуют материалы средневекового Азака, противоположный от «лопаточки» конец балансира иногда снабжался свинцовыми штифтами-противовесами – вероятно, для точной калибровки под конкретный монетный номинал (Гончаров, 2024. С. 270). Также на краю одной из частей корпуса нередко высверливалось сквозное отверстие для подвешивания (Тропин, Гончаров, 2016. Рис. 1), хотя встречаются поделки, которые подобного отверстия не имеют. Вероятно, для хранения таких изделий могли использовать специальные кожаные футляры.

В отечественной научной литературе монетные весы иногда называют «рычажными» или «коромысловыми весами» (Волков, 1991. С. 178).

Основной принцип работы с таким измерительным инструментом заключается в установлении равновесия или баланса между взвешиваемым предметом (монетой)

¹ Метрология (от греч. Μέτρον «мера» + λόγος «мысль; причина») – наука об измерениях, методах и средствах обеспечения их единства и способах достижения требуемой точности.

и противовесом. В связи с этим суждение, высказанное в статье Н. А. Тропина и Е. Ю. Гончарова, что точнее будет называть такие находки «балансирами» или, на западноевропейский манер, «монетными балансирами» (англ. «coin balance») (MacGregor, 1985. P. 128, 129), кажется более достоверным (Тропин, Гончаров, 2016. С. 225).

В сложенном положении балансир полностью входит в вырезанный паз в корпусе, что предохраняет его от механических повреждений.

Основной функцией этих инструментов была проверка монет, обладавших определенным весом. Фальшивые или маловесные монеты соскальзывали при взвешивании, а монеты с необходимым весом оставались на месте.

Так как все найденные в Суздале предметы представляют собой только часть монетных весов или их заготовки, определение весового стандарта, под который они изготавливались, не представляется возможным.

Археологические исследования суздальского культурного слоя выявили восемь предметов, относящихся к категории костяных монетных весов. В состав находок входят: три фрагмента корпусов, два балансира и три заготовки.

Территориально материалы распределяются следующим образом (рис. 1):

1) четыре экземпляра обнаружены в ходе работ М. В. Седовой на территории Суздальского кремля в 1982 и 1988 гг. (рис. 2: 3, 4, 6, 7);

2) два артефакта найдены А. Н. Федориной при исследовании Окольного города в 2009 и 2011 гг. (рис. 2: 5, 8);

3) два предмета выявлены О. А. Несмиян на территории неукрепленных посадов в 2010–2011 гг. (рис. 2: 1, 2).

Сырьем для изготовления служил как плотный рог семейства оленьих (рис. 2: 1), так и трубчатые кости крупных копытных млекопитающих (рис. 2: 2–8)².

Особый интерес представляет фрагмент прямоугольного корпуса монетных весов, обнаруженный в переотложенном состоянии среди материалов XVIII в. (Несмиян, 2012. С. 29) (рис. 2: 1). Корпус отличается высоким качеством художественной обработки – его поверхность украшена выступающим рельефным орнаментом, состоящим из поясков с проточенными горизонтальными линиями или желобками. Одна сторона предмета стилизована в виде треугольника, вершина которого имеет завершение в виде трехчастной розетки (возможно, растительный орнамент). Размеры предмета: длина – 5,8 см, высота – 1,72 см, толщина – 0,79 см.

Технико-технологические характеристики изделия свидетельствуют о высоком мастерстве костореза и принадлежности предмета к престижной категории метрологического инструментария. Аналогии подобной находке в настоящее время обнаружить не удалось.

Обломки еще двух корпусов от весов происходят из раскопок М. В. Седовой (Седова, 1983. С. 71, 73; 1989. С. 37) (рис. 2: 3, 4). Оба предмета характеризуются вытянутой прямоугольной формой, но демонстрируют различные декоративные решения:

1) первый экземпляр украшен системой парных и одиночных кружков (циркулярный орнамент);

² Определение видового состава находок было проведено археозоологом О. С. Лебедевой совместно с автором статьи.

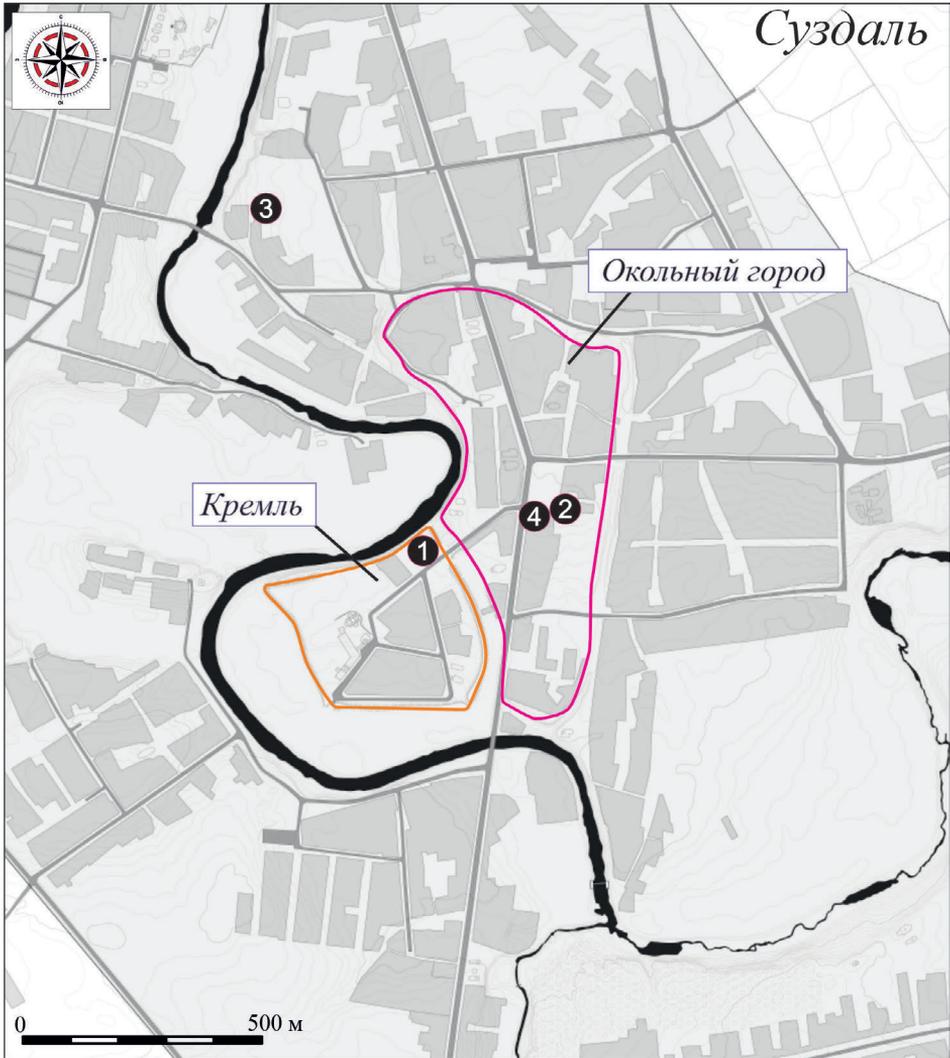

Рис. 1. Карта Суздаля с указанием мест обнаружения монетных балансиров.
1 – М. В. Седова, 1982, 1988 гг.; 2 – А. Н. Федорина, 2009 г.; 3 – О. А. Несмиян, 2010–2011 гг.;
4 – А. Н. Федорина, 2011 г.

2) второй не орнаментирован, но имеет технологические отверстия – на его внешней стороне расположены два глухих сверления, выполненных друг за другом. Эта особенность может свидетельствовать либо о вторичном использовании предмета, либо о его функции в качестве заготовки.

Размеры находок: длина – 5,51–6,98 см, ширина – 1,31–1,61 см, толщина – 0,61–0,77 см. Диаметр отверстия для крепления балансира – 0,17 см, диаметр глухих отверстий – 0,4 см.

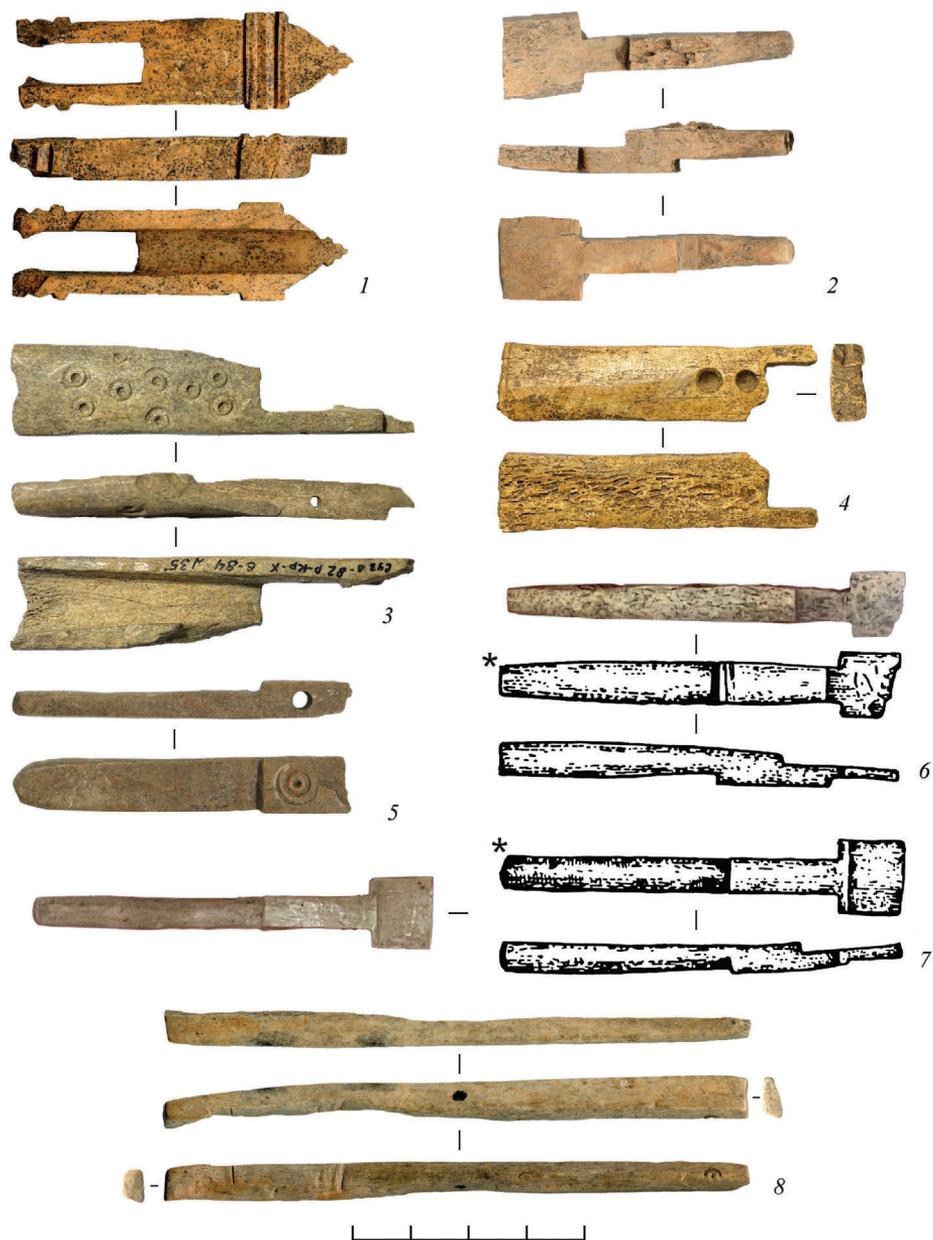

Рис. 2. Монетные весы (монетные балансиры). 1, 3, 4 – корпус; 5, 8 – балансир; 2, 6, 7 – заготовка балансира. 1 – О. А. Несмиян, 2010–2011 гг., № 177; 2 – О. А. Несмиян, 2010–2011 гг., № 901; 3 – М. В. Седова, 1982 г., № 35; 4 – М. В. Седова, 1988 г., № 117; 5 – А. Н. Федорина, 2009 г., № 189; 6 – М. В. Седова, 1988 г., № 119; 7 – М. В. Седова, 1988 г., № 108; 8 – А. Н. Федорина, 2011 г., № 192

* – иллюстрации взяты из монографии М. В. Седовой (Седова, 1997. Рис. 70)

Тремя заготовками балансиров представлены находки, происходящие из раскопок О. А. Несмиян (*Несмиян*, 2012. С. 72) и М. В. Седовой (*Седова*, 1989. С. 48, 59) (рис. 2: 2, 6, 7). Эти артефакты происходят из смешанных культурных слоев, содержащих материалы как средневекового периода, так и нового времени.

К заготовкам они были отнесены по той причине, что у всех трех отсутствует центральное сквозное отверстие для установки металлического штифта. Если сомнений не вызывает грубость формы и незаконченность артефакта из исследований О. А. Несмиян 2010–2011 гг., то две другие заготовки из раскопок М. В. Седовой кажутся вполне законченными. Размеры предметов: длина – 6,9–7 см, общая ширина – 0,73–1,49 см, толщина – 0,3–0,76 см.

Обломок балансира также найден в ходе раскопок 2009 г. под руководством Н. Н. Федориной в культурном слое, содержащем разновременный материал (*Федорина*, 2010. С. 38, 39) (рис. 2: 5). Ранее эта находка была опубликована С. В. Шполянским в сборнике «Города и весы средневековой Руси...» (*Шполянский*, 2015. С. 207. Рис. 4: 19). Она представляет собой часть противовеса с округлым завершением и сквозным отверстием для крепления, украшенная одиночным кружковым орнаментом. Размеры предмета: длина – 5,67 см, ширина – 0,92 см, толщина – 0,43–0,63 см. Диаметр сквозного отверстия – 0,31 см.

Последняя находка весьма примечательна своей формой. Она была обнаружена в 2011 г. на раскопках, проходивших под руководством Н. Н. Федориной, в яме 23 – крупном подполье, датированном по сопутствующему материалу XIV–XV вв. (*Федорина*, 2013. С. 69) (рис. 2: 8). Это довольно грубо сделанная поделка, вероятно, изготовленная из пришедшей в негодность рукояти. На вторичное использование материала указывают остатки кружкового орнамента, сохранившиеся на одной из сторон. Найдена имеет вытянутую прямоугольную форму и трапециевидное сечение. Одна часть предмета несет на себе следы грубой подрезки и пропиливания, образуя овальное углубление, куда, видимо, клался взвешиваемый предмет. В центральной части сделано сквозное крепежное отверстие. Размеры: длина – 10,13 см, ширина – 0,62 см, толщина – 0,39 см, диаметр отверстия – 0,17 см.

Появление первых костяных монетных балансиров фиксируется со второй половины XIII в. на территории Крымского полуострова. В. В. Майко связывает этот факт с началом обращения джучидских монет в этом регионе (*Майко*, 2023. С. 172). К. А. Руденко подчеркивает, что костяные монетные весы становятся характерным атрибутом золотоордынской материальной культуры XIII–XIV вв., встречаясь на большинстве нижневолжских городищ этого периода (*Руденко*, 2005. С. 73). Подобные весы, а также мастерская по их изготовлению были встречены в ходе исследований средневекового Азака в слое XIV в. (*Гончаров*, 2024. С. 270–272).

На территорию Руси эта категория артефактов проникает во второй половине XIV в. благодаря взаимодействию с Золотой Ордой (*Милованов*, 2017. С. 85), где также изначально сырьем для их изготовления служила животная кость (*Волков*, 2003. С. 40).

Монетные весы из животной кости, хотя являются редкой находкой на средневековых памятниках Древней Руси, встречены в слоях не только крупных городских памятников, таких как Переславль Рязанский (*Судаков*, 1996. С. 133. Рис. 5), Смоленск

(Асташева, 1993. С. 73, 74), Коломна (Самошин и др., 2005. С. 75, 76), Нижний Новгород (Грибов и др., 2023. С. 313–315) и т. д., но и на сельских поселениях – таких как Цельковка-2 (Тропин, Гончаров, 2016. С. 224, 225).

Находки монетных балансиров из животного сырья в Суздале свидетельствуют о том, что на территории города и его посадской части в XIV–XV вв. продолжался товарообмен – в том числе с использованием имевших хождение денежных единиц. Обнаружение аналогичного артефакта в Елецкой округе позволяет предположить вовлеченность в этот процесс не только крупных городских центров, но и окружающих сельских поселений. Кроме того, выявление заготовок балансиров (находки М. В. Седовой 1982 и 1988 гг.) и их грубые подражания (находки А. Н. Федориной 2011 г. и О. А. Несмиян 2010–2011 гг.) могут указывать на нерегулярный или ситуативный характер производства этих измерительных инструментов. Так как в настоящее время следов регулярной деятельности косторезов в Суздале после XIII–XIV вв. не зафиксировано (Баранов, 2024. С. 249–264), не стоит исключать, что какая-то часть находок могла попасть в город в качестве товара из других городов.

Литература

- Баранов Н. А., 2024. Пространственное распределение отходов косторезного ремесла в Окольном городе Суздаля (по материалам раскопок 2011–2017 гг.) // КСИА. Вып. 274. С. 249–264.
- Волков И. В., 1991. Атрибуция нескольких вещей из золотоордынского Азака // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М. С. 174–181.
- Волков И. В., 2003. Средневековые монеты с селища Могутово-2 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (12). С. 35–43.
- Гончаров М. Ю., 2024. Косторезное производство Азака по материалам из раскопок по ул. Лермонтова, 27 и Петровскому бульвару, 5 и 7 в г. Азове в 2012–2013 гг. // Археология Евразийских степей. № 3. С. 269–277.
- Грибов Н. Н., Свиридов А. Н., Сидоренко А. Е., 2023. Комплекс с монетными весами из Нижнего Новгорода // КСИА. Вып. 270. С. 306–319.
- Майко В. В., 2023. Монетные костяные весы из раскопок средневековой Сугдеи // «ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка». X Международный нумизматический симпозиум (Судак, 2–6 октября 2023 г.): материалы науч. конф. / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: АРИАЛ. С. 169–174.
- Милованов С. И., 2017. Боголюбовское городище по итогам археологических исследований второй половины XX – начала XXI в. // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 78–89.
- Руденко К. А., 2005. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды): материалы II Всерос. конф. «Поволжье в средние века». Казань. С. 84–105.
- Самошин С. И., Мазуров А. Б., Сыроватко А. С., 2005. Средневековые монетные гирички и весы из раскопок в Коломне // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 75–77.
- Седова М. В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир. 235 с.
- Судаков В. В., 1996. Изделия из кости из Переяславля Рязанского // Археологические памятники Окского бассейна: в честь 135-летия со дня рождения выдающегося русского археолога В. А. Городцова. Рязань. С. 159–186.

- Тропин Н. А., Гончаров Е. Ю.*, 2016. Монетные костяные весы из раскопок Елецкой округи // Древности Поочья: сб. науч. работ к 60-летию В. В. Судакова. Рязань: РИАМЗ. С. 224–230.
- Шполянский С. В.*, 2015. Датированные находки второй половины XIII – первой половины XV в. из Суздаля и селищ Суздальского Ополя (по материалам археологических исследований последних лет) // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера. С. 199–212.
- MacGregor A.*, 1985. Bone antler ivory and horns. The technology skeletal materials since the roman period. London: Croom Helm, Barnes & Noble. 245 p.

Архивные материалы

- Несмиян О. А.*, 2012. Отчет об археологических исследованиях в городе Суздале, улица Слободская, 47–49 в 2010–2011 гг. // Архив ИА РАН. № 30726–30728.
- Седова М. В.*, 1983. Отчет о работе Владимиро-Суздальской экспедиции в 1982 г. // Архив ИА РАН. № 9084.
- Седова М. В.*, 1989. Отчет о раскопках в г. Суздале в 1988 г. // Архив ИА РАН. № 14100.
- Федорина Н. Н.*, 2010. Отчет о результатах охранных археологических работ в г. Суздале Владимирской области по адресу Торговая площадь 2б в 2009 г. // Архив ИА РАН. № 37336.
- Федорина Н. Н.*, 2013. Отчет о проведении охранных археологических исследований по адресу г. Суздаль, ул. Ленина, д. 76 в 2011 г. // Архив ИА РАН. № 35841.

Сведения об авторе

Баранов Николай Анатольевич, ИА РАН;
e-mail: dr.till2011@yandex.ru

N. A. Baranov

MEDIEVAL COIN SCALES MADE OF BONE AND DENSE HORN FROM THE RESEARCHES IN SUZDAL

Summary. This work publishes the findings of medieval coin balancers made of bone and dense horn, discovered during research in Suzdal in 1982, 1988, 2009–2011.

Keywords: Suzdal, medieval material culture, medieval coin balancers made of bone and dense horn.

С. В. Томсинский

УГЛИЧСКИЕ СМАЛЬТЫ

Резюме. Статья уточняет интерпретацию находок смальт вне архитектурного контекста в Угличе и антропогенных отложений XI–XIII вв. других городов Древней Руси.

Ключевые слова: Углич, города Древней Руси, смальта.

Публикуя в свое время находки двух кубиков смальты из материалов раскопок в Угличском кремле 1994 и 2002 гг., мы констатировали их уникальность для одного из «малых городов» Древней Руси, весьма отдаленного от крупных центров древнерусского социума, где возводились кафедральные и монастырские соборы с мозаичными композициями (Томсинский, 2004. С. 212–213; 2018. С. 119–122). Отсутствие на тот период достоверных данных об аналогичных находках в антропогенных отложениях других памятников вне архитектурного контекста привело нас к *поверхностному* заключению, что «это – реликвии, принесенные в город на Верхней Волге из Киева кем-то, побывавшим на строительной площадке тамошних храмов или – что менее вероятно – в мастерской мозаичистов, поскольку трудно представить себе паломника, выковыривающего смальту из стены собора» (Там же. С. 122). Собственные ошибки исправлять всегда труднее, чем полемизировать с оппонентами – однако, именно исправление собственных ошибок всегда стоит дороже побед в любой полемике. Посему предлагаем вниманию благосклонного читателя *correctio erroris*, ибо за шесть лет, прошедших со времени последней публикации, в которой упомянуты угличские смальты, такие данные о находках смальт вне храмов появились. Знакомство с другими археологическими источниками и более внимательное прочтение источников письменных заставляет пересмотреть наши выводы, признав, что, во-первых, угличские смальты – далеко не эффектный уникум в материалах раскопок древнерусских городов, а во-вторых, эти предметы, как и прочие предметы культа, попадающие в поле зрения археологов, весьма выразительно характеризуют первый период утверждения христианства в Древней Руси.

Итак, обратимся к археологическим источникам, отразившим бытование смальты в Древней Руси вне архитектурного контекста, и начнем с повторения характеристики тех самых угличских находок.

Рис. 1. Смальты из материалов раскопок Угличского кремля

Смальты были обнаружены в антропогенных отложениях восточной части мысовой площадки кремля, где с X в. располагался княжеский двор. Кубик золотого набора (фон или нимб) происходит с участка раскопа 9 1994 г. (рис. 1: *a*); светло-голубой кубик – с участка раскопа 19 2002 г. (рис. 1: *б*). Оба предмета залежали вне остатков каких-либо сооружений, но в не потревоженном перекопами слое, формирование которого отнесено нами к 11 ПА (периоду активности), датированному XI в., на мысовой площадке Угличского кремля. Хронологическими реперами этого периода стали желтые бусы-лимонки и вислая печать князя Мстислава Владимировича Великого с изображением св. Федора Стратилата и Прощетшего Креста (*Томсинский, 2004; 2018. С. 119*). Более конкретной информации об угличских смальтах и их возможной принадлежности материалы наших раскопок не содержат.

Поиски аналогий угличским находкам в 1990-е и в начале 2000-х гг. значительно затруднялись отсутствием упоминаний о смальтах вне архитектурного контекста в публикациях материалов раскопок древнерусских городов: занимаясь весьма трудоемким анализом представительных коллекций материалов раскопок, исследователи просто не придавали значения этим предметам. Ситуация изменилась с появлением Государственного каталога МК РФ, в котором собирается информация о музейных собраниях. Сейчас мы можем с достаточной степенью достоверности констатировать, что «внеархитектурные» смальты обретенны в культурном слое всех крупных центров Древней Руси на территории Волго-Окского междуречья. Во **Владимире** фрагмент кубика синей смальты происходит с участка раскопа 1994 г. в Торговых рядах (Владими́ро-Сузда́льский музей. МАП-15/113). В **Ростове** миниатюрный осколок смальты был обнаружен в процессе раскопок 1955–1956 гг. в северо-восточной части Митропольичего сада (Ростовский музей-заповедник. АДМ-1676). В этом контексте не удивляет присутствие двух кубиков смальт и в коллекциях материалов раскопок **Белоозера**, хранящихся в ГИМ (ГИМ. 83205/424; 83485/58). Причем в публикации результатов длительных исследований Л. А. Голубевой эти предметы не представлены (*Голубева, 1973. С. 177–184*). Наконец, обнаружены смальты и в антропогенных

отложениях **Москвы** (Музей Москвы. АРХ-59984; Московский музей-заповедник. Я-985-501). Таким образом – еще раз подчеркнем – угличские смальты, увы, оказались отнюдь не уникалом в своем роде, как мы недавно полагали. Соответственно, можно уверенно утверждать, что практика перенесения кубиков смальты как реликвий, *res sacra*, за многие сотни километров от храмов, в которых находятся мозаичные композиции, получила в Волго-Окском междуречье достаточно широкое распространение. Более того, появляются все основания предполагать, что и по всей территории Древней Руси дело обстоит так же. И материалы раскопок древнерусских городов в других регионах вполне подтверждают это предположение.

Наиболее выразительная картина распространения «внеархитектурных» смальт в антропогенных отложениях древнерусского города зафиксирована раскопками в **Новгороде, на Рюриковом городище и Старой Русе**. По данным В. П. Макаровой, на раскопах Софийской стороны Новгорода – т. е. на усадьбах горожан и на улицах – обнаружено более 300 смальт и около 200 – в самом Софийском соборе (*Макарова*, 2019. С. 101). На Рюриковом городище «68 тессер и фрагментов из смальты, обнаруженных при раскопках церкви Благовещения, – это более трети от всего количества смальты, найденной в раскопках на территории Городища в целом» (Там же. С. 104). Наконец, в Старой Русе пока обнаружен *один* фрагмент смальты – в 2009 г. на территории одной из городских усадеб, и этот предмет В. П. Макарова признает «сувениром», привезенным из Новгорода (Там же. С. 101). Таким образом, можно уверенно утверждать, что подавляющее большинство смальт в Новгороде происходит из Софийского собора – главной святыни не только города, но и всей огромной территории, контролируемой новгородцами. Объяснение столь массовому изъятию смальты из архитектурного контекста в данном случае предельно простое. Характеризуя мозаики Софийского собора, Г. М. Штендер отмечал крайне низкое качество цементного раствора, в котором крепились смальты: «В найденных плитах сохранившаяся смальта выпадает от малейшего прикосновения» – в то время как смальты церкви Благовещения на Городище крепко сидели в растворе (Там же. С. 161). Проще говоря, посаженные по неизвестным причинам на слабый раствор смальты Софийского собора активно «сыпались» и подбирались клириками. Церковь же Благовещения, возведенная в 1103 г., была разрушена перед сооружением нового храма в 1342–1343 гг. – надо полагать, именно тогда часть смальты и была разобрана обитателями княжеской резиденции.

Итак, в Новгороде смальты, изъятые из архитектурного контекста, никак не могут быть признаны реликвиями «дальнего» паломничества – разве что смальта из Старой Русы, но это все-таки «ближнее» паломничество. Здесь распространение смальт как реликвий стало одним из материальных проявлений особой связи новгородцев с главной святыней города, укрепляющей единство православной общины горожан. Тем более, что соборное духовенство в данном случае явно было причастно к попаданию смальты на новгородские усадьбы, поскольку мозаики, из которых могли выпадать смальты, находились в алтарной части храма. Полагаем, коллеги, изучающие древности Новгорода, еще обратятся к этому сюжету, хотя письменные источники и не содержат конкретной информации на сей счет.

Скорее всего, из Новгорода смальты как реликвии попадали в **Псков**, коль скоро сложные отношения псковичей с Новгородом никак не мешали почитанию

новгородских святынь. Смальты обнаружены в антропогенных отложениях на участках раскопов у Приказных палат 1992 г. (Псковский музей-заповедник. КП32163/167), на Романовой горке 1990 и 1993 гг. (Псковский музей-заповедник. КП 33163/469, 34020/24), на Покровских раскопах 2002 и 2003 г. (Псковский музей-заповедник. КП31384/143, 34384/132, 34780/69), на Ленинском раскопе 1984 г. (Псковский музей-заповедник. КП 34524172) и в шурфе у Поганкиных палат 1982 г. (Псковский музей-заповедник. КП 37458/6). Впрочем, в данном случае нельзя полностью исключить и южное происхождение некоторых из этих *res sacra*, поскольку псковские паломники могли добираться и наверняка добирались и до Киева.

Распределение находок смальт вне архитектурного контекста в Новгороде, на Рюриковом городище, Старой Русе и Пскове представляется нам очень выразительным еще и потому, что эти находки не позволяют предполагать возможное использование фрагментов мозаичных наборов как сырья в производстве стекла, равно как и в каком-либо ином ремесленном производстве. Смальты обнаружены в ареалах усадебной застройки, и нет решительно никаких оснований утверждать, что обитатели новгородских, городищенских или псковских усадеб, на территории которых или рядом с которыми сделаны эти находки, были стеклоделами. Разумеется, мы не рискуем утверждать, что где-то и когда-то смальты не могли попасть и в печи стеклоделов – но такая ситуация представляется нам исключением, которое всегда подтверждает правило. Что касается производства украшений или иных предметов со стеклянными вставками, то эти *res sacra*, очевидно, могли вставляться в оправы для ношения на шею либо, наконец, могли попасть на иконный оклад.

Еще одним крупным городом, в котором археологически зафиксированы «внеархитектурные» смальты, оказывается **Смоленск** (Смоленский государственный музей-заповедник; СОМ 13259/428. 11694/84), притом, что ни один из исследованных Н. Н. Ворониным и П. А. Раппопортом смоленских храмов XII–XIV вв. не был украшен мозаичными композициями (*Воронин, Раппопорт, 1979*). В Смоленск смальты явно попадали с юга, скорее всего, из Киева.

Мы пока не располагаем достоверными данными о «внеархитектурных» смальтах на огромной территории Среднего Поднепровья, равно как в Галицко-Волынской и Полоцкой землях – это темы самостоятельных исследований коллег, изучающих древности данных регионов, – однако по крайней мере на одном памятнике, материалы которого сейчас активно вводятся в научный оборот, практика превращения кубиков из мозаичных наборов в реликвии надежно археологически документирована. Речь идет о Большом Шепетовском городище (Изяславль), представляющем собой остатки одной из волынских крепостей, уничтоженных со всем населением зимой 1241 г. В 2024 г. в процессе разборки коллекции материалов раскопок этого широко известного памятника среди фрагментов стеклянных браслетов и бус было выявлено два кубика смальты. Первый, темно-синего цвета, залегал вне зафиксированных раскопками остатков построек и скоплений останков погибших защитников города. Второй кубик, полупрозрачного небесно-голубого стекла, был обнаружен при разборке комплекса 29, который представлял собой санитарное захоронение останков 8 убитых горожан в котловане небольшой сгоревшей постройки с пониженным уровнем пола. В котлован прямо на находившиеся в постройке на момент разрушения бытовые предметы были тщательно уложены – по периметру стенок – части тел,

расчлененных и уже подвергшихся разложению, надо полагать, с остатками зимней одежды. Смальта находилась рядом с одним из остяков, выше уровня дна котлована, что, разумеется, не дает основания полагать принадлежность именно этому субъекту, но дает все основания предполагать ношение этого предмета при себе, а скорее всего – на себе, очевидно, в ладанке кем-то из здесь погребенных. Таким образом, материалы раскопок Большого Шепетовского городища подтверждают выдвигаемое нами предположение относительно принадлежности «внеархитектурных» смальт реликвиям, бережно хранимым владельцами и перемещавшимся вместе с ними иногда на огромные расстояния: от Шепетовки до Киева, ближайшего города, где можно было обрести смальту, – около 300 км, до Чернигова и Переяславля Русского – и того дальше. Впрочем, смальты с Шепетовского городища вполне могли принадлежать и выходцам из того же Киева, попавшим в волынскую крепость как беженцы.

Было бы очень соблазнительно картографировать перечисленные выше находки, коль скоро картографирование представляется обязательным элементом реконструкций отдаленного прошлого по материалам археологических исследований. Однако в данном случае составление карты кажется нам преждевременным. Во-первых, на этой карте с неизбежностью будут зиять огромные лакуны, которые еще предстоит заполнить исследователям. Во-вторых, общая тенденция в распространении «внеархитектурных» смальт и без карты достаточно отчетлива, благо среди упомянутых больших и малых древнерусских городов и нет ни одного не известного исследователям.

Итак, «внеархитектурные» смальты в материалах раскопок древнерусских городов, в том числе и Углича, свидетельствуют о распространении по всей территории Древней Руси устойчивой религиозной практики, материализовавшей связь верующих с наиболее почитаемыми храмами, ставшими святынями для всего древнерусского социума. Смальты-реликвии как частицы святыни освященного и посвященного Богу храма могли оставаться только реликвиями. Напомним, что религиозными практиками признается совокупность интерпретаций и действий, совершаемых людьми в связи с их религиозными верованиями, опытом и/или их взаимодействием с религиозными институтами. Религиозные практики любой конфессии, как известно, могут противоречить канонам – и существуют с канонами (Панченко, 2002. С. 66–67). Чтобы понять, насколько значимой была в Древней Руси эта практика, нам придется обратиться к письменным источникам, а именно к памятникам древнерусского церковного права, поскольку право всегда прецедентно.

Самым важным для нашей темы письменным источником оказывается Церковный Устав св. князя Владимира Святославича, сохранившийся до наших дней в многочисленных списках XIV–XVII вв. Канонический авторитет этого Устава был подтвержден Стоглавым Собором. Относительно времени появления Устава историки Церкви не пришли к единому мнению, но, во всяком случае, большинство исследователей не сомневались в том, что это памятник домонгольского периода, восходящий к XI в., хотя некоторые относили основу Устава к XIII и даже XIV в. (Древнерусские княжеские уставы. 1976. С. 12; Голубинский, 2002. С. 408). Так или иначе, Устав фиксирует представления его составителей об особом статусе утвердившейся после крещения важнейшей религиозной институции – Церкви. Религиозные институции «суть устанавливаемые и поддерживаемые обществом официальные формы религиозной

жизни. Соответственно этому одна из главных характеристик религиозных институций – их претензия на социальный контроль» (Панченко, 2002. С. 67). Социальный контроль оформляется прежде всего учреждением церковного суда, полномочия которого определяет 9-я статья Устава. Церковные юридические нормы, принимаемые собором епископов, становятся каноном, обязательным и для мирян, и для духовенства. Но, как резонно отметил А. Е. Мусин, «каноны и толкования к ним на то и писались, чтобы утвердить церковную норму в условиях, когда сама эта норма или постоянно нарушалась, или просто не существовала» (Мусин, 2016. С. 84).

Итак, в 9-й статье Устава присутствует целая толпа нарушителей канонов. Здесь и церковный тать, и мародер, грабящий погребенных, и некто, загоняющий в церковь скотину и собак «без нужды», и разномастные блудники – от кровосмесителей до скотоложцев, и дети, побивающие родителей; наконец, еретики и язычники, упорно молящиеся «под овином» и «у воды». Присутствуют здесь и святотатцы, которые «крест посекут», т. е. злонамеренно низвергнут символ утверждения христианства. Но есть и другие святотатцы, которые как будто не являются ни еретиками, ни язычниками, но, тем не менее, причиняют посвященным Богу храмам немалый ущерб. Это они «на стѣнах режут» и «на стѣнах трѣски емлют и с кр(е)ста» (Древнерусские княжеские уставы. 1976. С. 31). Те, кому был адресован Устав, хорошо понимали, о чем идет речь, поскольку кодекс церковного права зафиксировал реалии исторической действительности периода его составления и объяснять пастве цели «резаний на стенах» и изъятия «тресок» не требовалось. Однако потомкам потребовались уточнения и разъяснения, ибо они уже не наблюдали историческую действительность XI в. во всем многообразии. Комментируя Устав, Е. Е. Голубинский констатировал: «Что значит “на стенах трески (щепы) емлют и из креста”, или “на стенах режут”, остается для нас не совсем понятным» (Голубинский, 2002. С. 625). Позднее в «режущих на стенах» были уверенно опознаны авторы сохранившихся на стенах каменных храмов надписей и рисунков различного содержания. Относительно же изъятия из церковной стены «тресков» никаких предположений, насколько нам известно, не высказывалось, во всяком случае археологами.

В деревянных храмах, которые решительно преобладали над каменными, вожде-ленными «тресками» в самом деле могли быть и, несомненно, были именно щепки. А в каменных храмах, украшенных фресками и мозаиками, «тресками» становились прежде всего кусочки фресковой штукатурки – и смальты, поскольку таковые оказывались доступны «емцам». В Печерской редакции Устава сказано: «или на стѣне ц(е)рковной вылупить треску» (Древнерусские княжеские уставы. 1976. С. 74). У В. И. Даля находим: «*Не лупи стѣны (отлупить), не колупай, не ковыряй обелки или штукатурки*» (Даль, 1865. С. 220).

Статья 9 Устава св. князя Владимира Святославича определенно свидетельствует о том, что составители Устава были весьма озабочены подобными деяниями. Какое именно наказание налагал церковный суд на эту группу святотатцев, в Уставе не сказано, но можно полагать, что достаточно серьезное. Однако широкое распространение в Древней Руси надписей и рисунков граффити самого различного содержания, авторами которых были в том числе и священнослужители, демонстрирует тщетность попыток Церкви пресечь эти религиозные практики: и «резали» на стенах, и «ковыряли» стену. Можно уверенно утверждать, что в случае с «резанием» на стенах

сложилась известная ситуация: невозможность пресечь процесс определила негласную его легализацию. В случае с изъятиями частиц из стен храмов и крестов такое предположить, конечно, трудно: клирикам оставалось только карать нарушения церковного законодательства, если они совершались в храме молящимися и становились явными – и самим принимать участие в этой религиозной практике, если эти самые частицы святыни отделялись не в результате действий человека. Именно таким казусом должно было стать выпадение смальт из наборов мозаичных композиций.

Таким образом, рассуждая об изъятиях смальт из архитектурного контекста, можно гипотетически предусмотреть три возможных варианта этих казусов.

1. Похищение смальты кем-то из молящихся в храме или похищение смальты кем-то из клира. Первая ситуация нам по-прежнему представляется маловероятной, учитывая местоположения мозаичных композиций в храмах XI–XII вв.: алтарь, купол, паруса, триумфальная арка. А вот вторая ситуация очень даже не исключена, поскольку и священнослужители склонны были периодически нарушать каноны.

2. Попадание в руки представителя клира – от настоятеля храма до дьячка, пономаря и проскурницы – единичных или немногочисленных смальт, выпавших по той или иной причине из набора, в т. ч. и с большой высоты – из купола или парусов. В последнем случае смальта должна была получить крупные сколы, которые, кстати, и присутствуют на смальтах из Углича и Шепетовского городища – впрочем, эти сколы могут иметь и другое происхождение, о чем будет сказано ниже. Во всяком случае, овладевший смальтой тем или иным способом представитель клира просто вынужден был в дальнейшем распорядиться обретенной реликвией по своему усмотрению, ибо возвращение смальты на место было исключено. И в том, и другом случае владелец смальты – представитель клира – мог либо оставить этот *res sacra* себе, либо вручить реликвию тому, кого считал того достойным: родственнику или другу, паломнику высокого статуса, представителю духовенства, отправляющемуся на служение в дальние края, и т. д.

3. Массовая раздача представителями клира смальт из наборов при разрушении последних или даже полной разборке храма, украшенного мозаичными композициями, – случай, видимо, все же исключительный (казус Новгорода и Городища).

Однако вернемся, наконец, к угличским смальтам. Как нам уже приходилось отмечать, находки этих предметов оказываются особо значимыми, ибо намечают еще одну линию южных связей этого города, прослеживаемых уже в начальном периоде его существования. Либо кто-то из обитателей княжеского двора отправился в паломничество именно к святыням Киева или Чернигова, либо, что более вероятно, в Угличе оказался выходец из южных регионов, возможно, и представитель духовенства, захвативший с собой дорогие реликвии. В XI в. до торжества христианства в Волго-Окском междуречье было еще очень далеко, и именно с юга приходили в этот обширный регион первые просветители, церковные иерархи и приходское духовенство. Город Угличе Поле вряд ли представлял собой исключение. Не приходится сомневаться, что, если бы П. П. Толочко в процессе написания для юбилейного сборника, посвященного Н. А. Макарову, статьи, в которой с пафосом провозгласил «вырастание северо-восточной Руси из южной», знал о находках смальт в Угличе и других городах Волго-Окского междуречья, он бы обязательно подчеркнул этот факт (Толочко, 2015. С. 35). Но – Петр Петрович не знал.

Остается попытаться конкретизировать *возможные обстоятельства потери* угличских смальт, ибо выпадение в антропогенные отложения поселения каждого особо значимого для владельца (не просто «ценного»!) предмета определенно свидетельствует о неких экстремальных обстоятельствах, не позволивших найти потерянное. Тем более, что владелец смальт, обитавший на княжеском дворе, кто бы он ни был, явно мог подключить к поискам потерянного многих людей, с которых был жесткий спрос. Конечно, Углич – не Новгород и не Ростов с их «узкой хронологией» антропогенных отложений, установленной дендродатами. Однако стратиграфический статус этих находок намекает на какие-то весьма серьезные для обитателей княжеского двора в Угличе события, которые произошли в Верхнем Поволжье – следовательно, и в Угличе во 2-й половине XI в.

Судя по письменным источникам, XI в. для всего Волго-Окского междуречья был временем, мягко говоря, беспокойным. В середине второго десятилетия XI в. началась война сыновей Владимира Святославича, завершившаяся гибелью Бориса и Глеба Владимировичей и победой Ярослава Владимировича (ПСРЛ, 1846. С. 81–86; *Томсинский*, 2004. С. 158–159), которая не могла не затронуть основанный в середине X в. город Угличе Поле. Возможно, именно эти события маркированы в материалах раскопок на территории Угличского кремля находкой на участке раскопа 2001 г., на котором найден и один из кубиков смальты, серебряного тельника-энколпиона (*Томсинский*, 2002; 2018. С. 119, 121). Спустя 10 лет в Суздале разразился голод и произошли волнения, подавленные Ярославом Владимировичем, «установившим землю ту» (ПСРЛ, 1846. С. 87–88). Суздальская волость достаточно далеко от Углича, и у нас нет достоверных данных для уточнения ареала этого голода и волнений, но и полностью исключить возможность распространения оных и на Верхнее Поволжье нельзя, ибо сложно себе представить, что на суздальских псевдочерноземах случился неурожай, а одно из ополий в бассейне Верхней Волги Корожечны это бедствие почему-то миновало. В 1071 г. голод уже определенно затронул Верхнее Поволжье: два волхва, которые повели за собой мятежную толпу и с которыми расправился Ян Вышатич на устье Шексны, вышли из Ярославля (Там же. С. 99–100). Стало быть, Угличе Поле снова оказалось в конфликтной зоне. И наконец в самом конце XI в. в этом регионе происходят события, достаточно подробно описанные в летописи. Захват Изяславом Владимировичем Муром стал причиной вторжения в регион Олега Святославича, быстро продвинувшегося, захватывая чужие волости, до Верхнего Поволжья. Для нас в этом летописном тексте, многократно проанализированном поколениями историков, особый интерес представляет упоминание о посадении Олегом и Ярославом Святославичами своих посадников по городам, следовательно, и в Угличе – и, соответственно, изгнании прежней администрации. Однако посадники Олега Святославича продержались на своих местах очень недолго и были изгнаны наступавшим Мстиславом Владимировичем (Там же. С. 132–133). За летописным лаконизмом изложения происходящего – весьма динамичные события: захваты городов победителями, гибель людей, разграбление их имущества. Полагаем, именно во время этого конфликта и были потеряны в Угличском кремле смальты-реликвии, которые владелец уже не смог найти.

Смальты из Углича, как и смальты из коллекций материалов раскопок других памятников, обнаруженные вне архитектурного контекста, на наш взгляд,

представляют двойкий интерес. Во-первых, соотношение этих находок с текстом Устава Владимира Святославича выводит в поле зрения исследователей весьма значимую, хотя и не получившую по вполне объективным причинам столь широкого распространения, как ношение крестов или иконок из металла и камня, религиозную практику, утверждающую особый статус храмов в начальный период христианизации Древней Руси. Во-вторых, при соотношении с другими материалами раскопок в Угличском кремле эти находки свидетельствуют о том, что город Угличе Поле уже в первые столетия своего существования оказался вовлеченным в сложные процессы становления древнерусской культуры в Волго-Окском междуречье посредством связей с отдаленными регионами Древней Руси. Не приходится сомневаться, что дальнейшие исследования и внимательные разборы материалов раскопок XIX–XX вв. пополнят находки смальт вне архитектурных контекстов в антропогенных отложениях древнерусских городов.

Литература

- Воронин Н. Н. *Раппорт П. А.*, 1979. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.: Наука. 414 с.
- Голубева Л. А., 1973. *Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв.* М.: Наука. 216 с.
- Голубинский Е. Е., 2002. *История Русской Церкви. Период первый. Киевский или домонгольский период. Первая половина тома.* М.: Крутицкое патриаршее подворье. 968 с.
- Даль В. И., 1865. *Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 2.* М.: О-во любителей рос. словесности. 340 с.
- Древнерусские княжеские уставы. М.: Наука, 1976. 240 с.
- Макарова В. П., 2019. Мозаичная смальта XII в. из раскопок церкви Благовещения на Городище 1103 г. // *Архитектурная археология. № 1.* С. 100–105.
- Макарова В. П., 2017. *Находки мозаичной смальты из раскопок ц. Благовещения на Городище (XII в.). В 2016 г.: к вопросу о мозаичной смальте в Великом Новгороде и окрестностях // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 31. Материалы XXXI научной конференции, посвященной 85-летию археологического изучения Новгорода (Великий Новгород, 25–27 января 2017 г.). Великий Новгород. С. 158–163.*
- Мусин А. Е., 2016. *Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв.* СПб.: Петербургское востоковедение. 233 с.
- Панченко А. А., 2002. *Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект.* М.: Объед. гуманитар. изд-во. 543 с.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 1. *Лаврентьевская и Троицкая летописи.* СПб.: Археограф. комис., 1846. 267 с.
- Толочко П. П., 2015. *Из Киевского Поднепровья в Суздальское Ополье (конец XI – 40-е годы XIII в.) // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова.* М.; Вологда: Древности Севера. С. 24–35.
- Томсинский С. В., 2002. *Серебряный крестик-энколпион (из раскопок 2001 г. в Угличе) // Старая Ладога и ее соседи в эпоху средневековья.* СПб.: ИИМК РАН. С. 266–267.
- Томсинский С. В., 2004. *Угличе Поле в IX–XIII вв.* СПб.: Государственный Эрмитаж. 320 с.
- Томсинский С. В., 2018. *Комплексы X–XI вв. на северной оконечности мысовой площадки Угличского кремля по материалам раскопок 2001–2002 гг. // АВСЗ. Вып. 8.* М.: ИА РАН. С. 112–122.

Сведения об авторе

Томсинский Сергей Владимирович, Государственный Эрмитаж;
e-mail: s.tomsinsky@yandex.ru

S. V. Tomsinsky

UGLICH SMALTS

Abstract. The article clarifies the interpretation of smalt finds outside the architectural context in Uglich and anthropogenic deposits of the XI–XIII centuries. other cities of Ancient Russia.

Keywords: Uglich, cities of Ancient Russia, smalta.

С. В. Шполянский, О. А. Несмиян, В. Г. Несмиян

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ И КОСТЯНЫЕ НАКЛАДКИ ИЗ РАСКОПОК ПЛЕССКОЙ КРЕПОСТИ: К ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РУССКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Резюме. Одной из выразительных групп находок, собранных при раскопках городища средневекового Плеса, являются т. н. накладки. Речь идет о деталях поясов, конской сбруи, поясных сумок, других предметов, имевших как утилитарное, так и декоративное назначение. На территории городища найдено 59 накладок, большинство из них изготовлено из железа (41 предмет), гораздо меньше – из цветного металла (17), единственный предмет сделан из кости. Датировка вещей определяется сейчас в рамках середины / второй половины XIV – начала / первой трети XVI в., что соответствует времени активного формирования культурного слоя и функционирования застройки на городище. Обзор находок позволяет рассматривать, в частности, наборные пояса как органичную часть русской материальной культуры развитого и позднего средневековья так же, как и другие вещи, в оформлении и конструкции которых использовались накладки (конская сбруя, сумки, ларцы).

Ключевые слова: Костромское Поволжье, средневековая материальная культура, накладки, наборные пояса.

Многолетние раскопки на территории Плесской крепости, расположенной на правом высоком берегу Волги в 50 км ниже Костромы, привели к формированию обширной вещевой коллекции, что позволяет представить характер материальной культуры городского населения в развитом и позднем Средневековье и в начале Нового времени.

В публикациях последних лет – преимущественно обзорного характера – находки вещей из Плеса фигурируют как часть общей характеристики культурных отложений и основание для их датировки (*Аверин и др.*, 2018; *Несмиян и др.*, 2018; 2019; 2022; *Травкин*, 2022). Обращение к изучению отдельных категорий находок кажется необходимым для понимания специфики региона, состоявшей в сочетании его пограничного положения, торгово-промышленной экономики поволжских городских

центров и постоянного присутствия воинских контингентов. Представленный ранее обзор предметов вооружения и всаднического снаряжения из раскопок на Соборной горе Плеса был одним из первых шагов в этом направлении (*Шполянский и др.*, 2023. С. 123–149), если не считать очерков П. Н. Травкина об отдельных находках из его раскопок (*Травкин*, 2022. С. 321–373), отражающих, скорее, авторский взгляд на эти предметы, довольно уязвимый для критики.

Одной из наиболее выразительных групп находок, происходящих из раскопок в пределах городских укреплений, являются предметы, которые определяются обычно как накладки. Речь идет в основном о металлических деталях поясов, конской сбруи, поясных сумок, других предметов, использовавшихся в повседневной деятельности и имевших как утилитарное, так и декоративное назначение.

Публикации представительных коллекций таких находок с памятников золотоордынского Поволжья и Волго-Камья начиная с последнего десятилетия XX в. сформировали довольно обширный банк данных, что позволило систематизировать изделия, создать первичные типологии предметов (*Полякова*, 1996; *Руденко*, 2001) и связать появление значительной части типов накладок, а значит, и вещей, составной частью которых они являлись, с монгольскими завоеваниями в Восточной Европе и последующим золотоордынским влиянием (*Кызласов*, 2000; 2010; *Белорыбкин*, 2001; *Коваль*, 2010). Впоследствии с введением в научный оборот коллекций из раскопок в разных регионах средневековой Руси (*Двуреченский*, 2004; *Козлова*, 2004, *Гоняный*, 2005; *Тропин*, 2018; 2021; *Шполянский*, 2019) стало очевидно, что широкое их распространение, разнообразие форм, разная функциональная нагрузка, а также заметные западноевропейские черты у целых серий предметов (*Серезжникова*, 2024) не позволяют видеть в их бытовании на Руси только лишь рецепцию элементов золотоордынской «имперской» культуры.

Эти вещи, относящиеся к костюмному комплексу или к боевому и походному снаряжению, по-видимому, можно оценивать как органичную составляющую материальной культуры населения всей Восточной Европы в позднем Средневековье, в равной степени распространенных в воинских, промысловых или купеческих сообществах (*Шполянский*, 2020. С. 325–326).

За все время работ на территории Плесского городища найдено 59 изделий, которые можно отнести к накладкам, большинство из них изготовлено из железа (41 предмет), гораздо меньше – из цветного металла (17), единственный предмет сделан из кости.

Датировка вещей определяется сейчас в рамках середины / второй половины XIV – начала, возможно, первой трети XVI в., что соответствует времени активного формирования культурного слоя и функционирования застройки на городище (*Шполянский и др.*, 2023. С. 124–125). В дальнейшем возможно уточнение датировок находок при детальном рассмотрении состава комплексов, из которых они происходят.

Поскольку накладки априори представляют собой только часть сложносоставного изделия и в подавляющем большинстве случаев выпадают в культурные слои поселений в качестве утери вне контекста использования, одной из основных задач изучения этих предметов остается их корректная атрибуция. Часть накладок пока не может быть достоверно определена. Но большинство предметов имеют довольно широкий

круг аналогий, соотносятся с определенными частями амуниции, костюма, декоративным элементом или частью конструкции изделия, к которым они принадлежали.

Ременные наконечники

Наконечники ремней представляют собой довольно многочисленную и одну из выразительных групп находок. Из раскопок на городище происходят не менее 14 концевых накладок и их обломков.

Единственный **костяной наконечник** происходит из раскопа П. Н. Травкина 1995 г. (*Травкин*, 2022. С. 73, 75. Рис. 41: 2). Это щитовидный предмет размерами $34 \times 20\text{--}23$ мм, крепившийся на основу с помощью трех штифтов, два из них находились у основания пластины, а один – у завершения. Нижний край изделия оформлен в виде пологой дуги, верхний имеет скобчатый контур (рис. 1: 1). По длинной оси наконечника сверху вниз проходит рельефная полоса – декоративный элемент, который в сочетании со скобчатым завершением известен на металлических накладках и щитках пряжек золотоордынского времени в Поволжье (*Полякова*, 1996. С. 197. Рис. 66: 20, 22, 38, 39), на русских памятниках (*Козлова*, 2004. С. 194. Рис. 4: 5–12; *Шполянский*, 2019. С. 235), наиболее северные находки происходят с Карельского перешейка (*Бельский*, 2012. С. 145–146. Рис. 71; 72: 1).

Подобные детали ременной фурнитуры близки к т. н. геральдическим (тип Д-4), согласно типологии К. А. Руденко (*Руденко*, 2001 С. 40, 103, 148. Рис. 17: 6. Кат. № 477. Табл. XXIII–3). Отличия от находки из Плеса состоят в оформлении завершения пластины, которое у накладок из Волго-Камья имеет шлемовидный или треугольный абрис. В коллекции вещей из Болгара есть один костяной наконечник, завершение которого имеет дуговидный контур. Предмет отличается вытянутыми пропорциями, зубчатым верхним краем, осевая декоративная полоса сформирована не рельефным валиком, а тремя прочерченными линиями (*Баранов и др.*, 2016. С. 243. № 22.6.36).

Но наиболее близкие аналогии находке из Плеса получены в результате исследований последних лет памятников Залесской Руси.

Из Суздаля происходят два наконечника, один из которых по своим размерам и пропорциям похож на плесскую вещь. Найден он был в 100 м к северо-западу от ограды Покровского монастыря (пер. Покровский, 6) в яме 5 раскопа 2021 г. (*Несмиян*, 2022. С. 30). Размеры накладки составляют $32 \times 21\text{--}23$ мм, она крепилась на трех шифтах, нижний край оформлен в виде очень пологой дуги, верхний – скобчатой формы (рис. 1: 2). Декор суздальской накладки выполнен аналогично одному из болгарских предметов – в виде трех прочерченных линий по длинной оси, которые дополнены еще двумя – идущими по краям, визуальными бортиками, шириной 2–3 мм.

Второй наконечник из Суздаля найден в 2019 г. в восточной части города, на ул. Виноградова, 21 (*Баранов*, 2021. С. 182. Илл. 180: 13). Это вытянутая накладка пятиугольной формы с треугольным завершением и ровным основанием, размерами $33 \times 14\text{--}18$ мм (рис. 1: 6). Наконечник декорирован осевой рельефной полосой в виде валика высотой около 2 мм с почти отвесными краями, который не доходит до нижнего выступа пластины на 8 мм. Важность этой находки в том, что она представляет

Рис. 1. Ременные наконечники из Плеса и их аналогии. 1, 5, 7-12 – Плесское городище; 2, 6 – Суздаль; 3 – Владимир на Клязьме; 4 – селище Кутьино 2 (Московский регион). 1-3, 6 – кость; 7 – цветной металл; 4, 5, 8-12 – железо

собой незаконченное изделие, у которого не просверлены отверстия под крепеж и, вероятно, не завершена обработка самой пластины. Финальная ее форма могла быть несколько иной, например, такой, как у концевых накладок из Торжка (Госкаталог. № 26067236) или Новгорода (Госкаталог. № 24257616).

Близкую аналогию первой суздальской находке и наконечнику из Плеса представляет накладка из Владимира (1997 г., раскоп 1 на ул. Герцена, 20; Госкаталог. № 44562099). Почти совпадают размеры ($34 \times 22\text{--}23$ мм), форма и декор, только у вещи из Владимира отличается оформление верхнего края, оно фестончатое, а не в виде скобки (рис. 1: 3).

Из накладок, аналогичных рассмотренным, выделяется железный наконечник из Москворецкого региона – из раскопок 2001 г. селища Кутьино 2 (*Шебанин*, 2001. С. 34. Кв. Д/21. № 9; Госкаталог. № 29527625), форма которого довольно точно повторяет контуры плесской находки (рис. 1: 4). Он немного крупнее ($39 \times 25\text{--}27$ мм), украшен выпуклой рельефной полосой, прикреплялся к основе четырьмя штифтами с декоративными головками полусферической формы, а у нижнего дугообразного края располагалось округлое отверстие диаметром 6–7 мм, возможно, для подвеса.

В числе **металлических наконечников ремня** из Плеса есть еще один, форма и орнаментация которого сопоставимы с представленными накладками. Массивный предмет из цветного металла, опубликованный П. Н. Травкиным и отнесенный им к продукции болгарских мастеров (*Травкин*, 2022. С. 86, 87. Рис. 51: 17), сохранился со значительными утратами, особенно по верхнему краю; его форму можно определить как пятиугольную (размеры: $43 \times 28\text{--}29$ мм), с декором в виде углубленной линии шириной около 3 мм по длинной оси и двух тонких по краям (рис. 1: 7). На обратной стороне в нижней части накладки видны крепежные штифты по углам. Подобный наконечник действительно известен в Болгаре (*Баранов и др.*, 2016а. С. 141. № 7.2.166), еще один похожий предмет обнаружен на селище Екатериновка 3 в бассейне р. Цны, на юго-востоке Рязанского княжества (*Андреев*, 2018. С. 226. Рис. 15: 5). Из Новгорода Великого происходит сходная накладка из цветного металла (Госкаталог. № 38928846); судя по наличию в материалах новгородского Десятинного 1 раскопа (*Олейников*, 2022. С. 185. Рис. 3: 1) аналогичного наконечника со скобчатым завершением, но гладкой лицевой поверхностью, вероятно, такие вещи использовались на всей территории средневековой Руси.

Три находки из Плеса сохранились фрагментарно, и к концевым накладкам на ремень могут быть отнесены только предположительно. Завершение одного из них имеет дуговидный край (рис. 1: 5), у второго его можно назвать шлемовидным (по К. А. Руденко – *Руденко*, 2001. С. 30) (рис. 1: 9), третий экземпляр обломан с двух сторон, ясно только, что он плавно сужается к завершению (рис. 1: 8).

Еще три железных наконечника вытянутых пропорций похожи оформлением основания в виде треугольного выреза или «ласточкина хвоста», но в остальном различаются довольно сильно.

Немного можно сказать о накладке со слегка выпуклыми сторонами и утраченным завершением, крепившимся на основу с помощью двух штифтов (рис. 1: 11).

Массивный пятиугольный наконечник размерами $73 \times 23\text{--}27$ мм с треугольным завершением, четырьмя ромбовидными отверстиями, расположенными по его длинной оси, и небольшим треугольным выступом в месте схождения дуговидных

краев основания (рис. 1: 12) был опубликован П. Н. Травкиным в качестве доказательства наличия культурного слоя домонгольского времени на городище (*Травкин*, 2022. С. 23–26). Такой датировке противоречат не только стилистические особенности предмета, но и находка в Твери в слоях XV–XVI вв. подобного наконечника, изготовленного из цветного металла (*Солдатенкова*, 2008. С. 158. Рис. 4: 5), отличавшегося от плесского меньшими размерами и абрисом.

Третьему наконечнику с основанием в виде «ласточкиного хвоста» близких аналогий пока назвать нельзя (рис. 1: 10). У него сложный контур, в средней части вытянутой пластины располагается расширение ромбовидных очертаний, в центре которого помещен массивный декоративный выступ также ромбовидной формы. Сверху и снизу от ромбовидного расширения находятся два поперечных рельефных пояса с остроугольными окончаниями, выступающими за края изделия. Размеры накладки – 43 × 16–17 мм, размеры декоративного выступа – 6 × 7 мм. Завершение наконечника – луковичной формы, он крепился тремя штифтами, два из которых располагались на выступах «ласточкиного хвоста», а еще один – у основания завершения.

На первый взгляд оформление наконечника можно сравнить с поволжскими экземплярами вещей аскизского типа/стиля с т. н. перехватами, с завершениями луковичной или шлемовидной формы типов Б-5, Б-13, по К. А. Руденко (*Руденко*, 2001. С. 213–214. Табл. 7; 8). У плесской находки есть некоторые отличия: выраженное ромбовидное расширение в средней части пластины, нехарактерное для аскизской ременной гарнитуры, массивный декоративный ромбовидный выступ в центре накладки, общий абрис контура изделия с треугольными выступами по краю. Некоторые из этих особенностей вместе с «аскизскими» элементами декора можно найти у вещей, не связанных с поволжской традицией. Рельефные поперечные валики, ограничивающие фигурные края изделий, есть на накладках с селищ Кибол 5 в Суздальском Ополе и Мякинино, в Москворечье, имеют прямые аналогии в Прибалтике (*Кулаков*, 2016. С. 26. Рис. 12). Таким же рельефным пояском ограничено фигурное основание наконечника ремня из Суздаля из раскопа на ул. Теремки (*Шполянский*, 2019. С. 230, 240, 241. Рис. 2: 10; 5: 14). Накладки с ромбовидным расширением в середине входят в состав железной фурнитуры с серебряной инкрустацией пояса из погребения 8 могильника Кюлялахти Калмистомяки на Карельском перешейке (*Бельский*, 2012. Рис. 25), накладка с центральной частью ромбовидной формы происходит с уже упоминавшегося селища Мякинино (ГИМ. Оп. В 2818). Морфология этих вещей вполне сопоставима с фурнитурой европейских поясов (*Krabath*, 2001. S. 163).

Массивная накладка из Мякинино, украшенная ромбовидным выступом в центре (*Сарачева*, 2007. С. 85. Рис. 4: 16), как и плесский экземпляр, сильно отличается от широко известных изделий с выступающим удлинённым ромбом типа Д-19, выделённых в поволжских материалах (*Руденко*, 2001. С. 219. Табл. 9). Их происхождение, скорее, связано с воспроизведением декоративных элементов, копирующих восточно-средиземноморские образцы (*Шполянский и др.*, 2024. С. 227. Рис. 3: 5, 6).

Ременной наконечник с рельефным удлинённым ромбом упомянутого типа (Д-19, по К. А. Руденко) также представлен в коллекции из Плеса (рис. 2: 12). Вытянутых пропорций (65 × 8–12 мм), с дуговидным основанием с угловыми выступами и закругленным завершением наконечник относится к числу изделий, известных по фурнитуре поясов, происходящих из Лоемского могильника (*Савельева*, 1995.

Рис. 2. Фигурные ременные и сбруйные накладки из раскопок Плесского городища.
1-4, 7-12, 14, 15 – цветной металл; 5, 6, 13 – железо

С. 112. Рис. 11) и соотнесенных К. А. Руденко с материалами из Волжской Болгарии (Руденко, 2001. С. 107. Рис. 21: А). Г. Ф. Поляковой было учтено 4 экземпляра таких накладок из Болгара (тип В-VIII – Полякова, 1996. С. 197, 200. Рис. 66: 41). М. В. Седовой опубликован похожий наконечник с ромбом, украшенным растительным орнаментом, из Великого Новгорода: датирован первой половиной XIV в. и, предположительно, отнесен к продукции западноевропейских мастеров (Седова, 1981. С. 146, 150. Рис. 57: 18).

Сейчас доминирует представление о подобных наконечниках и стилистически близких вещах как об изделиях, происходящих из Волжской Болгарии (Руденко, 2001. С. 107. Рис. 21). Вместе с тем увеличивается количество этих вещей и на русских памятниках: в нижегородском Поволжье (Еремин, 1997. Илл. 18: 12) и Москворечье (Сарачева, 2007. С. 85. Рис. 4: 19; Гоняный, 2009. С. 30. Рис. 4: 3; Баранов и др., 2019. Рис. 5: 370; Степанова, 2020. С. 284. Рис. 1: 29), что заметно меняет представление о распространенности таких предметов. А недавняя находка в Твери целой серии незавершенных изделий – неразделенных отливок без штифтов (Госкаталог. Фонды Тверского Гос. Объединенного музея. № 42316913, 42316916, 42316889, 42316890, 42316897, 42316939, 42316931, 42316929, 42316919, 42316942, 42316943) – доказывает местное изготовление подобной фурнитуры, что позволило Ю. В. Степановой реконструировать характерный для костюма населения Верхневолжья наборный пояс, декорированный накладками с вытянутым ромбом (Степанова, 2024. С. 276. Рис. 28: а).

К числу вещей, имеющих прямые параллели с ременной фурнитурой среднего Поволжья золотоордынского времени, относятся две **объемные литые накладки**, объединенные общей стилистикой декора.

Одна из них – небольшой (26 × 10 мм) ременной наконечник с дугообразным завершением и прямо срезанным основанием, выпуклой поверхностью, украшенной выступающими парными поперечными линиями, размещенными через равные промежутки по всей его лицевой стороне (рис. 2: 11). Два подобных изделия известны в Болгаре (Полякова, 1996. С. 199. Рис. 66: 29), на Лаишевском селище (Чакма) в Волго-Камье (Руденко, 2001. С. 109, 120. Рис. 22: 14; 34: 7), мордовском Муранском селище (Сташенков, Кочкина, 2015. С. 268. Рис. 18: 2); правда, все эти находки несколько длиннее плесского экземпляра.

Стилистически близкая накладка точно повторяет форму одного из предметов, отнесенных Г. Ф. Поляковой к **распределителям ремней** (Полякова, 1996. С. 209–210. Рис. 69: 10), хотя его размеры (49 × 20–23 мм) позволяют предположить использование и просто в качестве декоративного элемента (рис. 2: 10). Накладка имеет Х-видную форму с полусферической выпуклостью в центре. Расходящиеся от центра выпуклые лучи декорированы так же, как и представленный выше наконечник. Всего в Болгаре учтено 3 такие накладки.

Среди находок ременных наконечников из крепости Плеса выделяются **прорезные ажурные литые накладки**, две из которых сохранились почти полностью, а две другие представлены обломками. Наиболее крупная из них – пятиугольная с вырезами по всему полю пластины, форму которых приблизительно можно описать как сочетание крестовидных фигур разной конфигурации (рис. 2: 1). У наконечника обломаны один из углов основания и заостренный кончик треугольного завершения.

С учетом этих утрат общие размеры сохранившейся части изделия составляют $33 \times 21\text{--}22$ мм.

Лицевая сторона предмета несет следы лужения, его края покрыты тонкими короткими насечками, которые выглядят как рифление, а у основания треугольного завершения симметрично располагаются два выступа в виде незамкнутых окружностей диаметром 4–5 мм. На основу наконечник, по-видимому, крепился тремя штифтами, но сохранился только один угловой штифт. В коллекции представлен обломок еще одного такого же наконечника, от которого остались один из углов со штифтом и часть пластины с крестовидными прорезями (рис. 2: 2). Размеры фрагмента – 18×17 мм.

Близкая аналогия плесским находкам известна на подмосковном селище Скрипино 1 (*Баранов и др.*, 2019. С. 102–103. Рис. 5: 33), где ажурный наконечник сохранился практически полностью и детали его формы хорошо видны. Авторы раскопок селища сравнивают свою находку с новгородской пятиугольной с фигурными прорезями (*Седова*, 1981. С. 151, 159. Рис. 59: 2). При всей близости этих накладок все-таки существуют различия в деталях формы. Прорези на плесских и скрипинской накладках имеют усложненную конфигурацию, завершение новгородского предмета – скорее криновидной, а не треугольной формы, оформлено без кольцевидных выступов.

Вероятно, обломок ажурного наконечника был найден в Ростиславле Рязанском в верхней части заполнения ямы 715 (*Коваль*, 2022а. С. 72. Рис. 3: 3). У накладки сохранилась только часть треугольного завершения с замкнутыми выступами-колечками, а не сегментами окружности, как у вещей из Плеса и Скрипино 1. Это позволяет предположить, что в Ростиславле найден фрагмент более качественной отливки или вариант ранней формы, детали которой были утрачены у поздних экземпляров.

Третий обломок ажурной накладки к фрагментам ременного наконечника может быть отнесен только предположительно (рис. 2: 3). Он представляет собой сегмент дуговидного края ажурной накладки с прорезью неправильно-трапециевидной формы, со слабоволнистыми контурами (размеры: 21×23 мм). Определить его как фрагмент именно наконечника позволяет сравнение с предметом, происходящим из сборов на Болгарском городище (ГИМ. 58456/146; Госкаталог. № 45205033). Это массивная накладка из цветного металла с ажурными «крестовидными» прорезями, нижняя часть которой имеет дуговидный край, отделенный от основной части накладки поперечной рельефной полосой. Правда, завершение наконечника обломано, поэтому увидеть детали его формы можно только частично, но очевидно, что контур завершения был дуговидным.

Из сборов в Болгаре происходит еще одна ажурная накладка с крестовидными прорезями прямоугольной формы, с вертикальной декоративной полосой по центральной оси и обломанным подвесом (ГИМ. 58456/146; Госкаталог. № 45205071). Близкая аналогия известна на селище Устье 3 в верховьях Дона (*Гоняный*, 2005. С. 90, 99. Табл. 7: 18), которую И. Л. Кызласов относит к изделиям, восходящим к аскизским формам, но формирующимся в иных культурных контекстах (*Кызласов*, 2010. С. 154, 155, 157. Рис. 15: 13). Сходная накладка меньших размеров и без подвеса найдена на селище Скрипино 1 (*Баранов и др.*, 2019. С. 102–103. Рис. 5: 52). Предмет, похожий на скрипинскую находку, с кольцом подвеса и фрагментом ажурной привески происходит из разрозненных сборов в Александровском районе Владимирской области (Госкаталог. № 33594615).

Последний ажурный наконечник из плесской коллекции относится к числу известных деталей ременной фурнитуры позднего Средневековья (рис. 2: 4). Он имеет вытянуто-прямоугольные очертания и семь прорезей овальной, ромбовидной и Т-образной формы со слабоволнистыми краями. У накладки треугольное завершение и ровное основание с небольшими выступами по углам, она крепилась тремя штифтами, два из которых расположены по углам основания, а третий – в каплевидном утолщении треугольного завершения. Размеры изделия: 36 × 16–17 мм.

Ременные наконечники подобной формы известны из раскопок в Новгороде Великом (Седова, 1981. С. 151. Рис. 58: 7; Госкаталог. № 38933030, 18346812), Пскове (Госкаталог. № 26138058, 44003810), золотоордынском Поволжье (Полякова, 1996. С. 202, 204. Рис. 67: 49).

Помимо ременных наконечников, накладки, относящиеся к **декоративной фурнитуре поясов и конской упряжи**, представляют наиболее многочисленную группу находок (21 предмет).

Из изделий с прорезным орнаментом выделяется фигурная **железная накладка с раструбообразной вставкой в центре**, наличие которой позволяет предположить ее использование в качестве держателя султанчика на конской упряжи (рис. 2: 5). Сравнительно недавно сведения о восточноевропейских находках таких вещей были собраны в специальной работе (Волков, Лопан, 2020. С. 165–193).

Плесская накладка заметно отличается от известных ранее султанодержателей, имея особенности оформления и конструкции. Это продолговатая ажурная пластина, центральная часть которой оформлена в виде ромба с круглым отверстием, в него вставлена короткая усеченно-коническая втулка с уплощенным краем, который украшен мелкими насечками по периметру. С обратной стороны, чтобы втулку закрепить в круглом отверстии, пластина, из которой она свернута, была разрезана и загнута вдоль тыльной стороны изделия тремя лепестками.

По краям накладка оформлена симметричными фигурными расширениями в виде парных колец, каждое из которых оканчивается округлым завершением с отверстием в центре и небольшим клювовидным выступом. С одной из сторон накладки колечко с окончанием обломано, но в целом ее форма восстанавливается уверенно.

Похожие, но не тождественные фигуры, венчающие окончания накладок, обозначались Г. Ф. Поляковой как «сильно стилизованные головки птиц» (Полякова, 1996. С. 200). «Птицеголовыми» А. В. Козлова называет большую (не менее 50 экземпляров) серию накладок разных форм из Новгорода Великого (Козлова, 2004. С. 192–195), среди них есть предметы, оформление которых сопоставимо с плесской находкой. К. А. Руденко предметы с похожими контурами отнесены к типам Д-15 и Д-16 – фигурнопрорезные в виде стилизованных растительных побегов или геральдического щита со сквозным фигурным отверстием (Руденко, 2001. С. 40, 215. Табл. 9).

Все приведенные аналогии сравнимы с накладкой из Плеса только в плане совпадения отдельных элементов формы, но не технологии изготовления, поскольку большинство из них сделаны из цветного металла, имеют более простую форму и только декоративную функцию.

По-видимому, очень близкая плесской по оформлению и конструкции накладка, датируемая второй половиной XV в., хранится в фондах Рязанского

историко-архитектурного музея-заповедника (Госкаталог. № 36604948). Важной особенностью обеих накладок представляется форма раструбообразной втулки, которая отличается от подобных усеченно-конических вытянутых деталей султанодержателей XIII в., связываемых исследователями с южносибирской (аскизской) традицией украшения упряжи.

Втулка изделия из Плеса имеет высоту всего 7 мм, она меньше ее ширины у верхнего края (12 мм). Из собранных И. В. Волковым и О. В. Лопан предметов – только у султанчиков из подмосковного селища Настасьино и из белорусского Новогрудка сравнимые пропорции втулок (Волков, Лопан, 2020. С. 178, Рис. 3: 9; 4: 3), они также имеют выраженное уплощенное расширение верхнего края. К числу предметов с короткими султанодержателями можно отнести и X-видную накладку с селища Озерцы в Суздальском Ополе (Шполянский, 2019. С. 236. Рис. 5: 23). Возможно, к таким же изделиям, но с несохранившимися вставными деталями, относятся еще две находки из Ополя: с селища Овчухи (Там же. С. 236. Рис. 5: 26) и из раскопок в Суздале 1987 г. (Госкаталог. № 4525150). Вероятно, такие особенности вещей представляют собой результат изменения формы с течением времени, характерны для предметов, изготовленных на территории Руси, или, возможно, имеют иное функциональное назначение.

Две накладки из Плеса можно сравнить с **изделиями с прорезным орнаментом** сложных форм, до сих пор известных преимущественно на памятниках Волго-Камья и Приуралья золотоордынского времени.

Одна из них, из цветного металла, сохранилась фрагментарно, представлена вытянутой рамкой с центральным вырезом пятиугольной формы, украшена по внешнему краю симметрично расположенными парными выступами в виде небольших «рожек», образующих фигуры, напоминающие разомкнутые окружности (рис. 2: 7). Размеры обломка: 25 × 18 мм.

Несмотря на то что полностью контуры изделия не видны, его можно сравнить с прорезными накладками с сопоставимым декором в виде «крючковидных» выступов по периметру. Кроме поволжских образцов, вещей из мордовского Муранского могильника, болгарских селищ Волго-Камья (Руденко, 2001. С. 108. Рис. 21) и самого Болгара (Полякова, 1996. С. 2020. Рис. 67: 47, 48) они представлены большой серией в Великом Новгороде (Козлова, 2004. С. 194. Рис. 4), найдены на Верхнем Дону (Тропин, 2018. С. 280. Рис. 3: 2), в Суздальском Ополе (Шполянский, 2023. С. 351. Рис. 179: 9; Несмиян, 2022. С. 31–32), Москворечье (Баранов и др., 2019. С. 102. Рис. 5: 31; Степанова, 2020. С. 284. Рис. 1: 30). География находок демонстрирует широкую практику использования таких вещей.

Вторая накладка вызывает больший интерес. Это железная прямоугольная пластина (размеры: 68 × 17–18 мм) с четырьмя штифтами по углам и тремя выступами на торцах, разделенных дуговидными выемками. На лицевой стороне накладки, занимая всю ее поверхность, расположен выполненный высоким рельефом орнамент в виде сдвоенных симметричных фигур (рис. 2: 6). Рельефные изображения частично повторяют контуры одного из вариантов прорезных накладок из цветного металла с рамкой в виде треугольника с вогнутыми сторонами, тремя выступами с торца и прорезными парными колечками посередине, с другой стороны от которых размещалась часть изделия с вырезом пятиугольной формы (Тропин, 2018. С. 280. Рис. 3: 2;

Несмиян, 2022. С. 31–32). По внешнему краю рельефного орнамента, в месте соединения фигур располагаются выступы – «рожки», образуя незамкнутые окружности.

Вообще железные ажурные прорезные накладки, выполненные в подобном стиле, известны, например, на селище Михали 3 под Суздалем (*Шполянский*, 2023. С. 351. Рис. 179: 9) или Мякинино 1 в Москворечье (фонды ГИМ; Госкаталог. № 44163715). Сдвоенные фигурные изделия из цветного металла близких форм происходят из Волго-Камского региона (*Руденко*, 2001. С. 108. Рис. 21). Но железной накладки со сложным рельефным орнаментом, довольно точно воспроизводящим морфологию литых изделий, до сих пор не встречалось.

К числу накладок с прорезным декором могут быть отнесены еще два предмета, сохранившиеся частично, близкой формы и, возможно, относившиеся к одному ремennому гарнитуру (рис. 2: 8, 9). Это, по-видимому, прямоугольные изделия из цветного металла с фигурными вырезами в центральной части. Поскольку обе накладки сломаны и утратили значительную часть мелких деталей прорезного декора, говорить о нем можно только приблизительно. У обоих изделий сохранилась одна сторона шириной 22 мм с прямыми углами. Высота обломков – 16 и 19 мм. По углам располагаются крепежные штифты. В одном случае между ними у края накладки между штифтами пробито круглое отверстие диаметром 5 мм.

Во внутренней части одной из накладок располагался глубокий вырез в виде почти прямого угла, по краям которого у места слома пластины размещались маленькие (диаметром около 2 мм) колечки, одно из которых сохранилось полностью, ниже видны обломки элементов ажурного декора. У второй накладки край внутренней прорезной фигуры имел две дуговидные выемки, между которыми находилась сломанная, но сохранившаяся декоративная деталь в виде стерженька с двумя колечками, небольшим ромбовидным расширением, которое продолжалось раздваивающимся обломком.

Поскольку из Плеса происходят только фрагменты накладок, то говорить об аналогиях таким вещам довольно сложно. Тем не менее можно предположить, что украшающие их элементы сопоставимы с декором двух находок с селища Игумново, расположенного в низовьях р. Лопастни под Серпуховом (*Павлихин, Аксенов*, 2019. С. 263. Рис. 3: 4, 5). Пятиугольные накладки в виде рамок с расширениями под крепеж в центральной части украшены фигурной вертикальной перемычкой с двумя симметрично расположенными колечками – примерно так, как у одного из плесских экземпляров. Полная аналогия вещам из Игумново хранится в Бахчисарайском музее-заповеднике (Госкаталог. № 10372787).

Круглая щитовидная железная накладка с полусферической выпуклостью в центре, украшенная пуансонным орнаментом (рис. 2: 13), диаметром 43–44 мм (выпуклость 19 мм в поперечнике) имеет близкие аналогии в Суздале (*Шполянский*, 2019. С. 235, 238–239. Рис. 4: 25) и благодаря находке подобного изделия в одном из погребений Белореченских курганов в Закубанье (фонды ГИМ; Госкаталог. № 32131853) уверенно определяется как украшение пояса. Ремennые наборы, в составе которых есть круглые накладки с центральной полусферической выпуклостью, сделанные из серебра и цветного металла, известны в Европе, в Карпато-Балканском регионе, в составе инвентаря статусных погребений венгерских кунов второй половины XIII в. (*Хорват, Хатхази*, 2018. С. 45–47. Рис. 40; 43), в Скинета (Румыния) в кладе XV в.

(Рябцева, 2012. С. 271. Рис. 3). Одна подобная накладка, датируемая XIII в., происходит из рудников чешской Йиглавы, которую авторы посчитали деталью складных весов (Jihlava – Hrubý et al., 2015. P. 30. Obr. 96).

Форму литой накладки в виде **стержня с завершениями, украшенными рельефными изображениями трилистников** (рис. 2: 15), также можно сравнить с европейскими деталями ременной фурнитуры. Размеры предмета – 44 × 11 мм, в центре располагается округлое расширение, в котором, как и на его концах, находились крепежные штифты. Подобные накладки входят в состав поясного гарнитура с Торецкого городского поселения XV в., располагавшегося на южных рубежах Казанского ханства.

Украшавшие торецкий пояс накладки заметно меньше плесской, но форма вполне сопоставима. По мнению С. И. Валиулиной, такие вещи имеют широкий круг аналогий на Балканах, в Центральной и Западной Европе, где вариации морфологии изделий довольно обширны; встречены они и на позднесредневековых памятниках Северного Причерноморья (Старый Орхей, крепость Чебмало в Крыму), Закубанья (Белореченские курганы) (Валиулина, 2020. С. 210–215). Автор считает, что поясные гарнитуры, включающие накладки в виде «двойных лилий» и им подобные, в Восточной Европе известны преимущественно в степной зоне, приводя, тем не менее, в качестве примера редкой северной находки кожаный пояс из Великого Новгорода, представленный на экспозиции ГИМ и опубликованный М. В. Гореликом как свидетельство золотоордынского влияния (Там же. С. 213). Этот новгородский пояс вместе с рядом других вещей сейчас включен Д. С. Сержниковой в число аналогий многочисленным европейским изделиям, поступавших на Русь благодаря прямым контактам со странами Балтийского региона (Сержникова, 2014. С. 278. Рис. 3: 14–16; 2024. С. 335–336. Рис. 3: 1).

Возвращаясь к накладке из Плеса: определяющим кажется сравнение именно с деталями поясной фурнитуры с Торецкого поселения, которые автор работ на памятнике определяет как накладки «в виде палочек-балясин, с лилиевидными завершениями», принадлежащие к «упрощенной поздней группе изделий» и говорящие о «периферийности» и чужеродности поясного гарнитура для региона Волго-Камья (Валиулина, 2020. С. 215). В целом следует согласиться с предложенной трактовкой – за исключением определения этих вещей как «чужих», что выглядит теперь не столь однозначно.

Последняя ременная накладка из цветного металла в плесской коллекции – небольшое изделие в **виде квадрифолия** размерами 19 × 18 мм с одним крепежным шпеньком в центре и гладкой лицевой поверхностью (рис. 2: 14). Такая же вещь, отличающаяся незначительными деталями, почти одного размера с плесским предметом найдена на селище Кленово 2, существовавшем во второй половине XIII – первой половине XIV в. в пределах Перемышльской волости Московского княжества (Шполянский, 2007. С. 102, 105. Рис. 1: 15). Пара близких по размерам и форме накладок есть в Болгаре, где они отнесены к розетковидным – тип В-Va-1 (Полякова, 1996. С. 201–202. Рис. 67: 10).

Остальные предметы ременной фурнитуры изготовлены из железа.

Плоская **Т-образная накладка** с тремя крепежными штифтами на окончаниях ветвей, форма завершения которых плохо читается из-за коррозии, размерами

33 × 20 мм (рис. 3: 6) принадлежит к небольшой группе находок, которые начали появляться в материалах исследований последнего времени и могут быть, предположительно, отнесены к числу металлических деталей или элементов декора цилиндрического колчана.

Такая атрибуция возможна, поскольку в одном из кочевнических погребений первой половины XIV в. в Краснодарском крае у хутора Байкопнура в числе находок, относящихся к колчанному декору или крепежной garniture, обнаружены четыре накладки Т-образной формы сопоставимых размеров (*Чхаидзе и др.*, 2019. С. 122, 137. Рис. 7: 8–11). Сохранность инвентаря в погребении, видимо, не позволяла проследить характер использования накладок, поэтому предложенную атрибуцию следует считать предварительной. Кроме Плеса Т-образные накладки встречены в Московском Кремле, где подобное изделие имеет несколько большие размеры, треугольные завершения ветвей и рельефный орнамент в виде поперечных поясков, разделявших поле накладки на фигуры в форме прямоугольника со срезанными углами (*Курмановский*, 2022. С. 162. Рис. 113: 6), и в Суздале, к востоку от городских укреплений, на Яруновой горе. Суздальская находка на лицевой стороне имеет декор в виде продольных углубленных линий и фигурное завершение вертикальной ветви (*Федорина и др.*, 2023. С. 249. Рис. 115: 20).

Предметом оригинальной формы, близких аналогий которому пока нет, представляется накладка с **дуговидно загнутыми ветвями** раздвоенного верхнего края (рис. 3: 7). На окончаниях дуг и у ее нижнего края располагаются округлые расширения, в которых помещены крепежные штифты. Размеры изделия – 33 × 31 мм. Учитывая размеры и способ крепежа, можно предположить использование таких накладок в качестве декоративных ременных и сопоставить с т. н. трехлопастными (*Шполянский*, 2019. С. 235, 236. Рис. 4: 10–11).

Миндалевидные или асимметрично-ромбовидные накладки, которые иногда еще называют «листовидными», представлены серией из четырех предметов (рис. 3: 1–4), которые различаются по размерам и форме. Все они имеют в наиболее широкой части петлю для соединительного кольца или подвеса, образованную согнутым стержнеобразным выступом щитка изделия. В центре накладок находится шпенок, на нем с тыльной стороны помещалась пластинка, игравшая роль шайбы для лучшей фиксации вещей на основе. Иногда этот крепеж формировался перегибом пластины, из которой сделана накладка, но в плесской коллекции таких вещей нет. Размеры наименьшей из миндалевидных накладок без учета размеров петли составляют 15 × 13 мм, наибольшей – 28 × 31 мм.

Похожие вещи хорошо известны в Волжской Болгарии, где были отнесены к типу Д-22 – листовидные или ромбовидные (*Руденко*, 2001. С. 41, 215. Табл. 9), но отличаются способом крепления на основу – двумя или тремя шпеньками по краям. На русских памятниках миндалевидные накладки с центральным шпеньком – распространенная форма (*Гоняный*, 2005. С. 88, 99. Табл. 7: 10, 11; *Шполянский*, 2019. С. 238, 239. Рис. 5: 4; *Тропин*, 2021. С. 350, 353. Рис. 4: 1–4; *Коваль*, 2022б. С. 236. Рис. 9: 5) и, по мнению Н. А. Тропина, датируются временем с середины XIV в. (*Тропин*, 2021. С. 353).

Асимметрично-ромбовидная накладка с центральным выступом (рис. 3: 4) представляет собой редкий образец фурнитуры с функцией застежки или подвеса.

Рис. 3. Железные ременные накладки из раскопок Плесского городища. 1-17 – железо

Размеры изделия – 25 × 27 мм, по трем его углам находятся массивные штифты, что предполагает использование детали под нагрузкой. В центре накладки расположен продолговатый выступ высотой от ее поверхности около 5 мм с расширяющимся завершением вытянуто-овальной формы. Ширина выступа составляет 2–3 мм, длина в верхней расширенной части – 9 мм, в основании расширения – 6 мм. Очевидно, этот выступ играл роль шпенька, на который накидывалась кожаная или веревочная петля. Подобные вещи ранее не публиковались и редки в музейных собраниях. В качестве аналогии пока можно привести только находку из раскопок 2023 г. в Суздальском кремле на ул. Лебедева, 11, Волжской экспедиции ИА РАН, где была найдена массивная трехлопастная накладка из цветного металла с подобным шпеньком¹.

Накладка с щитком шестиконечной формы (рис. 3: 8) относится к числу широко распространенных предметов ременной фурнитуры, снабженных подвесным кольцом, но с абрисом редкой формы. Щиток изделия по верхнему краю имеет тупоугольный выступ в центре и два – по углам, боковые стороны симметрично вогнуты, в нижней части накладки расположена петля подвеса, в которую вставлено кольцо из дрота прямоугольного сечения. Размеры щитка без петли – 19 × 17 мм. Длина накладки от края верхнего выступа с учетом размеров подвесного кольца – 47 мм, внутренний диаметр кольца – 10–12 мм, толщина дрота, из которого оно сделано – 2–3 мм. На лицевой стороне накладки после реставрации стали видны разбросанные по всему полю щитка кольцевидные фигуры, расположенные без видимой системы, которые, вероятно, являются остатками пуансонного орнамента, подобного тому, что украшает поверхность круглой накладки с полусферической выпуклостью в центре.

Среди накладок с подвесом прямые аналогии предмету шестиконечной формы сейчас назвать сложно. В самом общем плане плесскую находку можно сравнить с пятиугольными накладками из некрополя золотоордынского Уека (*Недашковский*, 2000. С. 29. Рис. 4: 2, 5, 6), но сходство между ними довольно отдаленное.

Трехчастные накладки в виде уплощенного стержня с округлыми расширениями и отверстиями по краям и в центре. В Плесе найдены два таких предмета, один из которых, размерами 37 × 9 мм, сохранился полностью (рис. 3: 9); у второго один из краев обломан, а в отверстии на другом краю сохранился шпенец с крупной полусферической головкой диаметром 8 мм (рис. 3: 10), выступающей над поверхностью накладки на 6 мм. Подобные изделия пока неизвестны на памятниках золотоордынского Поволжья, но довольно регулярно встречаются на территории средневековой Руси: на селищах Куликова поля, датированных XIV в. (*Гоняный*, 2005. С. 89. Табл. 8: 1, 2, 4, 5, 8, 11), в Ополье (*Шполянский*, 2019. С. 235, 236. Рис. 4: 8, 9), Нижнем Новгороде (*Лапшин*, 2022. С. 155. Рис. 26: 8), Ростиславле Рязанском (*Коваль*, 2022б. С. 235. Рис. 5: 11).

Кроме трехчастных накладок с кольцевидными расширениями под крепеж в коллекции есть еще один предмет, сделанный по этому же принципу. Это **Г-образно изогнутый стержень** плоско-выпуклого сечения с тремя расширениями под штифты, одно из которых находится на сгибе, а два других – по длинной стороне предмета (рис. 3: 11). Размеры находки: длина до сгиба – 45 мм, после – 17 мм, максимальный размер кольцевидного расширения – 8 мм, ширина стержня составляет 2–3 мм.

¹ Авторы очень признательны С. И. Милованову за предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными материалами раскопок в Суздальском кремле.

Короткая часть изделия обломана, поэтому полностью его форму установить нельзя, вероятно, это угловая накладка на лицевую сторону сумки или оковка небольшого ларца, но корректно атрибутировать этот предмет сейчас нельзя.

Две миниатюрные накладки V-образной формы, напоминающие «ласточкин хвост» (рис. 3: 12–13), немного различающиеся размерами (17 и 15 мм длиной), очень похожи на находку из окрестностей Перемышля Московского (Шполянский, 2007. С. 102, 105. Рис. 1: 17). Еще их можно сравнить с серией предметов из раскопок селища Мякинино 2 в Москворечье (Сарачева, 2007. С. 85. Рис. 4: 15; фонды ГИМ. Госкаталог. № 44163640, 44163657, 44163658, 44163666, Оп. В-2850НВ, № 79) и Переславля Рязанского (Фатюнина, 2013. С. 190–191, 194. Рис. 1: 13), но эти вещи значительно больше (длиной 28–35 мм) и, за единственным исключением, изготовлены из цветного металла. Стилистически их можно соотнести с накладками типа Д-9, по К. А. Руденко, и их вариациями, недавно подробно рассмотренными Д. А. Козловым (Козлов, 2022. С. 250–263). Автор напрямую связывает происхождение подобных изделий с южносибирской (аскизской) традицией изготовления ременной фурнитуры, что возможно, но интерпретация причин распространения вещей подобной морфологии и датировки, предлагаемых автором, представляется дискуссионной.

Удлиненная накладка с прямоугольным щитком, который в нижней части плавно сужается, переходя в стержень, заканчивающийся миниатюрной ложечкой, обычно определяется в качестве копоушки (рис. 3: 14). Предмет был изготовлен из сложенной пополам пластины, в месте перегиба которой был сформирован стержень с ложечкой, а свободные края использовались для фиксации зажатого между ними ремня, скрепляясь одним центральным штифтом. Длина изделия – 46 мм, размеры щитка – 17 × 11–12 мм, он гладкий, без следов декора.

Позднесредневековые накладки-копоушки со щитками различной формы можно назвать ординарной находкой, их довольно много в музейных собраниях, но публикуются они нечасто. Находки железных копоушек известны в раскопках Новгорода Великого (Гайдуков и др., 2022. С. 41. Рис. 3: 1), Рюрикова городища (Носов и др., 2005. С. 41, 183. Табл. 11: 15), особенно стоит отметить находку из Ростиславля Рязанского с щитком, украшенным в технике таушировки чередующимися прямыми и зигзагообразными линиями (Фонды Музея Москвы. Госкаталог. № 35706887). Железная копоушка из Переславля Рязанского покрыта оловянной полудой, что сближает ее с такими же изделиями из цветного металла (Фатюнина, 2013. С. 192, 194. Рис. 1: 19).

Накладке близкой формы с плавно сужающимся книзу прямоугольным щитком, переходящим в стержень, который заканчивается грибовидным утолщением, прямых аналогий назвать сейчас нельзя (рис. 2: 15). В плоском щитке накладки, ближе к верхнему краю проделано крупное круглое отверстие. По-видимому, грибовидное завершение накладки использовалось как шпенок, на котором крепилась кожаная или веревочная петля. Общая длина изделия – 35 мм, размеры щитка – 26 × 18 мм.

В коллекции вещей из Плеса, принадлежащих ременной фурнитуры, есть два крюка, один из которых – небольших размеров (31 × 11 мм), с пластинчатым щитком, который завершается двумя петлями для шарнирного сочленения (рис. 2: 16) и, вероятнее всего, представляет собой щиток пряжки для фиксации шпоры на ноге

(см., например: *Шполянский*, 2019. С. 229. Рис. 2: 19). Второй крюк – больших размеров, обломан, сохранилась только горизонтально ориентированная массивная рамка из прямоугольного дрота (размеры: 43 × 28–30 мм) и обломанный выступ крюка. Подобные вещи, по-видимому, представляют собой элемент гарнитуры сабельного портупейного подвеса (*Прокопенко*, 2014. С. 182. Рис. 1), датируются XVI – началом XVIII в., возможно, и более ранним временем.

Накладки на сумки из раскопок в Плесской крепости составляют серию из 8 предметов.

Накладка-утяжелитель. Это фигурная пластина с выступом в верхней части в виде сегмента окружности, который придает изделию форму, напоминающую трилистник (рис. 4: 1). Боковые выступы трилистника симметричны, образуют вместе фигуру усеченной трапеции, расширяющейся книзу. Нижний край накладки оформлен в виде тупого угла, сглаженная вершина которого располагается по вертикальной оси изделия. Ее размеры – 61 × 34 мм, накладка крепилась на основу тремя штифтами, располагавшимися по углам лепестков «трилистника» на расстоянии 4–6 мм от края.

Подобные вещи определяются как накладки на внешний клапан кожаных сумок. М. И. Гоняным на селищах района Куликова поля найдены 4 подобных изделия с различной формой контура лицевой пластины, которые он считал накладками на ларцы или сумки (*Гоняный*, 2005. С. 90, 98. Табл. 6: 13, 14, 16, 18). Н. А. Тропин среди находок округи Ельца опубликовал подобный предмет, назвав его накладкой на подсумок (*Тропин*, 2021. С. 350, 354. Рис. 4: 13). Из Великого Новгорода происходит массивная сумочная накладка с крупной ромбовидной крепежной пластиной (*Козлова*, 2004. С. 196. Рис. 5: 6). Эти вещи не имеют запорного механизма и поэтому, скорее всего, могут быть определены как декоративные утяжелители внешнего клапана сумки.

Крестовидные подвесы, одна из наиболее узнаваемых деталей сумочной фурнитуры, представлена двумя целыми предметами и одной петлей для ремешка подвеса.

Один из экземпляров с сохранившейся петлей для подвешивания изготовлен из цветного металла (рис. 4: 5). На поверхности изделия – следы блестящей полуды белого цвета. Центральная часть накладки имеет форму вытянутого асимметричного ромба с вогнутыми сторонами. По боковым углам накладки расположены округлые расширения под штифты, нижнее имеет каплевидную форму. Верхний выступ изделия оформлен в виде бочонка с боковым сквозным отверстием, в которое вставлена петля подвеса.

Петля состоит из круглой в сечении разомкнутой рамки, изогнутой в виде усеченной трапеции, расширяющейся кверху. Внизу концы рамки завершаются крупными «бусинами» тоже бочонковидной формы, в которых есть поперечные сквозные отверстия. В них вставляется штырек, на котором петля крепится в наверхи накладки.

В верхнем крае бочонковидного завершения есть выступ в виде маленького (высотой около 4 мм) стерженька с расширением в средней части, играющего роль шпильки-застежки.

Размеры накладки: высота без учета размеров петли – 37 мм, ширина – 20 мм.

Второй крестовидный подвес сделан из железа, на его лицевой стороне высоким рельефом воспроизведено объемное изображение литой накладки

Рис. 4. Сумочные накладки из раскопок Плесского городища. 1, 2, 4, 6 – железо; 3, 5, 7, 8 – цветной металл

с массивным асимметричным ромбом в центре и круглыми расширениями по углам (рис. 4: 6). Основанием объемной фигуре служит ромбовидная пластина размерами 34×26 мм, толщиной около 1 мм. За пределы пластины выступает петля подвеса шириной около 6 мм. Общая высота накладки составляет 42 мм. На сумку она крепилась тремя крупными штифтами, помещенными по углам пластины. Таким образом, объемное изображение на лицевой стороне накладки играло исключительно декоративную роль.

Третья деталь подвеса представлена восьмеркообразной петлей, состоящей из двух смыкающихся прямоугольников, один из которых меньше другого (общие размеры петли – 8×7 мм) (рис. 4: 8).

Крестовидные накладки с петлями в качестве деталей сумочной фурнитуры хорошо известны как по материалам раскопок литовских позднесредневековых могильников (*Svetikas*, 2003. Р. 260. Рав. 38: 1), так и благодаря их наличию на сумке Кирилла Белозерского, датируемой не позднее 1427 г. (*Романенко*, 2002. С. 279; *Васильев*, 2014. С. 77–78. Рис. 2: 2). Но если подвесы подобной формы – в виде асимметричного вытянутого ромба с округлыми завершениями по углам – в литовских погребениях встречаются эпизодически, то в материалах раскопок памятников русских

земель вещи такой морфологии доминируют. Среди находок, опубликованных в последнее время, можно указать пару накладок из Великого Новгорода (*Олейников*, 2022. С. 185–186. Рис. 3: 27; 5: 21), две находки из Ополя (*Шполянский*, 2023. С. 346. Рис. 176: 4; С. 351. Рис. 179: 8) и целую серию вещей с селищ Москворечья (*Богомолов и др.*, 2009. С. 319. Рис. 42: 7; 2012. С. 375. Рис. 1: 9, 12; *Шебанин, Шеков*, 2025. С. 353. Рис. 2: 3, 4).

Тремя предметами в коллекции представлены детали простых сумочных замков треугольных очертаний. Один из них – лицевая бронзовая пластина с круглым отверстием в центре и волнистым краем (рис. 4: 3). У накладки обломаны два угла, есть утраты у ее нижнего края. Размеры сохранившейся части изделия – 34 × 37 мм, диаметр центрального отверстия – 14–15 мм.

Целые сумочные замки треугольной формы с центральным круглым отверстием, в которое помещалась полусферическая деталь, являвшаяся частью запорного устройства, происходят из раскопок Великого Новгорода (*Варфоломеева*, 2006. С. 175–176. Табл. III: 3–5), известны они и в литовских материалах (*Svetikas*, 2003. Р. 245. Рав. 6), лицевая часть сумочного замка в виде прорезной фигурной пластины с круглым отверстием в центре найдена на селище Гостево 1 (Ясенье) в Ополье, где датируется не позднее 1417 г. (*Шполянский*, 2023. С. 341. Рис. 173: 1).

Еще элементы конструкции замков представлены двумя пластинами, размещавшимися с тыльной стороны клапана, к которым штифтами крепились лицевая часть замка (рис. 4: 2, 4). В центре этих пластинок сделаны вырезы Т-образной или подтреугольной формы, представлявшие собой пазы для скоб, крепившихся на сумке под клапаном, в которые вставлялись стержни-фиксаторы (*Варфоломеева*, 2006. С. 176. Табл. III: 4, 5). Подобная треугольная пластина происходит из комплекса ямы 715 на Ростиславле Рязанском, который, по мнению автора раскопок, формируется во второй половине XIII в., хотя в заполнении сооружения есть и более поздние вещи (*Коваль*, 2022а. С. 72. Рис. 3: 9).

Вероятно, одной из наиболее ранних накладок, найденных в Плесе, можно считать небольшое (30 × 7–11 мм) трапецевидное бронзовое изделие с петлей подвеса в широкой части. На лицевой стороне накладки помещено **объемное изображение дракона с длинным извивающимся телом и раскрытой пастью** (рис. 4: 7). Такие накладки хорошо известны в поволжских древностях золотоордынского времени (*Полякова*, 1996. С. 205–206. Рис. 68: 5). Эти вещи, происходящие со средневековых мордовских и русских памятников, датируются современными исследователями концом XIII – первой половиной XIV в. (*Исаков и др.*, 2014. С. 240–241. Рис. 2: 5; *Ракушкин*, 2025. С. 78–79, 88. Рис. 2: 5–10). Находки накладок с изображениями драконов на памятниках Залесской Руси стали обычным событием, они происходят из Твери (*Солдатенкова*, 2008. С. 158. Рис. 4: 5), Суздальского Ополя (*Шполянский*, 2023. С. 329–330. Рис. 168: 13), Нижегородского Поволжья (*Грибов*, 2008. С. 259. Рис. 3: 12), Московского Кремля (*Зайцева*, 2022. С. 135. Рис. 85: 18).

Небольшой группой среди плесских накладок представлены изделия, которые можно отнести к **элементам фурнитуры коробов, ларцов или шкатулок**. Долгое время эти вещи не находили корректной атрибуции, но после находок последних лет их определение не вызывает сложностей.

Два предмета в виде стержня с двумя дугообразно расходящимися ветвями на одном из окончаний («с волнитообразным завершением»), сделанные из дрота прямоугольного сечения, представляют собой накладки, украшавшие стенки короба или ларца (рис. 5: 5, 6). Такая их интерпретация стала очевидной благодаря находке остатков ларца при раскопках поселения Цельковка 2 на окраине г. Ельца с сохранившимися накладками (Тропин, Лукин, 2017. С. 323–335). Подобные декоративные оковки найдены в Московском Кремле вместе с другой сундучной фурнитурой (Курмановский, 2022. С. 154, 158. Рис. 107: 10–13) и на городище Ростиславля Рязанского (Коваль, 2022б. С. 239. Рис. 9: 14, 15).

К элементам декоративной фурнитуры, украшавшей изделие вроде небольшой шкатулки, можно отнести **согнутую под прямым углом фигурную накладку**. Изделие плавно расширялось к одному из краев, его завершение с широкой стороны сделано в виде треугольника со слабовогнутыми сторонами, на узком конце было дуговидной формы, а край был загнут резко вверх (рис. 5: 4). Крепилась накладка на двух штифтах, ее длина до перегиба с узкой стороны составляла 17 мм, с широкой – 11 мм.

Вероятно, к сундучной фурнитуре относятся три почти одинаковые **ромбовидных накладки** с двумя штифтами крепления сверху и снизу и прорезью в центре Т-образной или вытянуто-каплевидной формы (рис. 5: 8–10). Размеры накладок составляют 18–22 × 17–19 мм.

Один предмет к накладкам на ларец или шкатулку можно отнести лишь предположительно. Это длинный (97 мм) **уплощенный стержень** шириной 4–5 мм, обломанный с одного края, с **двумя круглыми расширениями**. Одно, меньшего диаметра (11 мм), располагается на окончании изделия, а второе (диаметром 20 мм) – у другого, обломанного конца. В обоих округлых расширениях в центре есть отверстия, а по краям – орнамент в виде частых коротких прочерченных линий (рис. 5: 1). В средней части стержня, ближе к большему расширению располагается слабовыраженный волнообразный изгиб – след его сгибания/распрямления.

С городища Самосделка в Астраханской области происходит набор накладок оковки шкатулки XII в., сохранившийся практически полностью (Болдырева, Белькевич, 2023. С. 95–100). В его составе есть шесть удлиненных накладок – стержней, с одной стороны заканчивающихся округлым расширением, а с другой – удлиненно-ромбовидным (Там же. С. 98. Рис. 1). Плесскую находку можно рассматривать как вариацию этой формы.

Неопределимые накладки. Трех накладкам из плесской коллекции сейчас невозможно дать корректное определение. В одном случае это обломок, вероятно, прямоугольного или ромбовидного изделия в виде широкой пластинчатой рамки с декоративным четырехлучевым оформлением единственного сохранившегося угла (рис. 5: 7). В двух других случаях предметы представляют собой обломки пластинчатых стержней, которые заканчиваются крупными расширениями ромбовидной (29 × 23 мм) или округлой (19–21 мм) формы (рис. 5: 2, 3). У изделия с ромбовидным расширением на нем находятся два крепежных штифта. Накладка с округлым расширением явных следов крепежа не несет. У обеих вещей на расширениях с противоположного от стержня края располагаются выступы, в одном случае – овальной формы, в котором есть четырехугольное отверстие, во втором случае выступ обломан.

Рис. 5. Сундучная фурнитура и накладки неясного назначения из раскопок Плесского городища. 1–10 – железо

Обзор накладок из раскопок городища на Соборной горе в Плесе позволяет представить разнообразный набор изделий, демонстрирующий длительное – в течение всего времени существования крепости – бытование разных вариаций поясных наборов и декоративного убранства сбури, которые были органичной частью средневековой русской материальной культуры. В равной степени это относится и к другим вещам, в оформлении и конструкции которых использовались накладки (сумки, сундучная фурнитура).

Одним из важных результатов разбора плесской коллекции представляется появление оснований для социальной характеристики костюмного комплекса, в который входили наборные пояса с накладками серийных типов. Многочисленность находок, их разнообразие и производство из дешевых материалов (железо, кость) позволяют говорить о широко распространенной практике их ношения, в том числе среди непривилегированных групп населения.

С введением в научный оборот новых материалов появляется возможность проследить динамику в развитии форм отдельных групп изделий и найти свидетельства местного их изготовления. Это позволяет видеть в этой категории находок потенциал для детализации хронологии и изучения характера материальной культуры Руси раннего и позднего Средневековья в широком восточноевропейском контексте.

Литература

- Аверин В. А., Барышников В. Ю., Самотовинский Д. В.*, 2018. Древнерусский городской некрополь в Плесе на улице Варваринская, 18: Материалы раскопок Ивановской археологической экспедиции 2014 года // Археология Плеса: Материалы исследований 2007–2018 гг. Шуя. С. 11–19.
- Андреев С. И.*, 2018. Поселение Екатериновка 3: к вопросу о юго-восточной границе Рязанского княжества // Археология Подмосковья. Вып. 14 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 209–235.
- Баранов В. С., Бугров Д. Г., Ситдииков А. Г.*, 2016а. Музей Болгарской цивилизации. Т. 1. Древний Болгар: жизнь города: каталог. Казань: Главдизайн. 267 с.
- Баранов В. С., Бугров Д. Г., Ситдииков А. Г.*, 2016б. Музей Болгарской цивилизации. Т. 2. История тюрко-болгарской цивилизации: каталог. Казань: Главдизайн. 254 с.
- Баранов Н. А., Модин Р. Н., Попов А. А., Прошкин О. Л., Терещенко Е. И.*, 2019. Селище Скрипино-1: результаты археологических исследований 2013–2014 годов // Археология Подмосковья. Вып. 15 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 96–131.
- Белорыбкин Г. Н.*, 2001. Золотаревское поселение. СПб. 190 с.
- Бельский С. В.*, 2012. Могильник Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье (археологические исследования 2006–2009 годов). СПб.: Наука. 240 с. (Свод археологических источников; вып. 3.)
- Богомолв В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В.*, 2009. Археологические исследования погоста XV–XVI вв. у с. Рождествено Одинцовского района Московской области // Археология Подмосковья. Вып. 5 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 281–326.
- Богомолв В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В.*, 2012. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождествено // Археология Подмосковья. Вып. 8 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 366–388.

- Болдырева Е. М., Белькевич Е. В.*, 2023. Шкатулка с железной окантовкой из раскопок на городище Самосделка в Астраханской области // Сборник материалов VII Всероссийской Нижневолжской археологической конференции. Астрахань. С. 95–100.
- Валиулина С. И.*, 2020. Некоторые украшения и детали костюма Торецкого городского поселения // «На одно крыло – серебряная, на другое – золотая...»: сб. ст. памяти Светланы Рябцевой / Ред.: Р. А. Рабинович, Н. П. Тельнов. Кишинев: Stratum Plus. С. 207–220.
- Васильев М. А.*, 2014. Кожаная сумка из Петровского XI раскопа в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 29. М.; СПб. С. 75–81.
- Волков И. В., Лопан О. В.*, 2020. О некоторых находках предметов вооружения и конского снаряжения из Азова: к вопросу о султанских украшениях узды золотоордынского времени // Древности Кубани. Вып. 24. Таганрог. С. 165–193.
- Гайдуков П. Г., Олейников О. М., Бадалов А. М., Волков И. В., Кудрявцев А. А., Степанов М. А., Тарабардина О. А., Торопов С. В.*, 2022. Археологические исследования в квартале 38 Великого Новгорода в 2020 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 35. Великий Новгород. С. 36–48.
- Гоняный М. И.*, 2005. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV в. района Куликова поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред.: Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука. С. 85–100.
- Гоняный М. И.*, 2009. Методика комплексных разведочных археологических исследований на средневековых селищах Подмосковья // Археология Подмосковья. Вып. 5 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 23–42.
- Грибов Н. Н.*, 2008. Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново 1) // Сельская Русь в IX–XVI веках / Отв. ред.: Н. А. Макаров, С. З. Чернов. М.: Наука. С. 253–264.
- Двуреченский О. В.*, 2004. Изделия из черного металла // Средневековое поселение Настасьино / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 40–47, 233–262. (Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН; т. 2.)
- Зайцева И. Е.*, 2022. Предметы из цветных металлов // Древности Московского Кремля. Т. I. Археологические исследования на месте Чудова монастыря / Отв. ред.: Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН. С. 127–149.
- Исаков Р. В., Афоньков Н. Н., Архангельский М. С., Павленко Ю. А., Шереметьев А. Г.*, 2014. К вопросу атрибуции золотоордынских накладок из курганного могильника Маляевка-V // Поволжская археология. № 1 (7). С. 233–246.
- Коваль В. Ю.*, 2010. Ордынцы на Руси // Русь и Восток в IX–XVI веках / Отв. ред.: Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль. М.: Наука. С. 76–85.
- Коваль В. Ю.*, 2022а. Необычное захоронение из Ростиславля // Археология Подмосковья. Вып. 18 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 68–79.
- Коваль В. Ю.*, 2022б. Дворец золотоордынского времени в цитадели Ростиславля Рязанского: проблемы интерпретации // Русский средневековый город. Археология. Культура: к юбилею Алексея Владимировича Чернецова / Отв. ред. И. Ю. Стрикалов. М.: ИА РАН. С. 217–248.
- Козлов Д. А.*, 2022. Накладки аскизского типа из мордовского погребения № 6 Аткарского могильника // Археология Евразийских степей. № 3. С. 249–263.
- Козлова А. В.*, 2004. Украшения ремня, сбруи и сумок восточного происхождения из раскопок в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 18. Великий Новгород. С. 188–207.
- Кулаков В. И.*, 2016. Изображения на плакированных серебром железных изделиях пруссов и куршей // Res Humanitariae. Vol. XX. Klaipėda. P. 10–30.

- Курмановский В. С., 2022. Изделия из железа // Древности Московского Кремля. Т. I. Археологические исследования на месте Чудова монастыря / Отв. ред.: Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН. С. 152–175.
- Кызласов И. Л., 2000. Успехи изучения древнеахакских изделий, найденных на Руси и в Поволжье // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань. С. 3–6.
- Кызласов И. Л., 2010. Особенности появления аскизских изделий в Европе // Русь и Восток в IX–XVI веках / Отв. ред.: Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль. М.: Наука. С. 139–162.
- Лапшин В. А., 2022. Топография и хронология Нижегородского кремля XIII–XIV вв. (по материалам раскопок 2001–2002 гг.). СПб.: ИИМК РАН. 224 с.
- Недашковский Л. Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература. 224 с.
- Несмиян О. А., Несмиян В. Г., 2018. К истории средневекового Плеса // Археология Плеса: материалы исследований 2007–2018 гг. Шуя. С. 5–11.
- Несмиян О. А., Несмиян В. Г., Воробьева Е. Е., 2019. Раскопки на территории Соборной горы в Плесе в 2018 г. // Костромской край в Древности, Средневековье и Новое время: к 110-летию со дня рождения П. Н. Третьякова. Кострома: Костромской музей-заповедник. С. 65–74.
- Несмиян О. А., Несмиян В. Г., Кузмичёва О. В., 2022. К вопросу о начальной истории г. Плес // АВСЗ. Вып. 12 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 111–118.
- Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В., 2005. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменя. Новые материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин. 403 с. (Тр. ИИМК РАН; т. XVIII.)
- Олейников О. М., 2022. Детали ременной, сумочной и уздечной гарнитуры в материалах Десятинного-1 раскопа в Великом Новгороде // Мир Средневековья. Проблемы вещевода: материалы науч. конф. к 70-летию отдела средневековой археологии / Отв. ред. В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН. С. 169–190.
- Павлихин А. В., Аксенов Н. С., 2019. Сабля XV в. из окрестностей с. Игумново Серпуховского района Московской области // Военная археология: сб. материалов науч. семинара. Вып. 5 / Отв. ред. О. В. Двуреченский. М.: ИА РАН. С. 253–267.
- Полякова Г. Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: Ин-т языка, литературы, истории. С. 154–257.
- Прокопенко В., 2014. Сабельный портупейный подвес с крючком-застежкой. Восточная Европа – Османская империя XVI – начало XVIII вв. // Історія давньої зброї. Дослідження 2014: збірник наукових праць. Київ. С. 180–191.
- Ракушкин А. И., 2025. Поясные наборы Аткарского грунтового могильника // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24. № 2. С. 77–102.
- Романенко Е. В., 2002. Жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия. 329 с.
- Руденко К. А., 2001. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: Заман. 256 с.
- Рябцева С., 2012. о находках поясных наборов XIII–XVI вв. в Карпато-Балканском регионе // Tugaytia. Serie nouă. Vol. VI [XXI]. № 1. P. 269–280.
- Савельева Э. А., 1995. Лоемский могильник. Этнокультурная принадлежность // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в северном Приуралье. Сыктывкар. С. 92–138. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; вып. 13.)

- Сарачева Т. Г.*, 2007. Ювелирные изделия второй половины XIII – XVI вв. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. Вып. 221. С. 73–88.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 195 с.
- Сережникова Д. С.*, 2014. Западноевропейские предметы поясного набора из раскопок Великого Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 28. Великий Новгород. С. 272–279.
- Сережникова Д. С.*, 2024. «Пояс золот фрязский с женчугомъ с каменьемъ». Рецепция элементов европейской материальной культуры на территории Древней Руси (втор. пол. XII – перв. пол. XV вв.) // *Stratum plus*. № 5. С. 329–344.
- Солдатенкова В. В.*, 2008. Металлические детали одежды и украшения в городском костюме Твери (по материалам раскопа 56 на территории Затьмацкого посада г. Твери) // КСИА. Вып. 222. С. 153–168.
- Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф.*, 2013. Муранское селище – памятник золотоордынского времени на реке Усе (к истории изучения и новые материалы) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). Самара: Самарское археолог. о-во. С. 248–276.
- Степанова Ю. В.*, 2020. Изделия из цветного металла из раскопок на территории Тайницкого сада Московского Кремля 2007 г. // КСИА. Вып. 259. С. 283–300.
- Степанова Ю. В.*, 2024. Костюм населения Верхневолжья XIV–XVII вв.: опыт комплексного исследования. М.; Тверь: Тверской гос. ун-т. 320 с.
- Травкин П. Н.*, 2022. Плесская крепость в XII–XVI вв. Плес. 378 с.
- Тропин Н. А.*, 2018. О социальной атрибутике наременных накладок с открытых торгово-ремесленных поселений конца XI – начала XV в. в Верхнем Подонье // КСИА. Вып. 253. С. 277–292.
- Тропин Н. А.*, 2021. Предметы вооружения и воинского снаряжения второй половины XIV – начала XV в. Елецкого княжества // КСИА. Вып. 262. С. 339–358.
- Тропин Н. А., Лукин С. В.*, 2017. Находка средневекового ларца второй половины XIV – середины XV в.: исследования и опыт моделирования // КСИА. Вып. 246. С. 323–335.
- Фатюнина О. А.*, 2013. Изделия из цветных металлов Житного раскопа Переяславля Рязанского // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 2. Рязань: РИАМЗ. С. 189–225.
- Федорина А. Н., Макаров Н. А., Милованов С. И., Баранов Н. А.*, 2023. Суздаль: формирование городской территории в X–XV вв. // Археология Суздальской земли. Т. 2 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 231–252.
- Хорват А. П., Хатхази Г.*, 2018. Печенеги и куны. Археологическое наследие // Тюркские кочевники в Азии и Европе: цивилизационные аспекты истории и культуры / Отв. ред. Д. Д. Васильев. М.: Ин-т востоковедения РАН. С. 7–87. (Тр. Ин-та востоковедения РАН; вып. 7.)
- Чхаидзе В. Н., Иванов А. В., Шереметьев А. Г.*, 2019. Погребения средневековых кочевников близ хут. Бойкопонура в Краснодарском крае // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 17. Армавир; Краснодар. С. 119–140.
- Шебанин Г. А., Шеков А. В.*, 2025. Керамические комплексы XIV–XV веков с поселения Сосенки 1 на территории современной Москвы: проблемы изучения // Археология Подмосковья. Вып. 21 / Отв. ред. А. В. Энгватова. М.: ИА РАН. С. 351–370.
- Шполянский С. В.*, 2007. Вещевой комплекс селища Кленово 2 из окрестностей Перемышля Московского. (К вопросу об изучении материальной культуры русской деревни после монгольского нашествия) // КСИА. Вып. 221. С. 99–111.
- Шполянский С. В.*, 2019. Накладки из черного металла со средневековых памятников Суздальского Ополья // Археология Подмосковья. Вып. 15 / Отв. ред. А. В. Энгватова. М.: ИА РАН. С. 227–245.

- Шполянский С. В.*, 2020. Металлические накладки в материальной культуре Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв. // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. II / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т. С. 325–326.
- Шполянский С. В.*, 2023. Суздальские селища во второй половине XIII – XV в.: археологические реалии и исторический контекст // Археология Суздальской земли. Т. 2. Культура, общество, идентичность / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 328–353.
- Шполянский С. В., Несмиян О. А., Несмиян В. Г.*, 2023. Находки предметов вооружения и всаднического снаряжения вт. п. XIV – п. п. XVI в. из раскопок Плесской крепости: обзор коллекции // ABC3. Вып. 13 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 123–149.
- Шполянский С. В., Несмиян О. А., Несмиян В. Г., Баранов Н. А.*, 2024. Суздальские накладки с растительным декором: к вопросу о «восточном компоненте» в материальной культуре Северо-Восточной Руси во вт. п. XIV – XV вв. // ABC3. Вып. 14 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 220–235.
- Hrubý P., Malý K., Lajtkepová P.*, 2015. Zmizelý svět středověkého hornictví na Českomoravské vrchovině: katalog k výstavě realizované 11. září – 10. Listopadu 2015. Jihlava: Muzeum Vysočiny. 39 p.
- Krabath S.*, 2001. Die hoch- und spätmittelalterlichen Buntmetallfunde nördlich der Alpen: Eine archäologisch-kunsthistorische Untersuchung zu ihrer Herstellungstechnik, funktionalen und zeitlichen Bestimmung. Rahden: Leidorf. 672 S.
- Svetikas E.*, 2003. Tretininkų odiniai kapšeliai: jų apkalų tipologija, chronologija ir simbolika // Lietuvos archeologija. T. 24. P. 241–266.

Архивные материалы

- Баранов Н. А.*, 2021. Научный отчет о проведении археологических раскопок на территории ОАН «Культурный слой, валы, рвы города Суздаля X–XIII, XIV–XVII вв.» на земельных участках по адресам: Владимирская область, г. Суздаль, ул. Виноградова дд. 12, 21 в 2019 г. (в 3 томах). Т. 2 // Архив ИА РАН.
- Еремин И. О.*, 1997. Отчет об археологических раскопках на площади Театральной в г. Нижнем Новгороде в 1997 г. // Архив ИА РАН. № 22419–22424.
- Несмиян О. А.*, 2022. Отчет о результатах археологических раскопок на территории объекта археологического наследия «Культурный слой Покровского монастыря и прилегающих слобод, XIV–XVI веков», в зоне строительства по ул. Покровской, 55, и переулку Покровскому, д. 6 в г. Суздале Владимирской области в 2021 году. Том. 1. Шуя // Архив ИА РАН.
- Шебанин Г. А.*, 2001. Отчет об археологических исследованиях на поселении 2 у д. Кутьино Подольского района Московской области. Тула // Архив ИА РАН.

Сведения об авторах

Шполянский Сергей Владимирович, ФГБУК «Государственный исторический музей»;
e-mail: shpol@yandex.ru;

Несмиян Ольга Альбертовна, некоммерческое партнерство «Шуйская археологическая экспедиция»;

e-mail: nesmiyn@yandex.ru;

Несмиян Владимир Геннадьевич, некоммерческое партнерство «Шуйская археологическая экспедиция»;

e-mail: nesmiyn@yandex.ru

S. V. Shpolyansky, O. A. Nesmiyan, V. G. Nesmiyan

**METAL AND BONE LININGS FROM THE EXCAVATIONS
OF THE PLES FORTRESS: TO THE STUDY
OF THE MATERIAL CULTURE OF THE POPULATION
OF THE RUSSIAN VOLGA REGION
IN THE LATE MIDDLE AGES**

Summary. One of the impressive groups of finds collected during the excavations of the medieval settlement of Ples are the so-called linings. It's about the details of belts, horse harnesses, waist bags, and other items that had both utilitarian and decorative uses. Fifty-nine (59) linings were found on the territory of the settlement, most of them made of iron (41 items), much less of non-ferrous metal (17), the only item is made of bone. The dating of things is now determined within the framework of the middle – second half of the 14th – early – first third of the 16th centuries, which corresponds to the time of the active formation of the cultural layer and the functioning of the buildings in the hillfort. The review of the finds allows us to consider, in particular, the set belts as an organic part of the Russian material culture of the developed and late Middle Ages, as well as other things in the design and construction of which overlays (horse harnesses, bags, caskets) were used.

Keywords: Kostroma Volga region, medieval material culture, overlays, set belts.

Е. А. Турова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 1999 г. УСПЕНСКОЙ (ДИВНОЙ) ЦЕРКВИ УГЛИЧСКОГО АЛЕКСЕЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ СИМВОЛИКИ ХРАМА ВРЕМЕНИ ЕГО СОЗДАНИЯ

Резюме. В статье рассматриваются итоги археологических исследований архитектурно-го отряда Древнерусской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1999 г. Работы велись в угличском Алексеевском монастыре, снаружи и внутри церкви Успения Богородицы с трапезной 1628 г. постройки, вошедшей в историю архитектуры как Дивная. Раскопками раскрыта каменная дренажная конструкция для отвода лишней воды из колодца в подклете под алтарем церкви, созданная на этапе закладки ее фундамента. Можно утверждать, что храм задуман и осуществлен как храм над источником, существовавшим до начала строительства. Первоначальное посвящение церкви Одигитрии рассмотрено как в контексте событий 1-й трети XVII в., так и в соотношении с данными об основании монастыря св. Алексием митрополитом Московским в начале 1370-х гг. Сделан вывод о возможности посвящения монастыря при его основании Богородице Одигитрии и связи этого посвящения с почитанием святыни константинопольского монастыря Одигон и событиями жизненного пути св. Алексия Митрополита.

Ключевые слова: Углич, Алексеевский монастырь, церковь Успения Дивная, церковь Одигитрии, храм над источником, св. митрополит Алексей Московский, патриарх Филарет, древнерусская архитектура, архитектурная археология.

Успенская церковь с трапезной угличского Алексеевского мужского монастыря, вошедшая в историю архитектуры как Дивная¹, – хрестоматийный памятник древнерусского зодчества² (рис. 1). В литературе довольно прочно утвердилось мнение

¹ Впервые наименование «предивная» дано храму составителями Угличского летописца (Угличский летописец, 1996. С. 46; Царе-Углический летописец, 2013. С. 88). Название «дивной» окончательно закрепилось за храмом к середине XIX в. (*Серебряников*, 1860. С. 302).

² Рассмотрение архитектурных форм этого памятника, в т. ч. с учетом истории перестроек и реставрационных работ, обширной библиографии и противоречивых позиций авторов, может быть только предметом отдельного исследования и не является предметом данной работы. В рамках данной работы мы

Рис. 1. Алексеевский монастырь в Угличе. Церковь Успения Богоматери (Дивная) и церковь св. Иоанна Предтечи. Вид с юго-востока. Фото 2000-х гг.

о том, что первый после Смуты каменный храм, возведенный в Угличе в 1628 г. во имя Успения Богоматери, стал памятником угличанам, погибшим в ходе польско-литовского разорения (Денисов, 2000а. С. 19). Храм поставлен в самой заметной точке панорамы окрестностей средневекового Углича – на высоком краю холма «Огнева гора», более тысячи лет сохраняющего дохристианскую топонимику (Евреинов, 1907. С. 63) (рис. 2). Вопрос о том, по какой причине храм, являющийся вторым по статусу после соборного храма св. Алексея митрополита Московского и возведенный позже собора, занимает самое выигрышное положение на небольшой площадке вершины Огневой горы с обзором как со стороны города и посада, так и далеко за его пределами, на дальнем подъезде к городу, никогда не ставился. Подразумевалось, что

будем обращаться к отдельным связанным с архитектурой храма характеристикам только в той мере, в какой это необходимо для изучения заявленной темы.

Рис. 2. Углич. Вид с юго-востока на берег Каменного ручья, Огневу гору и Алексеевский монастырь. Фото 1903 г.

основанный, по монастырскому преданию, в 1371 г. самим святителем Алексием монастырь получил свое название и собор во имя основателя после его канонизации между 1431 г., когда были обретены мощи святителя, и 1448–1449 гг., когда было установлено его почитание (*Голубинский*, 1900. С. 225). Впервые письменно оформившая монастырскую традицию статья Угличского летописца – исторического сочинения XVIII в.³ – сообщала, что первый храм монастыря был возведен во имя Успения, что определяло первоначальное наименование обители и объясняло посвящение последующих храмов на этом месте (*Угличский летописец*, 1996. С. 151; *Царе-Углический летописец*, 2013. С. 319). Традиция считать Успенскую церковь 1628 г. построенной на месте и «в память прежней деревянной Успенской» отразилась и в первых публикациях XIX в. по истории монастыря (*Серебряников*, 1860. С. 300).

Археологические исследования монастыря были запланированы в рамках сотрудничества с Угличским музеем для определения времени начала освоения верхней площадки Огневой горы вокруг Успенской церкви и поисков здесь следов

³ Исторический труд, собравший и отредактировавший сохранившиеся к тому времени разрозненные документы по истории Углича. Летописец составлен и дополнен несколькими авторами в 1760–1830-х гг. и сохранился в нескольких редакциях. Работа по текстологическому анализу для выявления в них следов не сохранившихся более ранних источников находится на начальной стадии (*Севастьянова*, *Смирнов*, 1996; *Томсинский*, 2004. С. 47–79).

более раннего строительства. Предполагались исследования соборного храма, время создания и сохранность которого были неизвестны. Но начаты они были неожиданно. Осенью 1997 г. здания и территория были переданы Успенскому женскому монастырю.

В новогоднюю ночь на 1 января 1998 г. рабочими монастыря были полностью разобраны полы XVII–XX вв. в соборном храме Алексия Митрополита. Нам удалось остановить незаконные работы и провести необходимый минимум археологической фиксации⁴. Исследования снаружи храма предполагалось провести в 1998 г., но они не состоялись⁵. Вновь запланировав эти работы на лето 1999 г., мы рассчитывали также исследовать и остатки древнего крыльца Успенской (Дивной) церкви⁶ (рис. 3: 1).

Начало работ в июле 1999 г. сопровождалось новыми неожиданностями, скорректировавшими наши планы. В начале лета по указанию игуменьи⁷ для «просушивания» фундаментов все церкви монастыря были обкопаны по периметру на глубину от полуметра до двух с половиной метров. Снаружи Успенской церкви была выбрана бульдозером примыкавшая к алтарю часть монастырского кладбища, фундаменты храма оказались с востока – северо-востока обнажены на глубину более 2 м.

С севера от ее трапезной весной 1999 г. было отстроено новое каменное крыльцо с полной выборкой культурного слоя⁸, что сводило к минимуму возможности археологических работ⁹ (рис. 3: 2).

В подвале под алтарем церкви Успения нанятыми монастырем рабочими были начаты земляные работы по расширению и углублению небольшого древнего колодца, время и обстоятельства появления которого известны не были. Данные об этом колодце полностью отсутствуют в письменных источниках, включая поздние описания храма.

⁴ Автор данной статьи, к сожалению, на момент остановки работ располагала только собственными силами, посильным личным участием в обмерах директора Угличского музея В. И. Ерохина и временем до окончания новогодних праздников. Нами была расчищена от остатков строительного мусора и обмерена площадь древнего храма в пределах нижних частей стен, установлена его датировка XVI в. и зафиксирована его сохранность на всю высоту, включая большую часть первоначального купола в чердачном помещении (*Трова*, 2001).

⁵ В июле 1998 г. оказалась возможной только частичная фиксация результатов несогласованных хозяйственных земляных работ в западной пристройке к храму, возведенной в 1930-х гг.

⁶ Древнее крыльцо для входа на второй этаж здания, в трапезную и в храм, располагавшееся с северной стороны, было утрачено в XVIII в. (*Новиков*, 1992. С. 22) и к началу XX в. заменено балконом-верандой, а в 1905 г. – каменным крыльцом, позднее разобранным. О наличии здесь валунной кладки, предположительно, представлявшей собой основание первоначального деревянного крыльца, нам было известно от С. Е. Новикова, участвовавшего в реставрации Успенской церкви в 1967 г. По его сообщению, полного исследования кладки не производилось, не исключалась возможность существования деревянного крыльца. Это послужило основанием для воссоздания в ходе реставрации крыльца из дерева, сохранявшегося до весны 1999 г. В работе 1992 г. (Там же) автор предполагает крыльцо, аналог северному крыльцу трапезной Успенского монастыря в Тихвине, т. е. каменное.

⁷ М. Миропия (Юрченкова).

⁸ По сведениям свидетеля незаконных работ В. И. Ерохина, в 1999 г. директора Угличского историко-художественного музея, культурный слой к востоку, западу и северу от крыльца, в т. ч. остатки валунных кладок, уничтожен экскаватором в ходе земляных работ, предшествовавших нашему приезду, на глубину 0,8–1,3 м при мощности антропогенных отложений на участке шурфа 2, ближайшего к Успенскому храму, – 0,88–1,14 м.

⁹ Позже мы узнали, что работы внутри здания под трапезной палатой также невозможны, поскольку все культурные напластования там были тогда же уничтожены при устройстве ранее не существовавшего погребца.

Рис. 3. Алексеевский монастырь в Угличе. Церковь Успения (Дивная). 1 – вид с юго-запада. Фото 1970-х гг. Деревянное крыльцо, выполненное при реставрации 1967 г.; 2 – вид с юго-запада. Фото 2000-х гг. Кирпичное крыльцо, построенное весной 1999 г.

К XX в. о существовании колодца полностью забыли – очевидно, он был целиком скрыт плитами позднего пола. Появление воды в подклете храма уже к 1920-м гг. вызывало удивление и не находило объяснения. По сообщению священника Ипатия, пол подвала весной и осенью полностью заливался водой. В письме к И. А. Тихомирову художник-реставратор Н. В. Перцев, обследовавший угличские храмы, сообщал: «С водой в подвале дело обстоит все так же плохо. Всякие попытки (не только у меня) определить ее происхождение ни к чему не приводят». В черновых заметках по реставрационным работам, относящихся к 1928 г.: «Вода! Опять вода в “Дивной”???» (Перцев, 2014. С. 4–6)¹⁰.

К началу наших работ 1999 г. древняя деревянная обшивка колодца в верхней части была уничтожена, материковая глина вокруг колодца перекопана, внутрь установлена временная конструкция из подручных материалов (рис. 5: 1). Вода из колодца ушла. Судя по сохранившейся нижней части, колодец первоначально имел округлую форму с диаметром около 60 см и был обшит изнутри досками¹¹.

В значительной степени для того, чтобы прекратить неконтролируемые работы внутри Успенской церкви, нами было заложено два шурфа: снаружи (с юга) и внутри подклета (в южной абсиде) в алтарной части для исследования площадки

¹⁰ О работах Н. В. Перцева 1928 г. нам стало известно позднее, когда были опубликованы выявленные В. И. Ерохиным материалы из его личного архива.

¹¹ Нижний участок колодца с остатками обшивки просматривался за устроенным хозработами дощатым ограждением на глубине около 1 м, возможности его фиксации мы не имели.

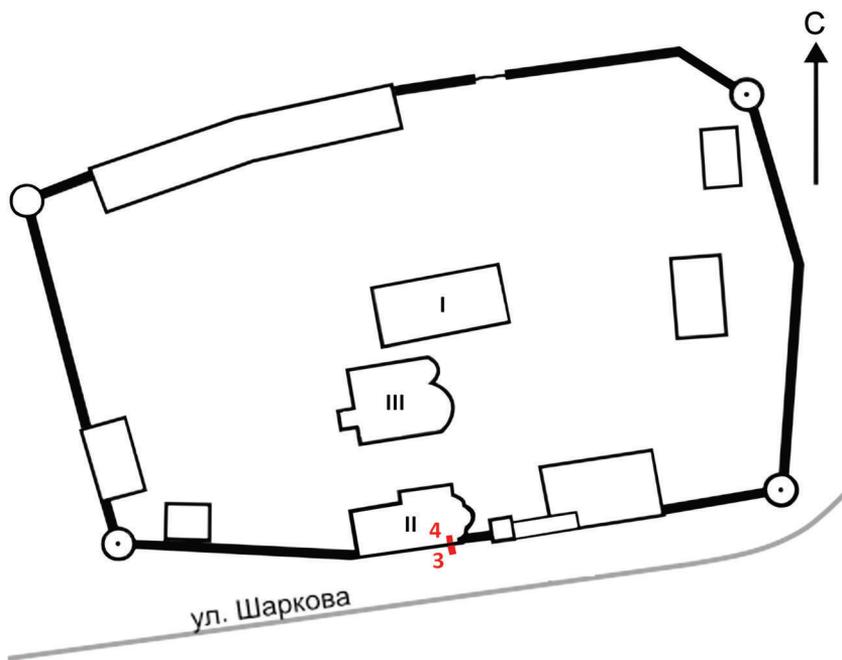

Рис. 4. План-схема Алексеевского монастыря с указанием местоположения шурфов АО ДАЭ ГЭ 1999 г. снаружи и в интерьере церкви Успения. 3 – шурф 3; 4 – шурф 4. I – церковь св. Алексия митрополита Московского XVI в.; II – церковь Успения Богоматери 1628 г.; III – церковь св. Иоанна Предтечи XVII в.

вблизи колодца (рис. 4). Учитывая практически полное уничтожение культурного слоя на верхней площадке Огневой горы в течение 1998–1999 гг., небольшие фрагменты неповрежденных отложений оказались последним шансом получить данные по строительной истории участка.

Шурф 4 в интерьере южной абсиды подклета церкви Успения был разбит вплотную к южной стене храма напротив заложеного первоначального окна подклета (рис. 4; 5: 2). Размеры шурфа – 1,25 × 1,70 м. Ориентация: север – юг.

Работы начаты с уровня основания белокаменного пола из мощных плит, уложенных на материковую глину. Его отметки локализуются на 0,6 м ниже уровня неповрежденного материка снаружи у стены храма¹², таким образом, работы в шурфе велись в структурах, изначально расположенных ниже уровня поверхности материка. Часть плит оказалась снятой до нашего появления. Зафиксирован¹³ верхний обреш фундамент южной стены храма, сложенный из гранитных валунов (40–50 см

¹² Отметки поверхности пола от -3.45 до -3.48 при уровне материка от -2.75 до -2.76. За точку ±0.00 принята (при отсутствии репера от Балтийского ординара) точка верхней границы венчающего карниза цоколя у западного откоса портала северного фасада церкви Иоанна Предтечи Алексеевского монастыря.

¹³ На уровне от -3.45 до -3.56.

Рис. 5.1. Подклет алтарной части церкви Успения. Хозяйственные работы силами монастыря по расширению колодца под центральным алтарем. Вид с севера на юг. Фото 10 июля 1999 г.

Рис. 5.2. Подклет алтарной части церкви Успения. Шурфа 4 АО ДАЭ ГЭ 1999 г. у южной стены храма. Площадка до начала работ. Вид с севера на юг. Фото 10 июля 1999 г.

в поперечнике) насухо с заполнением пространства между валунами кирпичным щебнем. Раскрыты два верхних ряда валунной кладки и верхние участки трех деревянных свай фундамента (рис. 6: 1–3; 7). Они представляют собой вертикально вбитые в материковую глину и обложенные (в верхней части) валунами фундамента бревна (сосновые?) округлого сечения диаметром 10–11 см. Расстояние между сваями – 0,22–0,35 м. Расчистка ниже во избежание ущерба фундаменту, уже обнаженному снаружи, не производилась.

Практически на уровне линии верхнего обреза фундамента¹⁴ был зафиксирован замковый камень (подтесанный в нижней части камень гранитной породы) арочной перемычки дренажной трубы, выложенной в толще фундамента стены ниже уровня плитяного пола (рис. 5: 2). Кладка перемычки выполнена одновременно и вперевязку с кладкой стены на том же растворе¹⁵.

Труба представляет собой две вертикальные кирпичные стенки на растворе, установленные на горизонтальное основание из одного ряда кирпича, уложенного на постель непосредственно на валунную кладку фундамента, и перекрытые полуциркульным кирпичным сводиком (рис. 6: 1–3; 7). Внутренние размеры трубы: высота до шельги свода – 31 см, ширина – 16–18 см. Начальный участок трубы в интерьере подклета оформлен арочной нишкой чуть большего размера. Заподлицо с внутренней лицевой поверхностью южной стены храма выложена внешняя арочная перемычка из окатанных гранитных клинчатых камней, опирающаяся уже не на кирпичную кладку, как во внутренних участках трубы, а на валуны фундамента стены. В нижней части, образующей контур арки, камни имеют подтески. Наружная арочка была выложена из семи камней – два из них, служившие пятами арочки, утрачены. Ширина основания этой арочки – 46 см, высота от верхней поверхности кирпичного основания трубы до ее шельги – 0,43 м (рис. 6: 3; 7).

Каких-либо следов конструкции, связывающей внутрискладочную трубу с колодецем, в центральном членении подклета храма обнаружено не было, хотя труба и колодец расположены на одной линии. Очевидно, что дренаж функционировал при переполнении колодца. Возможно, к нему вела деревянная труба или открытый лоток, перекрытые позднее плитами пола и уничтоженные в ходе поздних ремонтов пола. Об этом косвенно свидетельствует конструкция начального участка трубы с характерными утратами кладки, скорее всего образовавшимися при демонтаже лотка (рис. 6: 3). Кроме того, перекоп, состоящий из переотложенной материковой глины, в верхних горизонтах напластований в шурфе имел более рыхлый характер. Мискообразный профиль ямы от трубы или лотка был виден в стратиграфии и хорошо просматривается на фотографии (рис. 6: 2), но графически зафиксирован не был из-за обвала стенки шурфа.

Обследование подклета, проведенное Н. В. Перцевым в 1928 г., фиксирует уровень пола подклета значительно ниже, таким образом, наружная нишка трубы

¹⁴ На линии восточного откоса оконного проема южной стены подклета, на 0,30–0,42 м ниже нижней границы внутреннего отлива окна.

¹⁵ Размер кирпича не фиксируется, поскольку практически все кирпичи, доступные для обмера, имеют подтески или околоты.

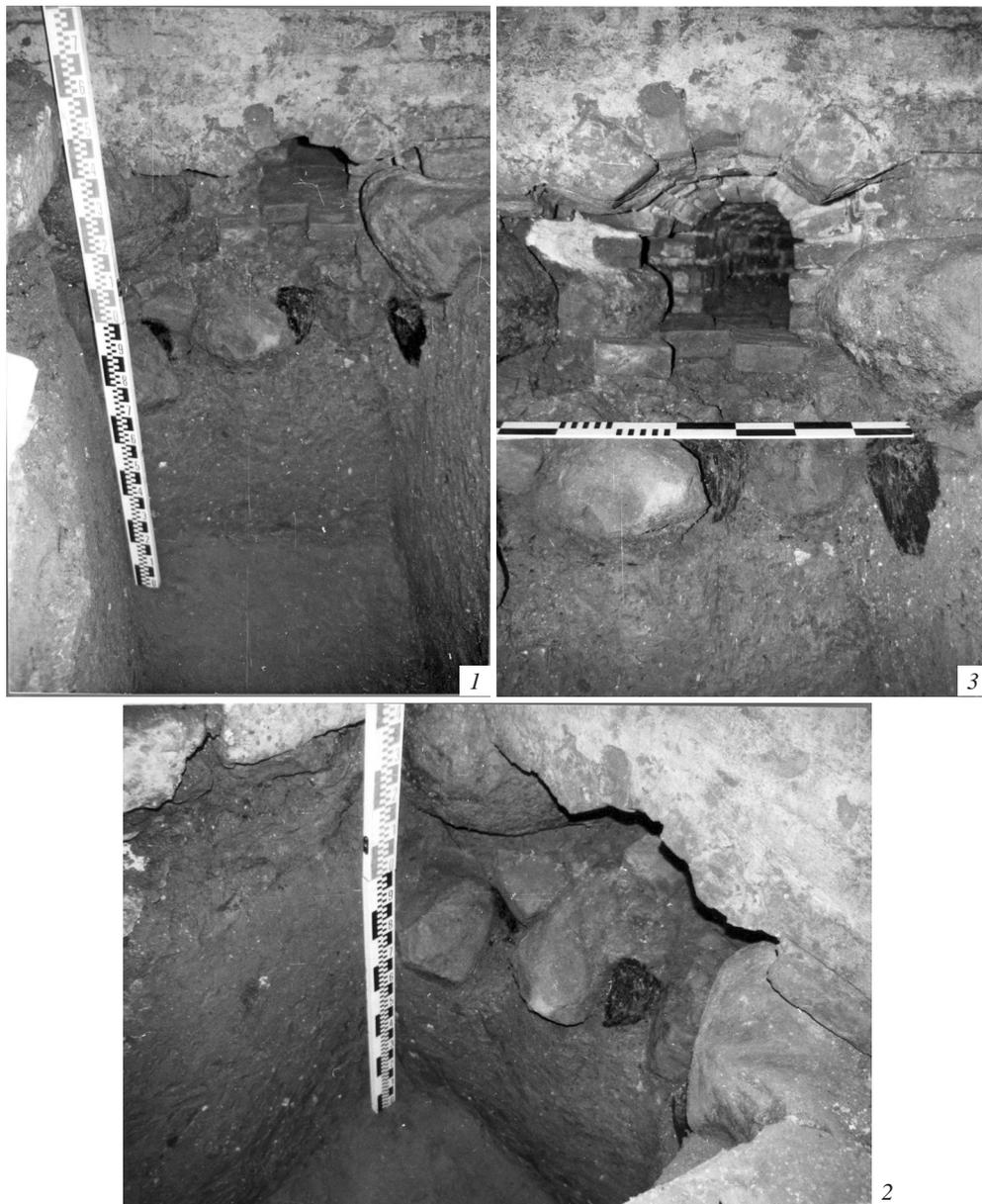

Рис. 6. Углич. ДАЭ ГЭ АО 1999 г. Алексеевский монастырь, Церковь Успения. Шурф 4. Начальный участок дренажной трубы в основании южной стены подклета храма. Валунная кладка фундамента с верхними участками деревянных свай. Фото 1999 г. 1 – вид с севера (сверху) на конструкцию трубы и южную стенку шурфа; 2 – вид с северо-запада на кладку фундамента. Южная и часть восточной стенки шурфа; 3 – вид с севера (снизу) на кладку трубы; утраты кладки в месте примыкания утраченной части трубы (лотка?), соединявшей внутреннюю трубу с колодцем

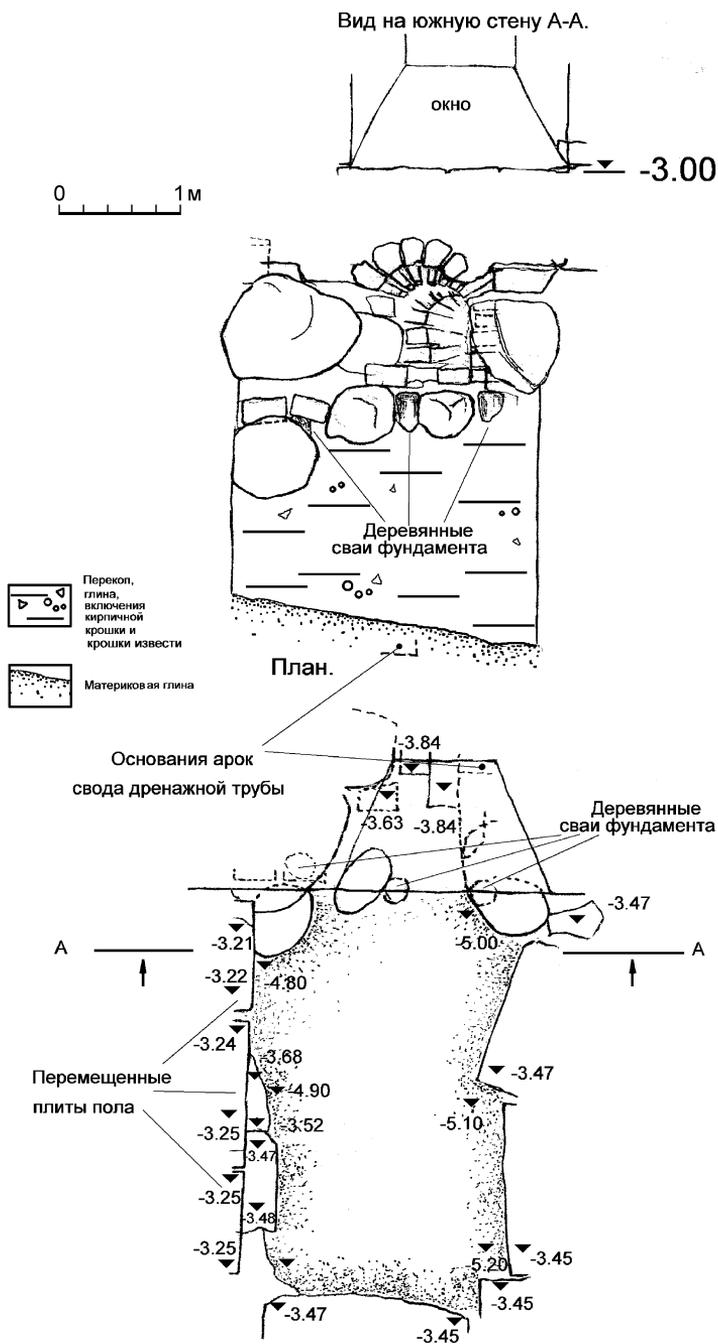

Рис. 7. Углич. ДАЭ ГЭ АО 1999 г. Алексеевский монастырь. Церковь Успения. Шурф 4. Вид на южную стену по А-А. План. Обмер М. Медведевой. М. 1:20

находилась над полом и была видна полностью¹⁶. При этом вода стекала от колодца под центральным алтарем к трубе в южной стене самотеком, образовав у стены промоину. Очевидно, что необходимый для направления воды в нужное место уклон пола еще сохранялся. Утрачен – или переложен – был участок пола (лотка?) у стены, непосредственно примыкавший к началу трубы и не дававший воде растекаться.

Устройство дренажной трубы фактически на уровне пола, притом что храм поставлен на самом краю площадки, расположенной на самом высоком участке холма, а также сохранение колодца в течение как минимум почти четырех столетий свидетельствуют о том, что речь идет не об искусственно созданном колодце, а о роднике – источнике, корректно оформленном на этапе основания храма.

Таким образом, был зафиксирован начальный участок одновременной постройке храма дренажной каменной конструкции¹⁷, служившей для обеспечения отвода воды из находившегося в подклете храма источника, предположительно, функционировавшего задолго до закрытия монастыря в послереволюционный период и прикрытого полом уже к рубежу XIX–XX вв.

Для исследования наружной части конструкции заложен шурф 3 у южной стены церкви Успения, у второй с востока лопатки фасада, осложненной первоначальным окном, заложенным позднее¹⁸. На момент начала работ верхний обрез фундамента обнажен монастырскими хозработами¹⁹ (рис. 8: 1–2).

На уровне материка зафиксирована траншея (яма № 1Б), расположенная под углом к стене храма, глубиной по материк до 1,0 м, дно плоское, стенки отвесные. Траншея составляет единое целое с траншеей фундамента храма, впущена²⁰ одновременно с ней с одного уровня, с поверхности углисто-золистой прослойки, датированной временем смутного разорения (рис. 11: 1, 2). Траншея продолжается к юго-западу за пределы стенок шурфа. На ее дне раскрыта уходящая под кладку фундамента храма выложенная из кирпича дренажная труба округлого сечения. Западная стенка

¹⁶ В письме к И. А. Тихомирову от 19 августа 1928 г. Н. В. Перцев сообщал: «Вычерпанная из ямы вода (в ясный день) через 6 минут наполняется вновь. Вчера осматривали маленькое арочное окошко у самого пола подвала в южной стене (помните?) и оно оказалось началом выложенной кирпичом трубы, идущей в земле перпендикулярно стене с уклоном от стены. Диаметр трубы 40 сант. На протяжении 1-й сажени она делает поворот и где кончается – неизвестно. Напомню, что у самого окошечка образовалась яма и в ней-то и стоит вода... Не будет ли полезно поднять уровень дна ямы до начала отверстия в этой трубе. Может быть, это поможет стоку воды в трубу в осеннее и весеннее время... Сейчас это вряд ли что даст, ибо уровень воды не доходит до начала отверстия трубы (окошечка). Мое мнение, этот вопрос с водой в “Дивной” очень серьезен, его следовало бы решить, так как осадок стены следует приписать этому» (Перцев, 2014. С. 4–5).

¹⁷ Ее раскрытие в т. ч. позволит и в дальнейшем обеспечить отвод воды от фундаментов Успенской церкви.

¹⁸ Его внутренние откосы зафиксированы в интерьере подклета храма.

¹⁹ При этом разрушена валунная вымостка, сооруженная вдоль южного фасада храма на склоне Огневой горы в ходе послевоенной реставрации, и сделанная тогда же бетонная отмостка (шириной 1,2 м), проходившая вдоль фасада.

²⁰ Траншея дренажной трубы, единая с фундаментной траншеей южной стены храма, впущена с уровня верхней границы углистой прослойки 6. Полное отсутствие находок в непотревоженных ямами антропогенных отложениях шурфа 3 не дает основания для точной датировки прослойки 6 по материалам шурфа 3. Стратиграфически соответствующие прослойке 6 и аналогичные по составу напластования в шурфах 1 и 2 датируются периодом Смутного разорения 1609–1611 гг.

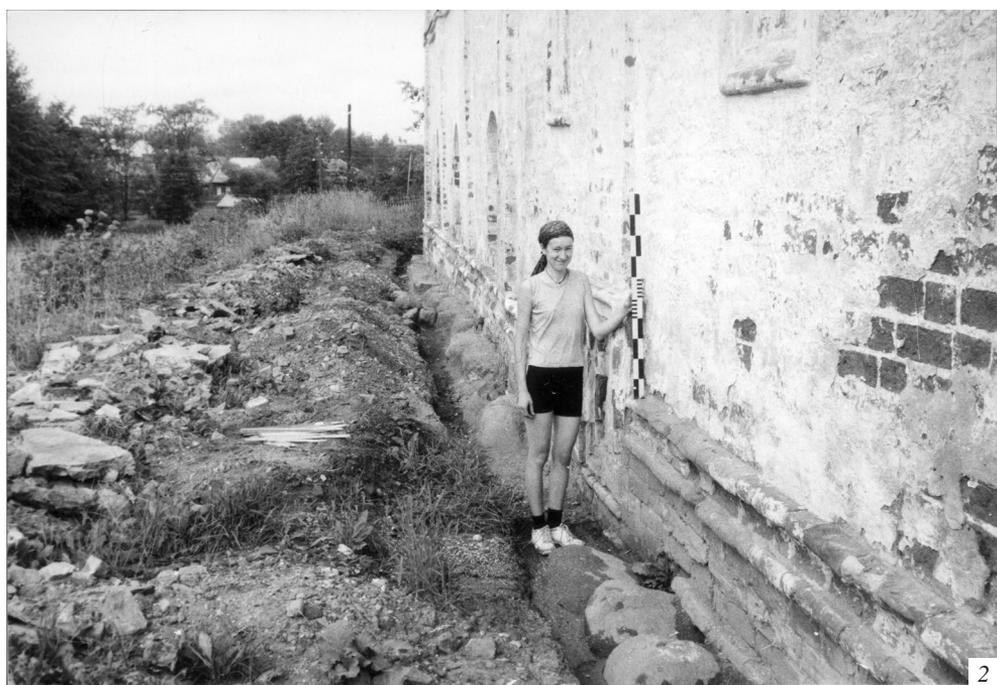

Рис. 8. Углич. ДАЭ ГЭ АО 1999 г. Алексеевский монастырь. Шурф 3. Площадка до начала работ. Фото 1 августа 1999 г. 1 – вид с юго-запада; 2 – вид с юго-востока

Рис. 9. Углич. ДАЭ ГЭ АО 1999 г. Алексеевский монастырь. Шурф 3. Материк. Выбранные ямы. Вид с юга на южную стену храма и траншею в материке (яма № 1Б) с участком кирпичной дренажной трубы; позднейшие ямы для доступа к ревизионному отверстию. Фото 1999 г.

фиксирован в нижнем горизонте прослойки 3. Вероятно, при реставрации 1967 г. люк заделали заподлицо с поверхностью кладки раствором с применением цемента (рис. 9; 10; 12). Судя по неоднократно впущенным на этом месте ямам²³ (рис. 11: 1, 2), отверстие было востребовано для прочистки трубы в течение всего срока ее существования. Местоположение ревизионного колодца и самой трубы отмечало окно в основании восточной лопатки фасада (рис. 8: 1; 10).

Коллектор изогнут к западу, что предполагает продолжение его по линии улицы, ведущей вниз с холма, вдоль южной границы монастыря по направлению

и часть свода трубы перекрыты выходящими за линию южной границы фундамента стены храма крупными²¹ гранитными валунами, составляющими с фундаментом храма единую валунную кладку (рис. 9–11).

Ширина трубы – около 1,2 м. Она сложена из кирпича размерами 29,0–30,0 × 14,5–15,0 × 6,5–7,0 см с выходом на поверхность кладки только ложков, с произвольным сдвигом рядов кирпича относительно друг друга, на известковом растворе²². Кирпич и раствор идентичны материалам стеновой кладки храма. Швы кладки не обрабатывались, избыток раствора оставался на кладке. Под трубу уложено основание из одного ряда уложенных на постель обломков кирпича и мелких камней, выступающее за юго-восточную границу трубы на 0,04–0,22 м.

В своде трубы зафиксировано подпрямоугольной формы изначальное ревизионное отверстие размерами около 30 × 25 см, сперва, скорее всего, закрывавшееся плоским камнем. В позднейший период функционирования (XIX – начало XX в.) оно, вероятнее всего, было прикрыто дощатой крышкой. Деревянный тлен от досок толщиной до 5 см за-

²¹ До 56 см в поперечнике.

²² Раствор серо-белый с примесью среднезернистого речного песка, однородный, с мелкими непро- мешанными фракциями извести, довольно прочный.

²³ Ямы № 3, 3А, 2 (рис. 9: 1, 2).

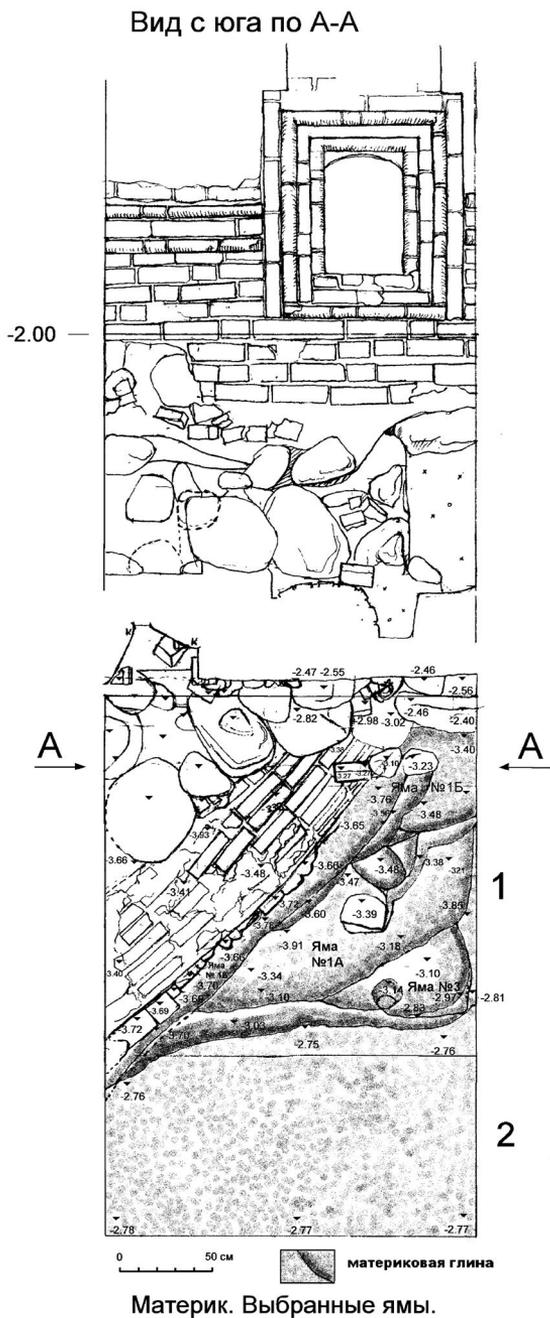

Рис. 10. Углич. ДАЭ ГЭ АО 1999 г. Алексеевский монастырь. Церковь Успения. Шурф 3. Обмер М. Медведевой. 1 – вид на южную стену по А-А; 2 – план: материк. Выбранные ямы. Участок дренажной трубы с ревизионным отверстием. М. 1:20

Рис. 11 (2). Углич. ДАЭ ГЭ АО 1999 г. Алексеевский монастырь. Церковь Успения. Шурф 3. Восточная стенка шурфа 3. Яма № 1Б. Вид с запада. Фото. Август 1999 г.

к Каменному ручью (рис. 2). В 1999 г. мы не обнаружили окончания трубы, но оно хорошо просматривается на фотографиях XX в., где виден стык трубы с открытой канавой, впадающей в Каменный ручей (рис. 13).

Раскрытая нами сооруженная на начальном этапе строительства церкви дренажирующая конструкция позволяет внести коррективы в осмысление этого памятника²⁴. Строительство кирпичного коллектора в процессе закладки фундамента свидетельствует о том, что устройство алтаря храма над источником носило характер осознанного выбора. Надо полагать, что сакральный статус этого источника был уже достаточно высок и до постройки храма, если, несмотря на возможные негативные последствия строительства столь сложного в конструктивном отношении здания на роднике и на наличие в монастыре других свободных площадок, выбор пал на это место.

Итак, Дивная церковь в угличском Алексеевском монастыре была задумана и осуществлена как храм над источником. В этом контексте должна быть еще раз рассмотрена ранняя история храма и монастыря.

Трехшатровая каменная церковь с трапезной на территории угличского Алексеевского монастыря Писцовыми книгами 1674–1676 гг. названа Успенской, ее постройка уверенно датирована 1628 г., что не противоречит и нашим археологическим исследованиям. Постройка храма связывается с периодом деятельности

²⁴ Рассмотрение архитектурного, технико-технологического и художественного аспектов изучения здания – тема отдельной работы. В данной работе эти аспекты будут затронуты только в той мере, в какой они необходимы для понимания истоков и последующего осмысления символики посвящения храма в связи с обнаруженными археологически важнейшими деталями его первоначального замысла.

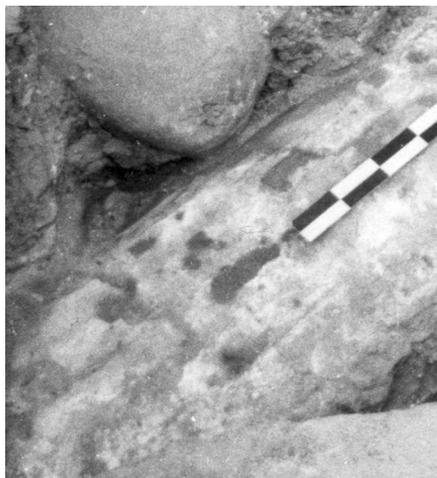

Рис. 12. Углич. ДАЭ ГЭ АО 1999 г. Алексеевский монастырь. Церковь Успения. Шурф 3. Участок дренажной трубы с замурованным ревизионным отверстием. Вид с юга. Фото 1999 г.

строителя монастыря старца Мисаила²⁵, до того – келейного старца патриарха Филарета, бывшего с отцом царя Михаила Федоровича и до его возвышения в ссылке на ростовской митрополичьей кафедре и в польском пленении²⁶ и поставленного на должность строителя²⁷ около 1610 г.²⁸ в период Смутного разорения Углича.

Дата постройки храма исследователями XX в. практически не ставилась под сомнение²⁹, как и посвящение Успению Богоматери.

Между тем, церковь впервые фигурирует в документах с таким посвящением только спустя 48 лет³⁰ после ее постройки в Писцовых книгах 1674–1676 гг.: «Да на Угличе ж на посаде Алексеевский монастырь, а на монастыре церковь Алексея митрополита Московского и всея Руси каменная об одной главе... да к той же церкви в 135 [1527] году³¹ построена церковь

²⁵ Личность «строителя старца Мисаила» хорошо известна по многочисленным жалованным, вкладным и хозяйственным грамотам периода его руководства Алексеевским монастырем (1610–1638) (Шумаков, 1899. С. 16, 17, 83, 92, 97; Литинский, 1890. С. 42–46).

²⁶ «И бысть тогда и в пленении и во узах и келейный старец его именем Мисаил» (Угличский летописец, 1996. С. 153; Царе-Углический летописец, 2013. С. 322; Серебряников, 1848. С. 280; Карамзин, 1835. С. 61; Денисов, 1995. С. 79).

²⁷ Предположение об участии Мисаила в строительстве в качестве архитектора, выдвинутое в советской историографии (Денисов, 1995; 2000б. С. 79) и основанное как на ошибочном буквальном понимании термина «строитель», что отмечалось исследователями (Кавельмахер, 1999. С. 94; Бусева-Давыдова, 2003. С. 51–52), так и достаточно вольной трактовке сведений публикации И. Э. Грабаря (Грабарь, 1909. С. 84. Прим. 3), представляется нам совершенно непродуктивным.

²⁸ Грамота Царя и Великого Князя Василия Ивановича Шуйского Алексеевскому монастырю на прежние монастырские вотчины от 8 марта 7118 г. (1610 г.), в которой старец Мисаил фигурирует в качестве строителя, выявлена В. В. Денисовым (Денисов, 1995. С. 80–81; 2000б. С. 20, 119), им уточнено время начала деятельности старца в монастыре, ранее в литературе фигурировали другие даты (ЯГВ, 1848. № 49. С. 280).

²⁹ Исследования в процессе реставрации Успенского храма в 1960-х гг., убедительно доказавшие одновременность сооружения всех его частей, и последующее его изучение, включая интересное предположение о возможном авторстве Елисея Степанова (Кавельмахер, 1999. С. 90–95), сделали датировки, основанные на некритичном прочтении статей Углического летописца, допускающие в т. ч. постройку храма в XV столетии и последующую достройку его в 1628 г. (Михайловский, 1948. С. 32–33) только фактом историографии.

³⁰ Впервые посвящение Успению встречается в Описи Углича 1663 г., входящей в состав Углического летописца (Угличский летописец, 1996. С. 107). Но, учитывая правки, внесенные в некоторые документы при составлении летописца, к этим сведениям нужно относиться с осторожностью.

³¹ В текстах публикаций этого документа приведены разные даты этого строительства в Трудах ЯГУАК – 135 [1527] год (Выпись..., 1892. С. 113), во Временнике Демидовского юридического лица – 136 [1528] (Литинский, 1892. С. 64).

Рис. 13. Спуск с Огневой горы по Алексеевской улице (совр. ул. Шаркова). Место соединения закрытого участка дренажной трубы с открытой канавой, впадающей в Каменный ручей. Фото 1920-х гг.

Богоявления Господня с трапезою и с паперьтми над трапезою колокольница да казенная палата; под трапезною хлебня... Да на монастыре церковь Успения пречистыя Богородицы каменная, теплая с трапезою» (Выпись..., 1892. С. 109, 114; *Липинский*, 1892. С. 55–64).

Более ранние Писцовые книги 1629–1631 гг., описавшие Угличский уезд сразу после постройки храма, сообщают о монастыре следующим образом: «На Угличе на посаде монастырь Алексеевской, а на монастыре: церковь Алексея Митрополита да предел Кирила Чудотворца каменной, да в том же монастыре устроено вновь во 136 [1528] году каменного дела палат вверху и в исподи 8 служб да колокольня верх шатровая, да церковь Пречистыя Богородицы Одигитрия с трапезою на подклетех [курсив наш. – *Е. Т.*] да церковь Ивана Предтечи древян, а в церквах образы и книги и ризы, и на колокольне колокола и всякое церковное строение монастырское, а около того монастыря ограда, забор да ворота святые (*Липинский*, 1888. С. 219)».

Следует подчеркнуть, что этот документ, сохранивший сведения о первом посвящении храма Одигитрии, введен в научный оборот только во 2-й половине XIX в. и не был привлечен при создании исторических сочинений XVIII в., в том

числе нескольких редакций Угличского летописца, ставших основой для устоявшейся к XIX в. монастырской традиции.

Согласно писцовым книгам 1629–1631 гг. – самому раннему и независимо от позднейших правок источнику – каменный храм с трапезной, построенный в Алексеевском монастыре в 1628 г., был посвящен Богородице Одигитрии³².

Косвенно о первоначальности этого посвящения свидетельствует и перечень храмовых икон, приведенный в писцовых книгах 1672–1674 гг., уже фиксирующих посвящение церкви Успению. Справа от царских врат – главная храмовая икона, Успение Богоматери, в одном киоте с иконой св. Алексия Митрополита, слева – икона Богоматери Одигитрии в отдельном киоте. Одигитрия находится и в алтаре в качестве запрестольного образа. Икона Одигитрии находится, по этой описи, и в местном ряду соборного Алексеевского храма (Выпись..., 1892. С. 110). Можно осторожно предположить, что такое положение отражает, возможно, существовавший незадолго до этого несколько иной порядок участия этих образов в храмовом богослужении и их иное соотношение.

Икона Богородицы Одигитрии – чтимая святыня константинопольского монастыря Одигон, расположенного над источником, дарующим исцеление слепым, известная с рубежа V–VI вв. и большинством христианских авторов определяемая как образ письма евангелиста Луки (*Щенникова*, 2023) (рис. 14). Рукопись XII в. объясняет, что наименование икона получила как проводница двух слепых, «которым явилась Святая Мария, отвела их в церковь свою и просветила их глаза» (Описание..., 1996. С. 443). При этом Одигитрией в истории ее почитания именуется как икона Богоматери, указующая путь к источнику, так и сама Богородица, как источник исцеления, в дальнейшем – Путеводительница в самом широком смысле (Повесть..., 1996. С. 473).

³² Мы не будем останавливаться подробно на несостоятельной аргументации статьи И. Л. Бусевой-Давыдовой, пытавшейся доказать неправоту составителей писцовых книг и ввести новую дату строительства храма. К сожалению, эта точка зрения обрела последователей. Исследовательница отождествляет трапезную во имя Богоявления и церковь Одигитрии с трапезной на подклетах, построенные, по свидетельству писцовых книг в один, 1628 г., только на том основании, что, по ее мнению, монастырю не нужны две трапезные, что нельзя считать серьезным поводом для передатировки. При этом автор не дает себе труда выяснить, что сохраняющаяся в структуре соборного храма св. Алексея митрополита до сего дня и в т. ч. зафиксированная на опубликованных чертежах XIX в. (*Денисов*, 2000б. С. 155) западная трапезная пристройка во имя Богоявления, датируемая писцовыми книгами также 1628 г., отнюдь не уничтожена, как она полагает, следуя публикации XIX в. (*Серебряников*, 1860. С. 300), и видна с рубежа 2000-х гг. невооруженным глазом на фасаде в местах утрат штукатурного покрытия. Стратиграфическая датировка этой пристройки по итогам наших работ 1999 г. вполне соответствует 1628 г., как и датировка Дивной церкви с трапезной. Пристройка западного Богоявленского придела в 1628 г. просто увеличивала с запада пространство маленького соборного храма. Об этом значении слова «трапезная» исследовательница почему-то забывает. Наконец, вызывает, мягко говоря, удивление привлечение И. Л. Бусевой-Давыдовой в качестве якобы уничтоженного храма Одигитрии-Богоявления разобранный южной пристройки к церкви Алексея митрополита, известной ей только со слов Д. Е. Яковлева, видевшего постройку при раскопках (*Бусева-Давыдова*, 2003. С. 56. Прим. 16). Яковлев видел остатки якобы этого сооружения в течение 20 минут в нашем раскопе 1999 г., к которому он был допущен в группе лиц, сопровождающих С. С. Подъяпольского (о чем исследовательница корректно умалчивает). Добавим, что на момент этого посещения для обзора были доступны основание классического портика, твердо датированного не ранее рубежа XVIII–XIX вв., и кладка склепа младенческого захоронения начала XX в. Остатков пристроек ранее середины – 2-й половины XVIII в. в раскопе не обнаружено. Других раскопок на момент выхода статьи Бусевой-Давыдовой у храма не велось.

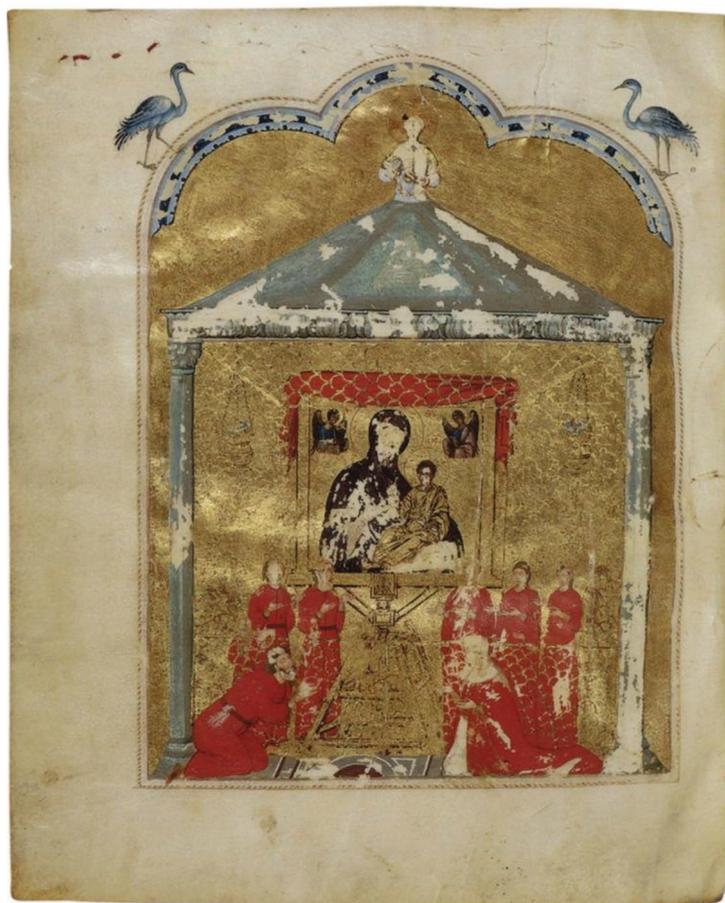

Рис. 14. Моление перед чудотворной иконой Одигитрии Константинопольской в ее святилище. Миниатюра из «Псалтири Гамильтона». Ок. 1300 г. (Гос. музей Берлина. Berlin. Mus. Kupf. 78A. 9 (Hamilton 119)). https://art.biblioclub.ru/picture_112188_molenie_pered_ikonoy_bogomateri_odigitrii/

Начиная с XII и в течение XIII в. при Палеологах постепенно складывается почитание Одигитрии как палладиума Византийской империи и лично императора – и как покровительницы центральной власти в противодействии бунтам и междоусобицам (Саликова, 1990. С. 47; Щенникова, 2023). Императором Михаилом VIII Палеологом учрежден церемониал с перенесением иконы Одигитрии, ставший ключевым в праздновании Успения Богородицы в Константинополе. Андроник II Палеолог расширил эту традицию, посвятив Деве Марии как покровительнице Константинополя месяц август с совершением богослужений в трех главных храмах: в Одигоне, соборе св. Софии и во Влахернской церкви.

К середине XIV в. достигшее апогея почитание Одигитрии прочно связано с празднованием Успения Пресв. Богородицы, монастырь Одигон обрел статус

одного из самых значимых святых Константинополя, а Одигитрия стала главной Богородичной иконой столицы и всей Византийской империи (*Щенникова*, 2023).

Определенный день празднования константинопольской святыни никогда не был установлен. В Византии это было связано с существованием изначально основной формы ее почитания – вторичных шествий, которые демонстрировали ее связь с чудотворным источником монастыря Одигон.

На русской почве эта связь была известна в XIV столетии и актуализирована в богослужении и иконописи. О святой воде монастыря «Дигитрия» упоминается в анонимном русском «Сказании о святых местах» XIV в. (*Щенникова*, 1999. С. 330, 334).

Об осознании связи константинопольской святыни Одигитрии с целебной водой источника в последней четверти XIV в. свидетельствуют изображения действа с иконой Одигитрии на клеймах византийской иконы последней четверти XIV в. из Успенского собора Московского Кремля «Похвала Богоматери с Акафистом». Одно из клейм изображает икону Одигитрии, укрепленную над источником (шестигранным колодцем). Важно подчеркнуть, что в этот период еще сохраняется прямое влияние реалий константинопольских церемониалов на русскую культовую практику (*Щенникова*, 1999. С. 330; *Саликова*, 1990. С. 54) с сохранением особенностей присущей этим действиям символики (рис. 15).

Два года³³ пребывания будущего митрополита Алексия в Константинополе в ожидании поставления давали ему возможность не только многократно наблюдать священнодействие с исцелениями слепых от чудотворного источника у иконы Одигитрии во время вторичных процессий, но, без сомнения, и участвовать в них в статусе испытуемого на самом пике византийского почитания святыни. Молитва Богородице Одигитрии, получившая впоследствии широкое распространение на Руси, была написана патриархом Филофеем, возводившим Алексия в сан, поддерживавшего его впоследствии и называвшего митрополита «своим другом» (*Голубинский*, 1900. С. 184–187; *Прохоров*, 1988. С. 29).

С формированием русского сонма почитаемых списков икон Одигитрии Смоленской, Тихвинской, Казанской и особенно после событий Смуты, породивших обращения к чтимым иконам и чудеса избавления от врага заступничеством Одигитрии, на первый план выходит охранительная роль этого образа в защите православного государства от внешнего врага и внутренних распрей³⁴.

Можно предположить, что замысел поставить храм на источнике во имя Богородицы Одигитрии как моление о сохранении и защите государства, его столицы и лично православного царя мог принадлежать старцу Мисаилу, а возможно, и самому Филарету³⁵, учитывая особое внимание Романовых к Угличу в стремлении

³³ По мнению Г. М. Прохорова, Алексей пробыл в Константинополе около года (*Прохоров*, 1988. С. 26). Аргументация Голубинского, определившего срок возвращения Алексия из Константинополя осенью 1355 г. (*Голубинский*, 1900. С. 183–184), о чем сообщают Рогожский летописец (ПСРЛ. Т. 15, 2000. С. 64) и др. летописи, представляется более весомой.

³⁴ При этом двойное восприятие Одигитрии и как иконы, и как самой Богоматери, отмеченное еще иконоборцами, сохраняется и в XVII в. (*Плюханова*, 2016. С. 175–180).

³⁵ Углич играет значительную роль в личной судьбе патриарха. В 1606 г. Филарет в сане митрополита возглавил комиссию по освидетельствованию и переносу мощей св. царевича Димитрия, присланную в Углич царем Василием Шуйским (Угличский летописец, 1996. С. 114). Впоследствии он осуществляет довольно последовательную программу по формированию и поддержанию культа св. царевича, в т. ч.

Рис. 15. Похвала Богоматери с Акафистом. Клеймо иконы из Успенского собора Московского Кремля с изображением действия с иконой Одигитрии над источником. Последняя четверть XIV в. (по: Иконы..., 2007)

упрочить законность своей династии (Исторический очерк..., 1905. С. 9, 12, 15–17). Покровительством Филарета Алексеевский монастырь через 20 лет после Смуты стал богатым не только в масштабах Углича.

Но для русской сакральной практики XVII в., в том числе для представителей царствующего дома Романовых, Одигитрия в текстах сказаний это уже более, как правило, конкретный, чаще – чудотворный список иконы со своей местной легендой, чем сама константинопольская святыня (Плюханова, 2016. С. 24–30).

в самом Угличе. Патриархом Филаретом инициировано и возвращение в Углич части мощей и почитаемых реликвий, связанных с гибелью царевича.

Вместе с тем основание храма Одигитрии на источнике в воспоминание о константинопольском палладиуме полностью отвечает восприятию этого образа и реалиям, формировавшимся при жизни св. Алексия митрополита Московского, основателя и небесного покровителя обители.

Чудесное исцеление от слепоты ханши Тайдулы, жены золотоордынского хана Джанибека, молитвами святителя Алексия в 1357 г., в начале его митрополичьего служения, стало одним из главных, определяющих событий его жития (*Житие...*, 1915. С. 31–33, 37–39, 43) (рис. 16). Предвестием чуда был молебен в Успенском соборе с водосвятием³⁶. Место возгоревшейся при молении свечи было осенено находившейся у гробницы св. Петра митрополита написанной самим Петром иконой Богоматери Одигитрии³⁷. Согласно Супрасльской летописи, свеча загорелась в церкви Святой Богородицы во Владимире (куда на пути в Орду проводил митрополита Алексия великий князь Иван Иванович) перед иконой Богородицы, написанной митрополитом Петром (ПСРЛ. Т. 35, 1980. С. 47).

День исцеления ордынской царицы, совершившегося на празднование Чуда в Хонех, обусловил посвящение монастыря, основанного святителем в Московском Кремле, по преданью, на подаренной Тайдулой земле, в котором, по завещанию, он впоследствии был погребен. Его собор освящен во имя Чуда Михаила Архангела в Хонех (ПСРЛ. Т. 25, 1949. С. 182; Т. 15, 1863. Ст. 424), произошедшему во Фригии в храме у чудотворного источника, исцеляющего всех приходящих к нему, включая тех, кто не знал Крещения³⁸.

Часовня над родником была устроена святителем Алексием в Благовещенском монастыре в Нижнем Новгороде после 1370 г. (*Житие...*, 1915. С. 13, 36), ставшим резиденцией митрополита. Как и в случае с Дивной церковью, место источника сохранялось, и в 1725 г. над ним была возведена каменная шатровая часовня во имя Алексия митрополита Московского (*Филатов*, 1996. С. 88).

Сведения о построении св. Алексием новых монастырей по обетам, в молитве, вознесенной в обстоятельствах, требующих помощи высших сил, и обителях, основанных как оплоты митрополичьей кафедры, в т. ч. за пределами Москвы, сохранились в летописных сводах и житийной литературе (*Житие...*, 1915. С. 30, 35; *Голубинский*, 1900. С. 216–218). Угличский Алексеевский монастырь не упомянут среди них ни в одном из посвященных святителю сочинений.

³⁶ По летописным (ПСРЛ. Т. 25, 1949. С. 180; ПСРЛ. Т. 15, 1863. Ст. 423–424; ПСРЛ. Т. 15, 2000. С. 66) свидетельствам при подготовке путешествия в Орду 18 августа во время молебна св. Алексия в кремлевском Успенском соборе сама собой загорелась свеча у гробницы св. Петра Митрополита, что было принято как благословение. Освященной там же водой святитель впоследствии окропил ордынскую царицу (*Житие...*, 1915. С. 39). Согласно исследованию Е. Голубинского, житийные тексты об исцелении вторичны по отношению к сообщениям летописей (*Голубинский*, 1900. С. 196, 198).

³⁷ Летописные статьи, описывающие молебен в московском Успенском соборе, не упоминают эту икону, но, согласно исследованиям, икона, впоследствии получившая название Петровской, находилась при гробе митрополита Петра с момента его погребения и почиталась как один из первых чудотворных образов Одигитрии.

³⁸ Источник был указан архангелом Михаилом, явившимся во сне отцу немой от рождения девочки, оба не были крещены. После исцеления дочери водой источника семейство крестилось, а над источником был возведен храм. Язычники задумали уничтожить храм и источник, но по молитве архангел Михаил отвратил бедствие.

Рис. 16. Чудо исцеления ордынской царицы молитвами митрополита Алексея. Клеймо иконы «Алексий митрополит с житием». Дионисий и его мастерская. Около 1481 г. (?). ГТГ. Инв. 013289. Фото из открытых интернет-источников. https://www.icon-art.info/detail.php?lng=ru&mode=img&mst_id=487&det_id=315; <https://www.icon-art.info/hires.php?type=11&id=315>

Время его основания не фигурирует в сохранившихся письменных источниках. Первым упоминанием об обители стала Духовная грамота угличского князя Дмитрия Ивановича Жилки 1521 г., в которой он завещал: «Да на Угличе ж манастырек на посаде в Огневе слободѣ Олексѣи чудотворецъ и в тот манастырек село Нѣкоуз з деревнями в Рожалове» (ДДГ, 1950. № 99. С. 410).

До середины XIX в. датой возникновения монастыря считался 1492 г. Но вероятность основания нового монастыря в 1492 г. должна быть поставлена под серьезные сомнения³⁹.

³⁹ Можно предполагать появление этой даты в связи с восстановлением ранее существовавшего монастыря после страшнейшего в истории Углича пожара 1491 г., уничтожившего город. Угличский князь тогда же был пойман в Москве, но еще жив, и место его было занято наместником Вельяминовым (ПСРЛ. Т. 26, 1959. С. 287; *Зимин*, 1988. С. 160, 202), довольно скоро покинувшем Углич. Дата 1492 г., очевидно, отразилась в монастырской традиции, поскольку была названа епархиальными властями при сборе данных по истории российских монастырей на рубеже XVIII–XIX вв. для сводного труда (Амвросий (Орнатский), 1811. С. 92).

На рубеже XVIII в. в распоряжении представителей семьи Серебренниковых, владельцев и составителей самых полных редакций Угличского летописца (*Севастьянова, Смирнов*, 1996. С. 12–13), оказался не дошедший до нас древнейший Переяславский летописец⁴⁰, позволивший внести в историческое сочинение дополнительную статью об основании угличского монастыря самим митрополитом Алексием в 1371 г.⁴¹ при посещении им Владимира, Ростова и Углича⁴².

Согласно этому повествованию, Алексей лично осмотрел высокое и красивое место, на котором «и прежде церкви некоей бывшей, и перед малым временем пришествия во град святителя позорено было от нападения на град татар», и благословил основание обители «на сожитие иноков».

О нашествии татар на Углич в это время известий нет, но в 1371 г. город подвергся разорению от Михаила Александровича Тверского в его борьбе с Дмитрием Ивановичем Московским за Углич как часть наследства умершей около 1370 г. дочери князя Юрия Даниловича (брата Ивана Калиты) Софьи (*Аверьянов*, 2018. С. 214–216).

Под тем же 1371 г. летописи сообщают о получении Михаилом Тверским ордынского ярлыка на великое княжение и попытке его объявить об этом во Владимире, куда он впущен не был. Тогда же московский князь с Андреем Ростовским отбывают в Орду, куда Алексей проводил их «до Оки» (ПСРЛ. Т. 15, 2000. Стб. 95–96). Появление митрополита Алексия в это время во Владимире, Ростове и Угличе для укрепления позиций великого князя московского представляется весьма своевременным.

Довольно правдоподобно выглядит и упоминание о ранее бывшей на этом месте церкви. Огнева гора, сохранившая языческий топоним до конца XIX в. (*Евреинов*, 1907. С. 63), не могла к XIV в. не быть освящена христианским храмом. По возвращении в Москву, как гласит летописец, святитель держал совет с великим князем, после чего послал в Углич инок Андреана с духовной грамотой угличскому князю Константину⁴³ и деньгами на построение церкви, по версии Угличского летописца – Успения Богородицы, и устроение соименной мужской обители.

Основание монастыря на самом высоком холме Углича с храмом Одигитрии на источнике в молении Богоматери о защите сильного Московского государства

⁴⁰ Его происхождение в Барсовском списке летописца уточнено самим составителем: «яже у Даниила Преподобного Переяславского чудотворца во обители Свято-Троицкой обретох его летопись, и драгою ценою докупися, и многая с тоя zde списах» (Угличский летописец, 1996. С. 65; Царе-Углический летописец, 2013. С. 165).

⁴¹ К рубежу XIX–XX вв. эта дата основания обители была принята (хотя других источников, ее подтверждающих, найдено не было) и вошла в справочные и краеведческие издания (Краткие сведения..., 1908. С. 10). Статьи Музейной редакции летописца называют также датой построения обители 1372 и 1373 гг. (Царе-Углический летописец, 2013. С. 545, 507). Неубедительна как по задачам и методологии исследования, так и по аргументации выводов статья (*Кривоцов*, 2022), автор которой пытается свести историческую ценность повествования об основании монастыря к комбинации «привычных топосов агиографического жанра»; при этом в работе проигнорирована как большая часть даже опубликованных источников повествования, так и весь значительный по объему блок историографических, археографических и исторических работ XVIII–XXI вв., анализирующих эти источники.

⁴² Пометка на полях Музейной редакции Угличского летописца напротив этого повествования сообщает: «Выписано сие из древнейшего Переяславского летописца, повествуемаго от города Оуглича от лет Киевского князя Игоря» (Царе-Углический летописец, 2013. С. 319).

⁴³ Логика составителей Угличского летописца в определении периодов и персоналий, как занимавших великий стол, так и находящихся на княжении в Угличе, – тема отдельного исследования.

и будущего Дмитрия Донского от внешних врагов и внутренних раздоров как нельзя лучше отвечало тем задачам, к реализации которых святитель Алексей как государственный деятель шел в течение жизни.

Распространение чтимых чудотворных списков Одигитрии и внесение связанных с этим изменений в литургическую практику исследователи связывают с именем преемника св. Алексия – митрополита Киприана. Процесс сложения нового, сложного и многопланового культа Богоматери, обусловленный изменениями в практике почитания отдельных ее икон и на древнерусской, и на европейской почве, названный исследователями «Богородичным возрождением» (Плюханова, 2016. С. 17–33), начался спустя два-три года после смерти св. Алексия и через десятилетие после основания им угличского (впоследствии Алексеевского) монастыря.

Летописи фиксируют присылку двух списков Одигитрии из Константинополя в 1381 г. архиепископом Суздальским Дионисием для Суздаля и Нижнего Новгорода. В Москве распространение культа константинопольской Одигитрии связывают с усилиями супруги великого князя Дмитрия Ивановича Евдокии и основанием ею в 1386 г. Вознесенского монастыря (Щенникова, 1999. С. 337–338, Плюханова, 2016. С. 19). Оба при жизни св. митрополита Алексия принадлежали к его ближайшему окружению как православного пастыря.

Сохранившиеся в соборах Московского Кремля византийские списки константинопольской иконы Одигитрии, относящиеся к 1-й трети XIV в. (Щенникова, 2017. С. 93, 95), как и основание угличского монастыря во имя Одигитрии, могут свидетельствовать о причастности св. Алексия к прославлению святыни и формированию нового характера ее почитания в Московской Руси.

Отметим, что данные о первом посвящении храма и будущего Алексеевского монастыря в Угличе Успению могло как содержаться в имевшемся у Серебренниковых утраченном источнике, так и, что представляется более вероятным, быть привнесенным в это повествование автором начала XIX столетия из единственного имевшегося тогда в его распоряжении документа, содержавшего информацию о посвящении богородичного храма обители – Писцовой книги 1674–1676 гг.

Именно таким образом, с внесением дополнительных сведений о «троеверхой» Успенской церкви, составителем были исправлены статьи Барсовской и Музейной редакций Угличского летописца, в которых упомянут Алексеевский монастырь⁴⁴.

⁴⁴ В статью, содержащую выпись из писцовых книг 1620 г., внесены сведения о не существовавших тогда каменных церквях Успения и Богоявления (Угличский летописец, 1996. С. 100; Царе-Углический летописец, 2013. С. 204). В записи из той же сохранявшейся в виде отдельного документа писцовой книги 1620 г. «письма и обзору Никиты Федорова Чапанина да подьячего Наума Петрова», опубликованной позднее (Серебренников, 1851. С. 213), сведений об этих храмах не содержится, в монастыре упомянута только одна «церковь Олексей Митрополит с приделом Кирила Чудотворца». Эта правка Угличского летописца логически вытекает из другой его статьи Барсовской редакции, целиком посвященной монастырю, относящей постройку «троешатровой» Успенской церкви к 1547 г. (Угличский летописец, 1996. С. 152; Царе-Углический летописец, 2013. С. 321), что также не нашло подтверждений. Причины появления этой даты, внесенной и в две статьи Музейной редакции (Царе-Углический летописец, 2013. С. 507, 545), неизвестны. Дата совпадает с годом венчания на царство Ивана IV и женитьбы его брата, угличского князя Георгия (Юрия) Васильевича (ДРВ, 1790. С. 36–46). Возможно, оба важнейших в т. ч. для Углича события сопровождалась пожертвованиями в Алексеевский монастырь, отразившимися в известных составителям документах. Правка также связана с представлениями автора летописца о строительстве храма в период правления никогда в реальности не существовавшего Фомы Колычева (Турова, 2001. С. 195–197).

Рис. 17. Углич. Вид на Огневу гору и Алексеевский монастырь с северо-востока. На первом плане – купол соборного храма св. Алексия митрополита Московского. Фото 1914 г. (по: Эдинг, 1914. С. 158)

К 1620 г. составители писцовых книг уже не нашли видимых следов этой церкви, вероятнее всего, утраченной при смутном разорении монастыря⁴⁵. Но традиция посвящения и местоположение источника, очевидно, утрачены не были.

Одним из признаков существования в монастыре более раннего деревянного храма – предшественника каменной церкви Успения – служит смещение каменного собора XVI в. при его постройке к северной границе верхней площадки холма (рис. 17; 18). Очевидно, на момент прославления святителя Алексия и строительства посвященной ему деревянной церкви наиболее выгодные как минимум для обзора центральная и южная части площадки уже были заняты. В том, что отстроенная в 1628 г. церковь с трапезной не только составителями летописца, но и многими

⁴⁵ Остатков деревянных, равно как и каменных построек, предшествовавших существующим каменным храмам XVII в., в ходе археологических исследований 1999 г. обнаружено не было, что, скорее всего, объясняется уничтожением подавляющей части культурного слоя до их начала. В стратиграфии шурфа 2 у церкви Иоанна Предтечи, в 15 м к северу от церкви Успения зафиксированы прослойки, подтверждающие хозяйственное освоение этого участка не позднее XV в., и более ранние предматериковые напластования мощностью до 0,3 м, датировка которых в связи с полным отсутствием находок оказалась невозможной. В прослойке темной углисто-золистой супеси, соотносимой со временем литовского разорения, зафиксированы вкрапления кирпичной крошки (печины?) и крошки сырой извести (побелки?) в незначительном количестве.

Рис. 18. Углич. Алексеевский монастырь. Расположение храмов монастыря на верхней площадке Огневой горы. Слева – соборный храм Св. Алексия митрополита Московского. Вид с запада. Фото начала XX в.

изданиями XIX в. была воспринята как главный храм монастыря, сыграли свою роль не только ее архитектурные достоинства и высотные параметры, но и неудачное местоположение соборного Алексеевского храма.

По точному замечанию М. Б. Плюхановой, чрезвычайные бедствия более способствуют развитию культа Богородицы, чем годы спокойствия и благоденствия (Плюханова, 2016. С. 22). Ситуации в стране при митрополите Алексии и при митрополите Филарете в значительной степени сходны.

Но к 1628 г. уже определились чудотворные образы Богородицы Одигитрии, помощью и покровительством которых был изгнан враг и преодолена Смута. Сложилась и устойчивые приоритеты в почитании богородичных икон царской семьей Романовых: костромская Феодоровская икона Одигитрии, осенившая основание новой династии, икона Казанской Богоматери Одигитрии, чудесная помощь которой при взятии Москвы по горячим следам прославлена Новым летописцем, а образ украшен Дмитрием Пожарским в 1625 г. (ПСРЛ. Т. 14, 1910. С. 130; Плюханова, 2016. С. 26–27). На рубеже XVI–XVII вв. Вознесенская Одигитрия становится важнейшей кремлевской святыней после Владимирской иконы (Щенникова, 1999. С. 340). Ко времени создания каменного храма с трапезной в Угличском Алексеевском монастыре посвящение церкви одной из этих святынь могло быть актуальным и независимо

от предшествующей истории обителя.

В этом контексте посвящение храма Богородице Одигитрии с алтарем на источнике, напрямую обращенное к константинопольской святыне, может быть расценено скорее как традиция, воспринятая от предыдущего, утраченного алтаря, освоенного представительством святителя Алексия, чем как новая инициатива старца Мисаила.

Освящение первого придела церкви во имя Космы и Дамиана⁴⁶, почитаемых на Руси не позднее чем с середины XII в. как «врачи-безмездники» (Турилов, 2019) (бессребреники), связано с темой дарования Богом по молитве искусства исцеления. Не исключено, что это посвящение также связано с памятью о чудесном даре, которого сподобился св. митрополит Алексий при излечении ордынской царицы.

Освящение другого придела трапезного храма 1628 г. во имя мученицы Христовой Ирины – не просто моление о помощи первенцу царствующего дома Романовых⁴⁷. Посвящение мало соотносится с литургической практикой мужского монастыря. Думается, оно носит довольно интимный характер и может свидетельствовать о непосредственном участии в замысле этого посвящения членов царской семьи.

Об особом отношении к памяти св. митрополита Алексия как покровителя московского царского дома и почитании святынь, связанных с его житием, свидетельствует продолжение митрополитом Филаретом начатой Иваном Грозным традиции крещения царских детей в Чудове монастыре. В марте 1629 г. (менее чем через год после постройки Дивной) в трапезной Алексеевской церкви Чудова монастыря был крещен будущий царь Алексей Михайлович.

В этом же 1629 г. сгорел и был восстановлен построенный в 1625 г. (до появления наследника – царевича Алексея) снова царским и патриаршим попечением с возведением нового соборного храма Алексеевский девичий монастырь в Чертолье, на первоначальном месте основанный святителем митрополитом Алексием. Параллели между этими шатровыми церквями, указывающие на их взаимосвязь и роль в системе ценностей царствующей семьи, уже отмечались исследователями⁴⁸. Храмы, несомненно,

⁴⁶ Сведения, как и данные о посвящении второго придела «церкви каменной Успенской троeverхой» мученице Ирине, внесены составителем летописца в статью, содержащую выписи из писцовой книги Углича 7128 (1620) г. качестве правки из неизвестного источника (Угличский летописец, 1996. С. 100; Царе-Углический летописец, 2013. С. 204). На эту дату каменный трехшатровый храм еще не был построен. Тем не менее сведения заслуживают внимания, тем более что данные о посвящении предела Косме и Дамиану встречаются и в статьях летописца, имеющих другое происхождение (Угличский летописец, 1996. С. 87, 107). Посвящение Ирине, вероятно, просуществовало недолго и было заменено с уходом его инициаторов, к 1663 г. второй придел уже пересвящен в честь пророка Захарии (Там же. С. 107; Царе-Углический летописец, 2013. С. 219).

⁴⁷ Старшая дочь царя Михаила Федоровича царевна Ирина Михайловна, соименная сестре патриарха Филарета, Ирине Никитишне Годуновой, родилась 22 апреля 1627 г. (ПСРЛ. Т. 14, 1910. С. 153; Дворцовые разряды..., 1850. Ст. 913). Посвящение одного из приделов Дивной церкви ее небесной покровительнице – дополнительное косвенное подтверждение даты постройки храма в 1628 г. О важности этого имени для царской семьи свидетельствует приглашение впоследствии Ирины Годуновой в качестве восприемницы при крещении наследника Алексея Михайловича (Дворцовые разряды..., 1851. Ст. 51).

⁴⁸ Храм Алексеевского монастыря в Чертолье был утрачен и доступен для изучения по сохранившимся иконографическим материалам. П. А. Раппопорт полагал конструктивную возможность существования в композиции завершения храма третьего, центрального шатра (*Pannonopt*, 1993. С. 188). Той же точки зрения придерживался Н. Ф. Филатов (*Филатов*, 1980. С. 24).

существовали в рамках одной эстетической парадигмы, определенной художественными предпочтениями их ктиторов. Следует отметить, что ставшее особенно актуальным после рождения Алексея Михайловича посвящение не только не умаляло самостоятельного значения поддержания культа св. Алексея митрополита Московского как предстателя за Московское государство и сильного государственного деятеля, но, возможно, выбор имени наследника отчасти стал следствием поддержания этого культа.

Вероятно, отсутствие достоверных документальных материалов никогда не позволит уверенно ответить на вопрос, стала ли постройка храма Одигитрии на источнике новым замыслом патриарха Филарета в укрепление православного царства во главе с Михаилом Федоровичем или посвящение Дивной церкви 1628 г. наследует посвящению Богоматери Одигитрии и место первого храма, и всего монастыря, основанного митрополитом Алексием в память о святине монастыря Одигон и событиях его жизни, прожитой в трудах по созданию православного государства.

В этом случае храм во имя Одигитрии – деревянный предшественник Дивной церкви – становится одним из первых проявлений процесса становления почитания главного византийского чудотворного образа Богоматери на русской почве, а трехшатровая церковь Одигитрии, возведенная попечением старца Мисаила при покровительстве митрополита Филарета, одним из редких, может быть, последним непосредственным обращением к константинопольской святине.

Не подлежит сомнению только то, что символика Богородичного храма угличского Алексеевского монастыря, воздвигнутого алтарем на источнике, намного глубже и многограннее, чем принято считать.

Литература

- Аверьянов К. А.*, 2018. Загадка завещания Ивана Калиты. Присоединение Галича, Углича и Белоозера к Московскому княжеству в XIV в. М.: Центрполиграф. 318 с.
- Амвросий (Орнатский)*, 1811. История российской иерархии. Ч. III. М. 762 с.
- Бусева-Давыдова И. Л.*, 2003. Успенская («Дивная») церковь Алексеевского монастыря в Угличе и ее место в истории русской архитектуры первой половины XVII в. // Архитектурное наследство. Вып. 45. М. С. 50–56.
- Выпись с писцовых книг писма и меры стольника Михаила Феодоровича Самарина да подьячева Михаила Русинова, 132 и 133 и 134 (1674, 1675 и 1676) годов // Труды ЯГУАК. Вып. 2. М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1892. С. 33–39.
- Голубинский Е. Е.*, 1900. История русской церкви. Т. II. Период второй, московский. Первая половина тома. М.: О-во истории и древностей российских. 919 с.
- Грабарь И. Э.*, 1909. История русского искусства. Т. 2. СПб.: Кнебель.
- Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии 1612–1628 г. Т. 1. СПб., 1850. XXXVI с., 1224, XII стб.
- Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии 1628–1645 г. Т. 2. СПб., 1851. IV с., 976 стб.
- Денисов В. В.*, 1995. Мисаил – келейный старец патриарха Филарета и настоятель Угличского Алексеевского монастыря // История и культура Ростовской земли: материалы конф. 1994 г. Ростов: ГМЗРК, 1995. С. 79–84.

- Денисов В. В., 2000а. Строительная деятельность угличских монастырей в конце XV – начале XX века // Церковь в истории и культуре Углича (статьи, публикации): сб. тр. Углич. (Угличский историко-художественный музей. Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья; вып. 7.)
- Денисов В. В., 2000б. Угличский Алексеевский монастырь. Углич. 165 с.
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 587 с.
- Евреинов К. Н., 1907. Один из угличских самородков (Памяти В. И. Серебренникова) // Серебренников В. И. Из моих воспоминаний. Углич, 2014. С. 63–91.
- Иконы – Иконы Успенского собора Московского Кремля. XI – начало XV века: каталог. М.: Северный паломник, 2007. 255 с.
- Исторический очерк Угличской «Царевской», что на крови, церкви (1583–1903 г.). / Ив. Ст. Розов. Ярославль: Тип. Губ. правл., 1905. 170 с. (Тр. ЯГУАК; кн. 4, вып. 2.)
- Кавельмахер В. В., 1999. Никоновская церковь Троице-Сергиева монастыря: автор и дата постройки // Культура средневековой Москвы. XVII век. М.: Наука. С. 40–95.
- Карамзин Н. М., 1835. История государства Российского. Т. XI. Изд. 4. СПб. 302, 53 с.
- Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии / К. Г. Рыбин. Ярославль: Тип. Губ. земской управы, 1908. 547 с.
- Кривцов Д. Ю., 2022. Угличское предание о митрополите Алексее в контексте легенд о путешествующих святых – основателях монастырей/храмов: историко-типологический аспект // История и культура Ростовской земли. 2021. Материалы XXXI научной конференции 9–11 ноября 2021 г. Ростов: ГМЗРК. С. 53–65.
- Липинский М. А., 1888. Угличские писцовые книги. Угличский уезд в XVII в. Ярославль. 620 с.
- Липинский М. А., 1890. Угличские акты XVII в. Ярославль. 220 с.
- Липинский М. А., 1892. Город Углич в XVII веке (продолжение) // Временник Демидовского юридического лицея. Кн. 56. Ярославль. С. 49–112.
- Михайловский Е. В., 1948. Углич. М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР. 56 с., 15 л. ил.
- Новиков С. Е., 1992. Архитектура трапезных палат Углича XVI–XVII вв. Особенности эволюции и влияние на гражданское строительство: автореф. дис. ... канд. архитектуры. СПб. 33 с.
- Новый лѣтописец // ПСРЛ. Т. 14. СПб.: Изд. Археографич. комис., 1910. С. 23–154.
- Описание святынь Константинополя в латинской рукописи XII века / Пер., предисл. и коммент. Л. К. Масиеля Санчеса // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 436–463.
- Перцев Н. В., 2014. Переписка и материалы по реставрации и обследованию памятников архитектуры г. Углича в 1928–1929 гг. Угличский историко-художественный музей / Подгот.: В. И. Ерохин, В. А. Колганова, Д. Д. Волкова. Углич: Арт-Принт. 22 с.
- Плюханова М. Б., 2016. «Кипѣние свѣта»: Русские Одигитрии в литургической поэзии и в истории. СПб.: Пушкинский Дом. 602 с., 12 л. ил.
- Повесть о храме Богородицы, именуемом Одигон / Пер., предисл. и коммент. А. М. Крюкова // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 464–475.
- Прохоров Г. М., 1988. Алексей (Алексий) // СККДР. Вып. 2. Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 1. Л.: Наука, 1988. С. 25–34.

- ДРВ – Разряд свадьбы князя Юрия Васильевича и Ульяны Дмитриевны Палецкой 18 сентября 1547 года // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российския касающихся. Ч. 13. М., 1790. С. 36–46.
- Раппопорт П. А.*, 1993. Древнерусская архитектура. СПб.: Стройиздат. 285 с.
- Саликова Э. П.*, 1990. Отражение исторических константинопольских реалий в иконографии иконы последней четверти XIV века «Похвала Богоматери с Акафистом» // Проблемы русской средневековой художественной культуры. М. С. 45–56. (Гос. музей Московского Кремля. Материалы и исследования; 7.)
- Севастьянова А. А., Смирнов Я. Е.*, 1996. Археографическое введение // Угличский летописец. Ярославль: Ярославская старина. С. 10–13.
- Серебренников С.*, 1851. Судное дело // ЯГВ. № 22. Часть неофициальная. III. Древности. С. 213–217.
- Серебряников В.*, 1860. Алексеевский монастырь в Угличе // ЯЕВ. 1860. № 32. Часть неофициальная. С. 298–303.
- Серебряников И.*, 1848. Исторические сведения. Об Угличском Алексеевском Монастыре // ЯГВ. № 49. Часть неофициальная. С. 277–283.
- Супрасльская летопись // ПСРЛ. Т. 35. М.: Наука, 1980. С. 36–67.
- Томсинский С. В.*, 2004. Угличе Поле в IX–XIII веках. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа.
- Турилов А. А.*, 2019. Почитание Космы и Дамиана. У южных славян и на Руси [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия: электронная версия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Косма и Дамиан. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2458823.html> (дата обращения: 13.06.2025).
- Турова Е. А.*, 2001. Церковь Алексея Митрополита Алексеевского монастыря в Угличе и ее строитель // Археологический сборник / Гос. Эрмитаж. Вып. 35. Материалы и исследования по археологии и истории Евразии. СПб. С. 194–203.
- Угличский летописец. Приложение к журналу «Ярославская старина». Ярославль, 1996.
- Филатов Н. Ф.*, 1980. Нижегородское зодчество XVII – начала XX века. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1980. 222 с.
- Филатов Н. Ф.*, 1996. Купола, глядящие в небеса. Нижегородское храмовое зодчество XVII–XX веков. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ин-та экономич. развития. 248 с.
- Царе-Углический летописец / Подгот. текста, послесловие и коммент. И. В. Сагнак. Углич, 2013. 609 с. (Тр. Угличского родословно-краевед. о-ва им. Ф. Х. Кисселя; вып. 6.)
- Житие – *Шляков Н. В.*, 1915. Житие св. Алексея митрополита московскаго в пахомиевской редакции. Пг.: Тип. Имп. акад. наук. 68 с.
- Шумаков С.*, 1899. Угличские акты (1400–1749 гг.). М.: Унив. тип. VIII, 236 с.
- Щенникова Л. А.*, 1999. Царьградская святыня «Богоматерь Одигитрия» и ее почитание в Московской Руси // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь: к 100-летию Андрея Николаевича Грабара (1896–1990). СПб. С. 329–347.
- Щенникова Л. А.*, 2017. Византийские иконы Богоматери, почитавшиеся в Московском Кремле, и их влияние на сложение иконографических типов Одигитрии в древнерусской живописи второй половины XV–XVI веков // Древнерусское искусство. Византийский мир: региональные традиции в художественной культуре и проблемы их изучения: к юбилею Э. С. Смирновой. М. С. 93–114.
- Щенникова Л. А.*, 2023. Одигитрия [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия: электронная версия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2578199.html> (дата обращения: 13.06.2025).
- Эдинг Б. Н.*, 1914. Ростов Великий, Углич: Памятники худож. старины. М. 200 с.

Сведения об авторе

Турова Екатерина Алексеевна, ООО «Экспертный центр по вопросам охраны памятников истории и культуры»;
e-mail: e.turova@yandex.ru

E. A. Turova

**ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN 1999.
THE ASSUMPTION (DIVNAYA) CHURCH
OF THE ALEKSEEVSKY MONASTERY IN UGLICH
IN THE CONTEXT OF STUDYING THE SYMBOLISM
OF THE CHURCH AT THE TIME OF ITS CONSTRUCTION**

Summary. The article discusses the results of archaeological research carried out in 1999 by the architectural detachment of the Ancient Russian Archaeological Expedition of the State Hermitage Museum. The works were carried out in the Uglich Alexeevsky Monastery, outside and inside the Church of the Dormition of the Mother of God with refectory, built in 1628, which entered the history of architecture as “Divnaya”. The excavations uncovered a stone drainage structure for the removal of excess water from the well in the basement under the altar of the church, created at the stage of laying its foundation. It can be argued that the temple was conceived and realised as a temple over a spring that existed prior to construction. The original dedication of the church of Hodegetria is considered both in the context of the events of the first third of the XVII century, and in correlation with the data on the foundation of the monastery by St. Alexis Metropolitan of Moscow in the early 1370s. The conclusion is made about the possibility of dedicating the monastery at its foundation to the Mother of God Hodegetria and the connection of this dedication with the veneration of the shrine of the Odigon Monastery in Constantinople and the events of the life of St. Alexis the Metropolitan.

Keywords: Uglich, Alexeyevsky Monastery, Church of the Dormition “Divnaya”, Hodegetria Church, temple over the spring, St. Metropolitan Alexis of Moscow, patriarch Filaret, Old Russian architecture, architectural archaeology.

О. А. Несмиян, В. Г. Несмиян

ГИДРОТЕХНИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ ПЛЕСА ПО ДАННЫМ РАСКОПОК 2024 г.

Резюме. В статье введены в научный оборот результаты работ 2024 г. на ул. Варваринская, 17, в Плесе 2024 г., где впервые были исследованы гидротехнические сооружения (дренажные колодцы). В археологии Плеса впервые в таком объеме исследовались разновременные дренажные сооружения и удалось проследить исторический ландшафт – русло оврага, преобразование которого началось еще в древности с момента освоения площадок выше по склону.

Ключевые слова: дренажный колодец, гидротехнические сооружения, городской некрополь, костяные гребни, кадило.

В 2024 г. в г. Плесе на Волге, на территории Заречья (ул. Варваринская, 17) впервые были исследованы гидротехнические сооружения (дренажные колодцы). Участок исследования общей площадью 160 кв. м находится на подножии склона горы Левитана (Петропавловская гора), в 60 м от берега Волги и в 45 м к западу от Варваринского храма. Участок в плане представляет собой прямоугольник, вытянутый по линии запад – восток, вдоль красной линии ул. Варваринская. Участок террасирован, естественный уклон направлен с юго-востока на северо-запад.

Участок изобилует памятниками гидротехники разного времени, кроме того, в раскопе было вскрыто естественное сточное русло – русло оврага-ручья.

Мы считаем уместным привести здесь краткий очерк градостроительной ситуации, сложившейся к XVI в. на рассматриваемом участке к моменту возникновения первых элементов дренажной сети.

Начальное заселение Плеса связано с особенностями рельефа. Наиболее «комфортными» условиями обладала пойма р. Шохонки, впадающей в Волгу, и, как правило, первая береговая терраса. Анализ археологического материала, выявленного при раскопках на правом берегу Шохонки, позволяет утверждать, что освоение правого берега Шохонки (Заречья) и побережья Волги к востоку от устья Шохонки происходило со 2-й половины XII – начала XIII в. (Несмиян и др., 2016. С. 181). Наблюдения над стратиграфией и характером слоя позволяют говорить, что исследованные в раскопе постройки погибли в пожаре. Пожар охватил обширную территорию, после чего

жизнь в Заречье надолго прекратилась. Место пожара было разобрано и сnivelировано, выровненные площадки на склоне горы были использованы под кладбище. Предположительно, могильник функционировал в течение достаточно протяженного времени, не менее полутора-двух столетий – со 2-й половины XIII до конца XIV в. Вероятно, что к XVI в. некрополь на склоне уже не использовался, кладбище переместилось на вершину горы Левитана.

К концу XV в. после критических политических явлений, военных конфликтов и разрушительных эпидемий наступает сравнительно спокойный период, а затем и подъем в жизни Плеса в целом.

Появление первых дренажей на рассматриваемом участке приходится на период появления жилой застройки в Заречье, выше по склону относительно места исследований. По времени эти градостроительные явления относятся к концу XII – XIV в., тогда логично предположить, что функционирование городского некрополя к югу от участка исследований относится примерно к этому же времени. Следует отметить, что район не слишком благоприятен ни для погребения умерших, ни для развернувшегося процесса строительства: материк здесь представлен каменистым песком, лежащим на глинистом суглинке. С момента начального освоения склона дренажи (водоотводные канавки), безусловно, уже строились.

Один из ранних дренажных колодцев, исследованных в раскопе, представлял собой яму подовальной формы размерами 240 × 100 см с наклонными ступенчатыми стенками, вогнутым дном. Заполнение – бурый влажный суглинок с включением древесной щепы, на отм. -45, -50 от материковой поверхности фиксируется серо-сизый суглинок, лежащий на тонком слое темно-гумусированного суглинка. Материк зафиксирован на отм. -60, -104. В яму выходит дренажная труба. При выборке ямы найден полный профиль красноглиняного грубого сосуда высотой 14,5 см, датирующийся XIV–XV вв. (*Коваль*, 2016. С. 109). Диаметр устья – 18,5 см, диаметр донца – 11 см, тип венчика – 21,2 (по Ковалю).

Приведение в относительно пригодное для эксплуатации состояние участков на склоне могло быть целенаправленным. Вероятно, мероприятия по благоустройству явились реакцией на дефицит места и неудобство жизни и деятельности в гидрологически неблагоприятных участках. Так, в раскопе зафиксировано русло оврага-ручья, преобразование которого началось еще в древности с момента освоения площадок выше по склону. Большая часть предметов, найденных в заполнении русла, позволяет датировать начальное освоение склона XII–XIII вв. В коллекции три двусторонних гребня: два костяных двусторонних гребня, датирующихся XII–XIV вв., и фрагмент деревянного гребня размерами 45 × 50 мм. Один из костяных гребней (размерами 60 × 20–40 мм, тип Е, по Б. А. Колчину (XI–XIII вв.)) (*Колчин*, 1982. С. 164, 165)) с многочастным линейным орнаментом, разделенным линией глазчатого орнамента, изготовлен из животной кости. Другой гребень – без орнамента, изготовлен из плотной кости рога. Деревянные гребни из привозного самшита прямоугольной формы появляются в конце XIII – XIV в. и существуют совместно с костяными гребнями типа Н (*Кондратьева*, 2011. С. 143) (рис. 1). Датировку гребней подтверждает и находка пряжки из цветного металла с овальной орнаментированной рамкой, размерами 20 × 10 мм, длина пряжки составляет 22 мм, размер внутреннего просвета под ремень – 0,6 × 15 мм. Подобные пряжки встречаются и в костромских, и в новгородских

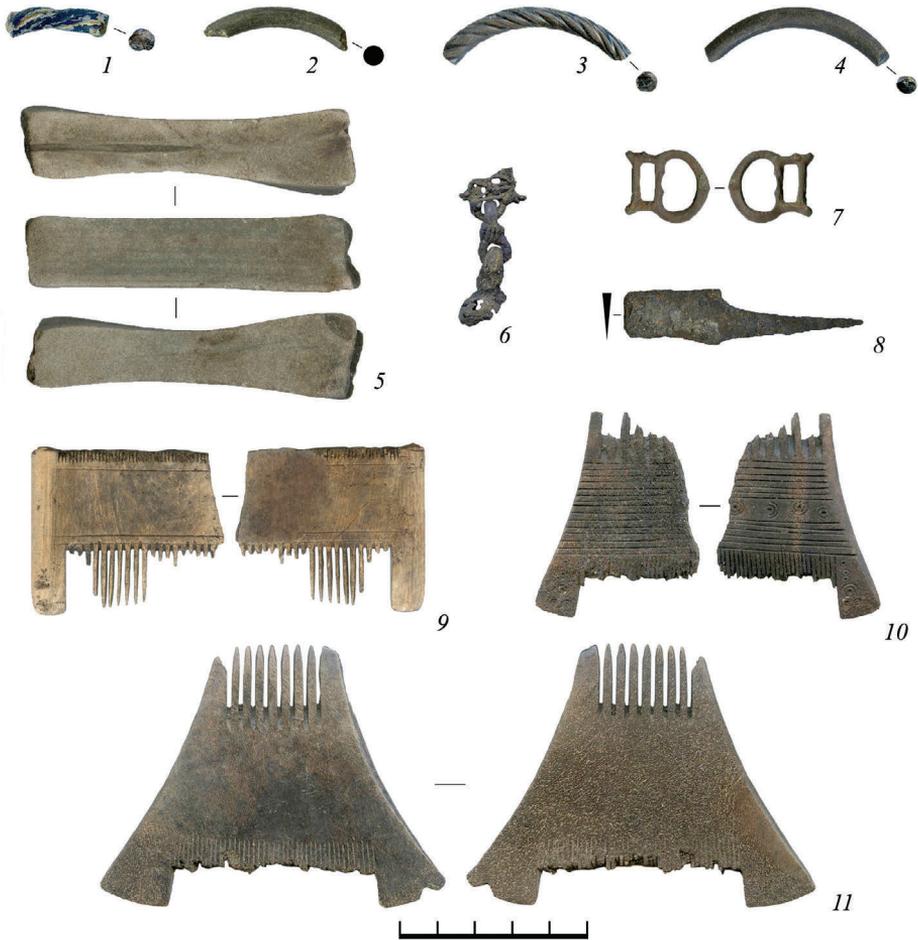

Рис. 1. Предметы из культурного слоя заполнения оврага. 1–4 – стеклянные браслеты; 5 – точильный брусок; 6 – фрагмент шумящей подвески; 7 – пряжка; 8 – нож; 9 – деревянный гребень; 10, 11 – костяные двусторонние гребни. 1–4 – стекло; 5 – камень; 6, 7 – цветной металл; 8 – железо; 9 – дерево; 10, 11 – кость

курганах и датируются 2-й половиной XII в. (Седова, 1981. С. 144). Коллекция стеклянных браслетов насчитывает 6 фрагментов: 4 крупнокрученных и 2 гладких. Цветовая гамма разнообразна: фиолетово-коричневый (2 фр.), синий, бирюзовый, темное глухое стекло и зеленоватое стекло. Браслеты с крупным кручением преобладают с конца XII в. по 1-ю половину XIII в. (Полубояринова, 1963. С. 169–174) (рис. 1). Гладкие браслеты в костромских курганах и Нижегородском Поволжье доживают до XIV в.

Следующий этап освоения площадок выше по склону относится к XVII–XIX вв. В раскопе выше по склону (Варваринская, 18) была исследована постройка

Рис. 2. Конструкция из двух срубов: водонакопительный колодец

с глинобитной печью на дощатом полу с небольшим подполом, которая авторами исследований датируется XVII–XIX вв. (Аверин и др., 2018. С. 11–19). Вероятно, с этим этапом освоения склона можно связать деревянную конструкцию из двух срубов с дренажной трубой: колодец-водосборник прямоугольной формы размерами $2 \times 2,5$ м, рубленный в «лапу» (рис. 2). Сруб колодца частично перекрыт настилом из деревянных бревен диаметром 20 см. В этот сруб входит дренажная труба (отм. -95) из двух половинок. Датировка колодца по керамике и стратиграфическим наблюдениям – XVII в. В колодец опущен деревянный сруб поменьше размерами 1×1 м, он рублен в «лапу», зафиксировано пять венцов. Пространство между срубами заполнено фрагментами бревен с темно-гумусированным суглинком, индивидуальных находок и керамики при выборке не обнаружено. Материк обнаружен на отм. -130, -135. Внутреннее пространство маленького сруба заполнено темно-гумусированным мокрым суглинком. Материк зафиксирован на отм. -187. При выборке пласта 3 вблизи колодца было обнаружено кадило, имеющее форму корпуса в виде луковицы, украшенное выпуклыми рельефными гладкими «ложками», диаметр устья – 95 мм. По форме и декору относится к типу 1 костромских кадил, известных по работам костромских мастеров-серебряников XVII–XVIII вв. (Игошев, 2007. С. 200). Возможно, колодец был освящен и использовался в церковных целях (Панченко, 2009. С. 22).

К современному этапу освоения склона относится яма подпрямоугольной формы размерами 250 × 120–100 см, частично вошедшая в раскоп. На уровне пласта 2 по контуру зафиксирован венец сруба, рубленного в «лапу». Заполнение – темно-гумусированный углистый суглинок с линзой глины и битого кирпича у северного борта. Высота сруба – 2 венца, на материке фиксируются доски. С севера к объекту примыкает дренажная канава шириной 50–60 см, глубиной 30–35 см, направлением север – юг, в которую уложена дренажная труба из двух половинок диаметром 40 см. Стенки канавы вертикальные, дно – горизонтальное, заполнение – мешаный темно-гумусированный суглинок с коричневым (материковым) суглинком. Дренаж был устроен в подпечной яме постройки XIX–XX вв., к этому периоду относится по явление второго ряда домов улицы Варваринской и в целом уплотнение застройки.

Таким образом, на примере материалов одного из городских раскопов мы видим, что мероприятия по прокладке гидротехнических сооружений могли быть обычной практикой для средневекового Плеса.

В археологии Плеса – впервые в таком объеме – исследовались разновременные дренажные сооружения. Они предназначались для отвода грунтовых вод из-под различных строений и жилых комплексов. Каждый этап освоения площадок выше по склону был связан с отводом грунтовых и дождевых вод.

Впервые удалось проследить исторический ландшафт – русло оврага, преобразование которого началось еще в древности с момента освоения площадок выше по склону.

Литература

- Аверин В. А., Барышиников В. Ю., Самотовинский Д. В.*, 2018. Древнерусский могильник в Плесе на улице Варваринская, 18: материалы раскопок Ивановской археологической экспедиции в 2014 году // Археология Плеса (материалы археологических исследований 2007–2018 гг.): сб. ст. / Науч. ред. Ю. А. Иванов. Шуя: Шуйский филиал Ивановского гос. ун-та. С. 11–20.
- Игошев В. В.*, 2007. Исследование группы предметов церковной утвари костромских мастеров-серебряников XVII века // Вестник КГУ им. Некрасова. № 2. С. 200–205.
- Коваль В. Ю.*, 2016. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы). М.: ИА РАН.
- Колчин Б. А.*, 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 156–177.
- Кондратьева О. А.*, 2011. Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси – России: археологические и этнографические очерки. СПб.
- Несмиян О. А., Несмиян В. Г., Марков Д. С.*, 2016. Этапы освоения склона правого берега реки Шохонка в юго-восточной части Плеса (по материалам археологических исследований) // АВСЗ / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. Вып. 6. С. 177–185.
- Панченко Г. В.*, 2009. Археологическое обследование Плеса в 2008 году // Краеведческие записки. Вып. XI. Иваново. С. 18–24.
- Полубояринова М. Д.*, 1963. Стекланные браслеты древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР. С. 165–199. (МИА; № 117.)
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. (X–XV век). М.

Сведения об авторах

Несмиян О. А., некоммерческое партнерство «Шуйская археологическая экспедиция»;
e-mail: nesmiyn@yandex.ru;

Несмиян В. Г., некоммерческое партнерство «Шуйская археологическая экспедиция»;
e-mail: nesmiyn@yandex.ru

О. А. Nesmiyan, V. G. Nesmiyan

**HYDRAULIC STRUCTURES OF PLYOS
ACCORDING TO EXCAVATIONS IN 2024**

Summary. The article introduces into scholarly discourse the results of research on Varvarinskaya Street, 17 in Plyos in 2024, where hydraulic structures (dry wells) were investigated for the first time. In the archeology of Plyos for the first time drainage structures of different times were studied at such a volume, and it was possible to trace the historical landscape – the bed of the ravine, the transformation of which began in ancient times from the moment of development of sites higher up the slope.

Keywords: dry well, hydraulic structures, urban necropolis, bone combs, thurible.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВСЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли
АО – Археологические открытия
ВУАК – Владимирская ученая архивная комиссия
ГАВО – Государственный архив Владимирской области
ГВСМЗ – Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМЗ РК – Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ДРВ – Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КАЭЭК – Камская археолого-этнографическая экспедиция
КГУ им. Некрасова – Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
СА – Советская археология
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников
СККДР – Словарь книжников и книжности Древней Руси
ЯГВ – Ярославские губернские ведомости
ЯГУАК – Ярославская губернская ученая архивная комиссия
ЯЕВ – Ярославские епархиальные ведомости

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ В СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ НАУЧНОГО СЕМИНАРА «АРХЕОЛОГИЯ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ»

Предоставляемые для публикации в сборнике материалы должны удовлетворять следующим требованиям:

1. Статья подается в электронном виде в формате Word или RTF. Форматирование текста должно быть автоматическим (не использовать клавишу пробела для установки абзацного отступа). В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов. Название печатается обычным шрифтом (прописными не набирать).

2. Объем публикации, как правило, не должен превышать 20 тыс. печатных знаков.

3. Допускается наличие 6 иллюстраций, которые представляются в отдельных файлах формата TIF (не вставлять в текст). Они должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения отдельных изображений, учитывая, что в печатном виде размер иллюстраций составляет 12,5 × 19 см. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. В графический файл подрисуночные подписи и расшифровки условных обозначений не вставляются. Черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1, при этом фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, а рисунки и чертежи – не ниже 600 dpi. Возможна публикация цветных иллюстраций (разрешение такое же), если цвет несет обязательную смысловую нагрузку.

4. Таблицы представляются в отдельных файлах (не вставлять в текст). Они должны иметь заголовки и номер в соответствии с порядком ссылок на них в тексте.

5. Ссылки на литературу и источники выполняются аналогично правилам, установленным для журнала «Краткие сообщения Института археологии» (в тексте в круглых скобках, фамилия автора (без инициалов, кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы). Список литературы и источников дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. При ссылке на книгу следует указывать количество страниц; при ссылке на статью или раздел в монографии – диапазон страниц данной публикации в издании. Необходимо указывать ответственного редактора сборника, а после места издания – издательство.

6. Текстовые примечания делаются автоматически, внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная.

7. К статье прилагаются: сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, место работы, контактный телефон, e-mail), список иллюстраций (если они есть) с подрисуночными подписями и список таблиц, резюме (около 1000 знаков), ключевые слова (не более 10) на английском и русском языках, а также название статьи и транскрипция фамилии и имени автора/авторов на английском языке.

Научное издание

Археология Владимиро-Суздальской земли
Материалы научного семинара
Выпуск 15

Редакторы: *А. И. Еришова, Е. А. Морозова*
Оформление обложки: *В. А. Кулишов*
Верстка: *С. В. Кожушков*
Корректор: *Г. Н. Барышева*

Подписано к печати 12.12.2025. Формат 70×100/16
Уч.-изд. л. 11,07. Тираж 200 экз.

Институт археологии Российской академии наук
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-488-3

9 785943 754883

